На борту С-56

Григорий Иванович Щедрин

SHOUT
SHARE
IT

- Щедрин Григорий Иванович

Щедрин Григорий Иванович
На борту С-56

Щедрин Григорий Иванович
На борту С-56
{1}Так обозначены ссылки на примечания.
Примечания в конце текста книги.

Аннотация издательства: В этой книге известный советский подводник Г И Щедрин, в годы Великой Отечественной войны командовавший подводной лодкой "С-56", делится своим опытом командира и рассказывает о боевых товарищах матросах, старшинах и офицерах, деливших с ним трудности боевых походов и радость побед над противником. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

На Тихом океане
Новый корабль вступает в строй
Первые шаги молодого экипажа
В учебных походах и плаваниях
В боевых походах
На Севере
Первый боевой поход
Праздник на нашей улице
Торпеды идут в цель
Отдых в базе
Море горит
Одним залпом двух
В снастях потопленного
В честь Дня флота
В ремонте
В полярную ночь
По велению сердца
Орден на флаге
Неудачный поход
Учеба пошла впрок
Увеличиваем счет еще на два
Под гвардейским флагом
Второй орден на боевом знамени бригады
Празднуем победу
Прощай, любимый город
Примечания

На Тихом океане

Новый корабль вступает в строй

Жаль расставаться, но задерживать не могу. Служи там так, как служил здесь. Ни пуха тебе, ни пера на новом месте! - напутствовал меня в своем кабинете командир дивизиона капитан 3-го ранга Роман Романович Гуз.

Мы со старшим лейтенантом Куликовым только что доложили о передаче и приеме дел на подводной лодке "Щ-110", вручили написанные об этом рапорты и направились в казарму, чтобы закончить последние формальности. Новому командиру нужно было отдать приказ по кораблю о своем вступлении в должность, а мне - официально представить его команде и попрощаться с нею перед уходом.

Легко сказать - попрощаться... Команда для командира - это не просто знакомые люди, а товарищи, с которыми ты привык делить радость и горе, успехи и неудачи, в которых веришь больше, чем в самого себя, и любишь как самых дорогих друзей.

За три года командования лодкой я всей душой привязался к ее экипажу. Море роднит людей, а для нас оно действительно стало родным домом. Много тысяч миль прошла наша подводная лодка в дальневосточных водах. Мы побывали в десятках бухт, провели две зимовки за ледовой кромкой. Были в нашей службе и большие трудности, и большие радости. Все делили по-братски, а теперь...

Несколько часов назад мы возвратились из похода. Выходили специально показать молодому командиру его корабль на ходу. Ошвартовывая "Щуку" к причалу, я в последний раз почувствовал приятный холодок ручек машинного телеграфа, которые теперь уже положено держать другому. Когда лодка привальным брусом коснулась причала, мне показалось, будто я своим телом ощутил ту боль, какую должна испытывать она.

Чувство полной слитности с кораблем при управлении им пришло не вдруг. Но теперь, когда я изучил все его свойства и капризы, он кажется мне таким же живым и послушным, как собственная нога или рука. На мостике после швартовки не задерживаюсь, а, уходя с пирса, назад не оглядываюсь, чтобы не расстраиваться... Невольно вспомнил, что так же тяжело было уходить три года назад с "Малютки".

Светлое и просторное рундучное помещение казармы, расположенное рядом с кубриком, как и все принадлежащее нашей лодке, находиться под неусыпным наблюдением молодого боцмана Геннадия Хрящева. В баталерке - так называют подводники свою кладовую - по-корабельному чисто и уютно. Цементный пол окрашен сэкономленной при доковании коричневой патентованной краской, а аккуратные занавески на

окнах сшиты из материала, выпрошенного на складе у шхиперов. Мебель и другие предметы расставлены так, как это умеют делать только моряки - ничего лишнего и в то же время все необходимое под рукой.

Прежде чем подписать свой первый приказ по кораблю, Куликов еще раз с нескрываемым удовольствием оглядел баталерку, посмотрел на добротные, красиво оформленные рундуки для личных вещей команды, стол, тумбочки и стулья. Отметив про себя, что боцман не только умеет поддерживать порядок, но не забыл и своей гражданской специальности - столяра-краснодеревщика, командир улыбнулся каким-то своим мыслям, решительно взял ручку и поставил подпись в книге приказов. С этого момента уже он, а не я командует и отвечает за подводную лодку.

В казарме в проходе между койками построена команда. Представляю нового командира, обхожу строй, каждому жму руку, желаю успеха и здоровья. Много теплых и хороших слов хотелось сказать товарищам, но речи не получилось. Я посмотрел на дорогие мне лица краснофлотцев, старшин и командиров и понял: ничего не нужно говорить, все ясно и без слов. Я чувствовал, что им так же жаль расставаться со мною, как мне с ними. Все заранее обдуманные и приготовленные фразы выскочили из головы. Постоял минуту, не зная, как поступить, затем повернулся к выходу и уже на ходу выпалил:

- Люблю я вас, черти морские...

Трудно уйти от хорошей команды. А команда на "Щ-110" и впрямь подобралась отличная. Успехи и неудачей лодки люди всегда принимали близко к сердцу. Равнодушных не было. И это сплачивало экипаж, делало его сильным, способным постоять за свою честь.

В прошлом, 1938 году лодка завоевала четыре общефлотских переходящих приза, а в этом прибавлялось к ним два новых. И лодка вышла на первое место среди подводных лодок типа нашей на Тихоокеанском флоте.

Нелегко досталось нам первенство. Сколько было вложено труда и пролито пота, прежде чем мы получили право принять на сцене клуба знамя и отвоеванные у бывших победителей переходящие призы. Наши соперники - экипажи других подводных лодок - ненамного отставали от нас, и только призовые торпедные стрельбы решили вопрос о победителе в социалистические соревновании в нашу пользу. Дорого было то, что каждый член команды вложил в общий успех все свои знания и способности.

Да, нелегко уходить командиру с хорошего корабля. И все же

я решил уйти, когда мне предложили пойти командиром еще не законченной постройкой подводной лодки типа "Сталинец". Командовать новым, хорошо вооруженным, с большой автономностью плавания подводным кораблем - разве это не честь для каждого подводника?

Назначение состоялось, но на душе было почему-то нерадостно. Думая о только что оставленных товарищах, я чувствовал перед ними какую-то вину. Да и что ждало меня впереди? С какими людьми предстояло встретиться и служить на новой лодке?

Командир соединения строящихся кораблей капитан 1-го ранга Е. Полтавский встретил меня очень радушно. Когда-то мы служили вместе, и сейчас вспомнили общих знакомых, главным образом бывших командиров "Малюток", которые, как и я, несколько лет до этого служили в дивизионе под его командованием. Полтавский интересовался судьбой каждого из нас и радовался нашим успехам. Обстоятельно ознакомив меня с условиями прохождения боевой подготовки, правилами взаимоотношений с администрацией завода, командир соединения поставил мне задачу: со всем экипажем детально изучить технику, поступившую на вооружение новой подводной лодки. В командование мне было приказано вступить немедленно.

Командиры боевых частей еще не назначены, да и команда далеко не укомплектована. Мне представляет личный состав сверхсрочник с орденом Ленина на груди и двумя шевронами на рукаве кителя. Еще до того как он назвал свою фамилию, я догадался, что это боцман мичман Дорофеев, удостоенный в 1936 году высшей правительственной награды и бывший на приеме в Кремле с группой лучших младших командиров флота. Приятная неожиданность.

На правом фланге стоит главный старшина. Лицо этого, чуть заметно улыбающегося человека мне тоже очень знакомо. Не нужно и напрягать память. Это тот самый бывший краснофлотец трюмный Константин Рыбаков, так толково обслуживавший механизмы в штормовом, трудном зимнем походе одной из "Щук", в котором несколько лет назад мне случайно довелось участвовать. Замечательно! С такими специалистами, как эти двое, не пропадешь!

Обхожу строй, узнаю фамилии остальных старшин и краснофлотцев. Затем представляюсь команде и кратко рассказываю о себе: звание, как видите, капитан-лейтенант, член партии, был комсомольцем. Возраст 27 лет. До военной службы окончил мореходное училище в городе Херсоне. Плавал в

торговом флоте матросом и помощником капитана, до старшего включительно. После призыва в Военно-морской Флот стал командиром. Сейчас назначен к вам, будем служить вместе.

Вечером после комсомольского собрания по просьбе краснофлотцев рассказываю им, как экипаж "Щуки" боролся за первенство на флоте. Слушали очень внимательно, а когда я закончил свой рассказ, секретарь комсомольской организации Магдалинин заявил:

- Мы тоже будем хорошо служить. А когда начнем плавать, знамя к нам перейдет.

Некоторые его поддержали, остальные молчали.

- А вы как думаете, товарищи, завоюем первенство?

- Думаю, что плаваем мы еще очень мелко, товарищ командир, - ответил торпедист Новиков. - Не о первенстве нам сейчас думать нужно. С изучением специальности у нас плохо, до сих пор все только чертежи мусолим, живого торпедного аппарата не видели.

- В море многие ни разу не были, - вставил электрик Дерендяев.

С этого начался очень острый, страстный и интересный разговор о неполадках в обучении личного состава. Много полезного узнал я из этой беседы. А самое главное - понял: будет на лодке команда не хуже той, от которой я только что ушел. Люди горят желанием учиться, плавать и выполнять задачи так, чтобы можно было гордиться своим кораблем.

- Что же, будем надеяться со временем стать первыми. Хотя это, конечно, легче сказать, чем сделать. А в вашей хорошей службе не сомневаюсь. Иного нам ни комсомольский, ни воинский уставы и долг не позволят, - сказал я в заключение,

С этим согласились все.

Побывал на заводе, познакомился со строителем корабля инженером Владимиром Игнатьевичем Судоргиным. Это человек среднего роста, стройный, худощавый, С энергичным открытым лицом, спокойный и рассудительный. Через несколько минут после нашего знакомства он пригласил меня на площадку осмотреть лодку.

Строго говоря, лодки еще не было. В отсеках длинного, веретенообразного корпуса лежало различное оборудование, которое после разборки нужно было установить и смонтировать. Наверху, где положено быть надстройке и палубе, вспыхивало яркое голубоватое пламя электросварки. Стоял грохот пневматических молотков, мешавший разговаривать.

Мне трудно было понять, как рабочие разбираются во всем этом. И все-таки я видел, что каждый из них занят своим делом.

Об этом безошибочно можно было судить по уверенным движениям, озабоченным лицам, деловым репликам. Я обратил внимание на то, что к инженеру рабочие обращаются редко, значит, сами знают, что им делать. Пламенем и дымом, стуком молотков и запахов оплавленного металла встретило и проводило нас "специальное судно", или "заводской объект No405", как назывался тогда наш будущий боевой корабль.

После оглушительных пневматических трелей и ослепительных сполохов сварки в комнате заводоуправления казалось особенно тихо и уютно. Владимир Игнатьевич познакомил меня с графиком установки и монтажа механизмов. Поразили названные им цифры, над которыми никогда раньше не приходилось задумываться. В лодке нужно было разместить многотонные аккумуляторные батареи дизеля, главные электромоторы, десятки тонн торпедного, артиллерийского, штурманского и другого вооружения, протянуть многие километры электрических кабелей, проводов, водяных и воздушных магистралей, установить более сотни электромоторов всевозможных мощностей и назначения, тысячи измерительных приборов, контрольных устройств, предохранителей и других деталей. И все это в условиях, когда нужно экономить каждый квадратный дециметр площади и килограмм веса.

Судоргин говорил о выполненных и еще ожидаемых поставках оборудования от заводов, разбросанных по всему Советскому Союзу. И я зримо представил себе, Как вся страна строит мой корабль. Не выходя из тесного корпуса подводной лодки, зная только, откуда получена та или иная деталь, можно было изучить промышленную географию Подины. Почти каждый член экипажа нашей подводной лодки мог здесь с радостью узнать, что и его город, область или республика строили этот замечательный корабль.

- Через год, Григорий Иванович, готовьтесь плавать, - заключил инженер. А пока изучайте новую технику, помогайте нам строить.

Главные старшины Рыбаков и Боженко ни внешне, ни по характеру не похожи друг на друга. Первый - худощавый, живой, общительный, острый на язык. Второй - из тех, кого обычно зовут увальнями, спокойный, сдержанный, немного флегматичный и молчаливый. Но в стремлении узнать все, что относится к их специальности, сходство у них поразительное. Есть еще одна замечательная, общая для них обоих черта - щедро делиться своими знаниями с подчиненными и товарищами.

Рабочий день давно кончился, но на заводской площади я встретил беспокойных старшин трюмных и электриков. Они

направлялись к головным лодкам того же типа, что и наша, посмотреть на работу механизмов. Там начинались заводские испытания. На одной запускали компрессор воздуха высокого давления, а на второй испытывались главные электродвигатели. Разве могли Рыбаков и Боженко отдыхать в такую ночь?

С командирами головных "Сталинцев" капитан-лейтенантами Дмитрием Кондратьевичем Братишко и Львом Михайловичем Сушкиным мы заранее договорились о допуске нашего личного состава на их лодки в период заводских швартовных испытаний и о выходе в будущем некоторых из старшин с ними в море.

На следующий день в одном из цехов завода я снова столкнулся с Рыбаковым. На этот раз он изучал трюмную помпу, находившуюся в процессе сборки.

- А где же ваш друг Боженко?

- Он в аккумуляторном сарае, товарищ командир. Туда поступила новая батарея для одной из лодок, и он пошел знакомиться с нею, - доложил Рыбаков.

Любознательность неугомонных старшин помогла нам правильно организовать боевую подготовку. Корабль и механизмы мы изучали теперь не только по чертежам и описаниям, но и на складах, в цехах завода, на своей и головных лодках. Все понятнее каждому из нас становились сложные лабиринты различных магистралей, сигнальных систем, бесконечное множество приборов. В команде заметно сократились разговоры о сложности подводной техники, а о ее грозной силе стали говорить чаще.

Серьезная систематическая учеба принесла свои плоды. Флагманские специалисты при очередной проверке знаний личного состава оценили их очень высоко. Было высказано мнение о необходимости осуществить на других кораблях некоторые полезные мероприятия, проводившиеся у нас. Об этом было доложено начальнику штаба, и однажды вечером я был вызван к командиру соединения.

Разговор принял совершенно неожиданный оборот. В кабинете капитана 1-го ранга находился представитель штаба флота. Поговорив со мной о положении дел на лодке, он, казалось бы вне всякой связи с предыдущим, задал мне несколько вопросов.

- Сколько времени вы служите на Дальнем Востоке?

- Пять лет.

- В отпуск выезжали?

- Нет.

- Когда и куда поедете отдохнуть в этом году?

- Отпуск мне запланирован в мае. Собираюсь съездить к

родным в Туапсе и Дербент.

- Черное море и Каспий! Места хорошие, можно позавидовать. Должен, однако, вас огорчить: с отпуском придется повременить. Решен вопрос о срочной и довольно длительной вашей командировке. Семью советую отправить на юг, сами поедете к ней осенью. Послезавтра к десяти часам прошу быть готовым к выезду. Задание получите у меня. Командование лодкой временно сдайте батальонному комиссару Бронштейну. Не расстраивайтесь, лодка выйдет с завода только через год. Успеете и задание выполнить, и в отпуске погулять, и к плаванию подготовиться.

Он протянул мне руку, давая понять, что разговор окончен. Мне оставалось только пожать ее и сказать:

"Есть!".

О том, что происходило в мое отсутствие, я узнал от товарищей по прибытии во Владивосток.

Плавать лодка начала гораздо раньше, чем это предусматривалось заводским планом.

В субботу в кубрике тяжелый электрический утюг не выключался весь вечер до отбоя. Нужен он был до зарезу каждому, но получить его от товарища, прежде чем он сгонит все морщинки с форменной рубахи и синего воротника и наведет на брюках стрелку, нечего было и рассчитывать. Приходилось терпеливо ожидать своей очереди. И чтобы не терять напрасно время, ожидающие стирали белые чехлы на бескозырки, растягивали их пружинами, чтобы просушить, а затем выгладить, драили суконками до блеска ботинки. Одним словом, краснофлотцы не собирались ударить в грязь лицом перед шефами. На воскресенье был намечен совместный выезд за город на живописный берег залива. А среди шефов много девушек, и к тому же хорошеньких. И каждому краснофлотцу хотелось выглядеть как можно лучше.

Воскресным утром вагон дачного поезда доставил шефов и подшефных моряков в дачную местность. Яркая зелень и прозрачный воздух невольно настраивали на лирический лад, и вскоре на лужайке молодежь в тесном кругу запела задорную комсомольскую песню. Затем вслед за штурманским электриком Сергеем Мамонтовым все дружно подхватили:

Если завтра война, если завтра в поход,

Будь сегодня к походу готов...

Пели долго, а когда устали петь, затеяли игру в "третий лишний". На лужайке звучали смех и шутки Время бежало незаметно и весело...

- Военнослужащим немедленно возвратиться в части и на

корабли! неожиданно раздался голос запыхавшегося от быстрого бега краснофлотца.

Не останавливаясь, краснофлотец побежал дальше, выкрикивая те же слова, предупреждая воинов, которых сегодня здесь среди отдыхающих было немало.

Ох, как не хотелось уходить! Но дисциплина обязывала. Извинились перед Девушками, быстро попрощались с ними и бегом направились на перрон, куда подходил владивостокский поезд.

Некоторые на бегу делились замечаниями и обидами:

- Снова какое-нибудь учение проводится!

- Добро, кому по тревоге в море выходить, а нам только для того и бежать, чтобы сумку противогаза через плечо повесить!

-С девушками познакомиться некогда!

- Такое воскресенье испортили!

- Братцы, труды пропадают, зачем только чистились да гладились! Зря старались!

Мичман Илья Дмитриевич Дорофеев бежал вместе со всеми, оставив на лужайке жену с шефами. Ему трудно было поспевать за молодежью, мучила одышка, и он молча выслушивал насмешливые реплики. "Молодо-зелено. Вот прибудем в базу, придется поговорить с ними о дисциплине",- твердо решил боцман.

В переполненном вагоне было тихо, как при большом несчастье. Невольно и вбежавшие в вагон моряки поддались общему настроению, прекратили разговоры и только тяжело дышали. Но вот кто-то заговорил о последних событиях. Они ошеломили своей неожиданностью. До сознания доходили лишь бессвязные обрывки фраз.

Нападение... бомбардировки... Германия... фашисты... Гитлер... война...

- Сволочи, - громко сказал Дорофеев, - гады!.. Теперь и здесь можно ждать пакостей.

От вокзала к казарме добирались попутными автомашинами. Город жил своей обычной жизнью. Как всегда, поблескивала красавица бухта, лентой тянулась Ленинская улица со знакомыми до мелочей зданиями. И все же за эти несколько часов что-то неуловимое вошло в ритм жизни города. Он стал как бы суровее и строже. На улицах не видно военных. Несмотря на воскресенье, к военкоматам тянутся вереницы людей; среди них есть и те, кто достраивал нашу лодку.

Возмущение фашистским вероломством, любовь к Родине, беспокойство за ее судьбы у судостроителей, краснофлотцев, старшин и командиров лодки проявились в стремлении быстрее

достроить, испытать и ввести в строй новый боевой корабль. По окончании своей смены люди оставались в заводских цехах и на строительной площадке, чтобы сделать как можно больше. Не хотел быть в долгу и личный состав подводной лодки. Моряки часть работ по достройке взяли на себя.

Похудевший, осунувшийся, но всегда деятельный и бодрый, Владимир Игнатьевич Судоргин успевает бывать всюду, где нужны его опыт и знания. При этом все он делает спокойно и как-то незаметно. Непонятно, где и когда он отдыхает, но каждая смена считает, что инженер работает с нею.

Когда электросварщики закончили крепление листов надстройки и ограждения рубки, корпус подводной лодки предстал в окончательном виде. Подводный корабль красив и грозен.

Самоотверженный труд людей принес успех. Заметно впереди графика идет монтаж дизелей, главных электромоторов и других механизмов, часть из которых проходит заводские испытания.

Когда я возвратился из командировки, лодка готовилась к своему первому выходу в море. Команда была уже полностью укомплектована. Но главное - люди стали заметно серьезнее. Война взвалила на плечи каждого огромную личную ответственность независимо от возраста, вот и пришлось нашей молодежи стать не по летам взрослой.

Я не уставал любоваться своей подводной лодкой. Она была уже совсем готова. Ласкали глаз гладко "зализанные" для обтекаемости легкий корпус, надстройка и ограждение рубки. Сопротивление воде они окажут небольшое, и скорость хода от этого несколько повысится. Очень тщательно продумана схема размещения механизмов внутри лодки - их сравнительно легко будет обслуживать. А верхняя палуба? Это ведь мечта подводника! Широкая, ровная. Плясать можно. При этом не металлическая, а из красивого, правда, дорогого тика. Дерево это тяжелее воды, и в случае повреждений палубы при бомбежке куски дерева всплыть на поверхность моря не могут. Следовательно, врагу будет труднее определить местонахождение лодки. Казалось бы, плавай да радуйся, но не тут-то было. Чтобы сохранить эту палубу, пришлось выдержать "смертный бой" с военными химиками. Они требовали снять ее и заменить стальной, так как в случае попадания на нее стойких отравляющих веществ деревянные части труднее будет дегазировать, чем металл. Напрасно я горячо доказывал, что от самолетов противника обязательно будем погружаться, воевать собираемся под водой, а там для нас не только химия, но и сам черт не страшен. Доводы мои их не убедили. Хорошо, что вовремя

подоспела помощь в лице командира дивизиона. Палубу мы отстояли, но уважение химической службы потеряли надолго... Ее представители ушли, ворча себе что-то под нос и пророча мне мучительную смерть от нарывов. "Мрачные личности!" - прошептал им вслед мой единомышленник боцман.

Готовимся к самому ответственному в заводских испытаниях моменту пробному погружению. Этим, кроме герметичности, проверяется остойчивость лодки под водой, ее балластировка и нагрузка.

Если бы на окнах не было затемнения, можно было бы видеть, как поздно горит свет в кабинете начальника конструкторского бюро Соловьева. Вместе с инженером-конструктором Людмилой Васильевной Калачевой он еще и еще раз проверяет все расчеты. Одновременно на лодке инженер-капитан-лейтенант Михаил Исидорович Шаповалов, главстаршина Константин Рыбаков и все краснофлотцы электромеханической боевой части тщательно осматривают каждый забортный клапан.

В бухте лодка приняла главный балласт, ушла под воду и приступила к дифферентовке. Корпус герметичен, в нагрузке просчетов нет. Приводим лодку в такое положение, когда она как бы "висит" на перископе. В момент такого равновесия стоит только опустить перископ, то есть уменьшить на несколько десятков килограммов вес вытесняемой кораблем воды, как вся махина весом более тысячи тонн начнет погружаться. Поднимешь перископ, и лодка начинает всплывать. На бльшую точность трудно и рассчитывать.

Подводное кренование продолжалось несколько часов и потребовало от экипажа и особенно от командира электромеханической боевой части и группы трюмных большого напряжения сил. Ведь пока идут испытания, ни всплывать на поверхность, ни ложиться на грунт не разрешается. Задача нелегкая, если учесть, что ход дать нельзя, а глубина не превышает пятнадцати метров Рабочим и инженерам приходится перемещаться по отсекам И это влечет за собой бесконечные поддифферентовки, для которых используется сжатый воздух.

Пока лодка шла под перископом, я находился в боевой рубке, следил за поверхностью воды в бухте и одновременно за Плавучестью лодки. Центральный пост был целиком отдан "на откуп" механику. Он там священнодействовал вместе с Рыбаковым и его группой трюмных. Кроме дифферентовки и кренования, на чем было сосредоточено основное внимание, им приходилось отвлекаться и на другие дела. В центральный пост поступали все доклады о просачивании воды внутрь прочного корпуса, о работе механизмов во всех отсеках, о передвижении

людей по лодке. На все нужно было успеть отреагировать, о самом необходимом хотя бы кратко, но точно записать. Справились мы с задачей неплохо, особенно, если учесть, что это было первое наше погружение.

Кренование показало отличные результаты. Решены были и другие вопросы испытаний. Оставаться под водой больше незачем. Даю приказание продуть среднюю балластную цистерну, и вот рубка и палуба показались на поверхности. Вполне разделяю нетерпение курильщиков и вместе с ними мечтаю сделать добрую затяжку. Но подводнику нужно торопиться обдуманно, не спеша. Я нарушил это правило и за это был наказан.

Из-за бесконечного травления сжатого воздуха внутрь корпуса давление его к моменту всплытия намного превышало атмосферное. Чтобы уравнять давление с забортным, на крышке люка есть сравнительно небольшое отверстие - атмосферный клапан. Его-то и следовало открыть раньше, чем люк. Это азбучная истина для подводника. Но бывает, что и азбуку забудешь, особенно, когда долго не был под водой. Так случилось и со мной. Вместо атмосферного клапана я развернул кремальеру крышки люка. Раздалось шипение рвущегося наружу воздуха. Находившихся внизу ударило по барабанным перепонкам так, как это случилось бы, если бы самолет мгновенно приземлился с высоты трех - четырех тысяч метров. Со мною же произошло вообще нечто невообразимое. Наблюдавшие за лодкой с берега могли видеть, как над мостиком сначала появились не фуражка и голова командира, а его ботинки и ноги. Выброшенный устремившимся наружу воздухом, я не упал за борт только потому, что крепко ухватился за ручки кремальеры крышки люка, которая давлением воздуха развернулась на 180 градусов. Никогда до этого, ни после мне не удавалось с такой легкостью выжать стойку на руках. Со стороны это, конечно, было смешное зрелище, но я от неожиданности вначале был ошеломлен, а две вскочившие на голове шишки не располагали к смеху. От моментальной смены давления над люком и в его шахте образовался пар. К счастью, внизу никто не понял, что произошло, а сам я об этом случае рассказывать не стал. Впрочем, огорчение это было мимолетное и не могло омрачить радости за свой корабль, с честью выдержавший первое подводное крещение.

С того дня мы выходили в море почти ежедневно. Заводские испытания шли успешно. Чем больше личный состав познавал свою специальность, тем увереннее обслуживал механизмы, внимательнее и требовательнее относился к работе материальной части. Командиры, старшины и краснофлотцы не мирились даже

с незначительными недостатками. Иначе и быть не могло: все понимали, что с этими механизмами нам плавать и в бой идти! К чести заводского коллектива, рабочие нас в этом также поддержали.

С каждым выходом список дефектов, предъявляемых заводу, уменьшался. Наконец наступил день, когда серьезных претензий не осталось. Вместе с заводом доложили о готовности корабля к государственным сдаточным испытаниям. Меня назначили заместителем председателя государственной приемочной комиссии.

Все мы отдавали себе отчет в том, что государственная приемка - это не только всесторонняя проверка корабля, его тактико-технических данных, надежности работы механизмов, но одновременно и экзамен для команды, проверка ее способности управлять техникой.

Мичман Юрий Елин и старшина 2-й статьи Либерман еще в базе придирчиво проверили, твердо ли усвоили мотористы правила ухода за дизелями при их работе на длительном режиме и повышенных оборотах. И они не успокоились, пока не добились от каждого уверенных и твердых знаний. Это была подготовка к испытанию машин при работе на полную мощность.

Мотористы Калиниченко, Бубнов, Бочанов и Лебедев со знанием дела помогали своим старшинам и заводским рабочим, участвовавшим в сдаче корабля, обслуживать двигатели, вспомогательные механизмы, следить за температурой подшипников и показаниями приборов. С их помощью удалось развить предельное число оборотов двигателей и в течение многих часов поддерживать этот режим.

Чтобы увеличить мощность дизелей, в пятом отсеке работали две турбовоздуходувки. Они с такой силой засасывают воздух, что в шахте люков центрального поста, через которую поступает воздух, образуется нечто вроде аэродинамической трубы. Трюмный Молодцов с большим трудом смог преодолеть сопротивление воздушных потоков и подняться на мостик, а вот спускаться пришлось, что называется, с попутным ветерком.

Мы со штурманом лейтенантом Ю. В. Ивановым весь период скоростных испытаний находились на мостике. Приятно было наблюдать стремительный бег лодки. Несмотря на большую скорость, буруны у форштевня и за кормой сравнительно невелики. Лейтенант знает, что именно это признак совершенства конструкции. Некоторые же полагают, что, чем выше пенистая водяная грива вырастает по носу и за кормой корабля, тем выше его скоростные данные. Какое заблуждение!.. Высокие буруны - признак плохой обтекаемости подводной части корабля, что

создает большое сопротивление и мешает развивать большую скорость.

- Сколько подтверждает мерная линия{1}? - спрашивает меня и председателя государственной комиссии строитель лодки, пока мы заняты точным замером скорости.

- Не беспокойтесь, Владимир Игнатьевич, премия за превышение проектной надводной скорости от вас не уйдет, - отвечает капитан 1-го .ранга Булавинец.

- Дело не в премии, а чтобы не хуже, чем у других. - С этими словами Судоргин скрывается в люке.

- Наверное, пошел поделиться с рабочими радостью, - замечает председатель комиссии.

За вертикальным рулем - старшина 2-й статьи Александр Игнатьев. Обязанности его до смешного просты - непрерывно перекладывать руль с борта на борт. Если учесть, что лодка идет самым полным ходом, то это граничит с варварством. Но командир отделения рулевых понимает: нужно убедиться в надежной прочности рулевого устройства в самых тяжелых условиях. За кормой тянется длинный зигзагообразный шлейф белой пены. Лодка послушна воле рулевого, она катится то вправо, то влево, соответственно кренясь на противоположный повороту борт. Стоящие на мостике изредка обмениваются короткими репликами о поворотливости корабля, потере скорости на поворотах, но Игнатьев думает о том, что видит. Красивое зрелище!

- Срочное погружение!

Члены приемочной комиссии одновременно пускают секундомеры. Мое же дело управление кораблем. Не прошло и полминуты со времени подачи сигнала, а лодка, как по волшебству, исчезла с поверхности моря. Мне это вдвойне приятно - и за лодку, и за ее молодой экипаж.

Продуваем цистерну быстрого погружения, задерживаемся на заданной глубине. Только белая пена и пузырьки воздуха на поверхности моря над нами свидетельствуют о том, что здесь совсем недавно находилась подводная лодка. Заданный конструкторами норматив выдержан и перекрыт.

Всплывать будем не скоро. Нам предстоит погрузиться на предельную глубину. Погружаемся "этажеркой", то есть задерживаемся на глубинах вначале через каждые двадцать, а затем десять метров. Все идет как нельзя лучше герметичность лодки полная, лишь изредка приходится поджимать тот или иной сальник, чтобы устранить капельное просачивание воды. Люди ведут себя прекрасно. Большинство из них на такой глубине впервые, и все же ни на одном лице я не видел следов волнения -

такова сила уверенности в своей технике.

На грунт легли на глубине, на пять метров превышающей официальный предел. Испытали помпы, забортную арматуру - все работает нормально. Прочный корпус, его набор, листы обшивки - эти стальные мускулы корабля, как их часто называют, не издали ни единого "стона". Хорошую сталь сварили рабочие! В прочности лодки я настолько уверен, что в трудную минуту, если придется уклоняться от противника, ни секунды не задумываясь, нырну на глубины, много большие, чем указывает красная черта на глубомере. Какое удовлетворение верить тем, кто строит, и командовать таким замечательным кораблем!

Меньше месяца потребовалось комиссии на проведение государственных испытаний по полной программе. В последний день задержались на полигоне боевой подготовки до темноты. Возвращались в базу ночью. Прожектористы точек, расположенных на входных мысах, скрестили лучи своих установок на нашем мостике, совершенно ослепив нас. В таком же положении оказался находившийся неподалеку от нас и шедший на пересечку нашего курса торпедный катер.

Когда маленький кораблик врезался в левый борт лодки, мы с сигнальщиком, щурясь от нестерпимо яркого света, не сразу сообразили, что произошло. Только когда катер беспомощно закачался в нашей кильватерной струе, мы поняли: произошло несчастье и нужна немедленная помощь. Взяв потерпевший аварию катер на буксир, мы пересадили на него фельдшера для оказания пострадавшим первой помощи, В результате удара у торпедников оказалось смятым в лепешку таранное отделение, заглохли моторы. К счастью, обошлось без тяжелораненых. По прибытии в базу обстоятельства столкновения обсуждались флотской аварийной комиссией, которая реабилитировала нас.

Государственная приемочная комиссия собралась в кабинете директора завода для подписания акта приемки подводной лодки от промышленности. Один за другим ставят свои подписи под документом все члены комиссии. Корабль принимается в состав Военно-морского Флота. Теперь это уже не объект под заводским номером, а боевая единица, которая скоро официально получит свое название.

Члены комиссии поздравляют друг друга. Я от всей души пожимаю руку строителю лодки.

- Сердечное спасибо вам, Владимир Игнатьевич,- говорю я,- и в вашем лице всем инженерам, техникам и рабочим завода за отличный корабль! От имени краснофлотцев, старшин и командиров корабля заверяю всех, участвовавших в постройке лодки, что мы добросовестно и настойчиво возьмемся за учебу. И,

если нам доведется встретиться с врагом, вам за нас краснеть не придется!

Никаких торжеств по поводу сдачи и приемки новой подводной лодки не устраивалось. Ограничились взаимными пожеланиями успехов и занялись будничными делами. Рабочий коллектив перешел на достройку других кораблей, а мы принялись за боевую учебу. К вечеру лодка бросила якорь в одной из бухт залива.

30 октября 1941 года был получен приказ о присвоении лодке номера, подъеме на ней Военно-морского флага и зачислении ее в состав Тихоокеанского флота. Подъем флага решено было произвести утром 31 октября у пирса соседней бригады подводных лодок.

Сообщение не застало экипаж врасплох. К этому торжественному дню мы готовились давно вместе с нашими шефами - рабочими и служащими одного из предприятий Владивостока. Их подарок - шелковые кормовой флаг и гюйс дождался своего дня.

Хотя на корабле полный порядок, решено было немедленно приступить к большой приборке. Ведь завтра официальный день рождения нашего боевого корабля. Именинник в свой праздник должен блестеть!

Собрав на верхней палубе весь личный состав, я обратил его внимание на важность предстоящей приборки. Говорить много не пришлось. Команда сама отлично понимала, что для такого торжества борта, палубу, надстройку, мостик, отсеки и механизмы нужно привести в идеальный порядок. Старший помощник решил даже одеяла выгладить и провести внеплановую смену Постельного белья.

Мичман Дорофеев приказал спустить тузик и вместе с краснофлотцем Подковыриным медленно обошёл вокруг лодки. Ничто не может укрыться от зоркого дорофеевского глаза. То он увидит соляровое пятно на краске, то лишь ему одному заметный дефект на ватерлинии. Все, что нужно для приведения в порядок бортов, находится под рукой. За транцевой доской тузика баночки с бензином и красками, куски ветоши, малярные кисти... На глаз, без шнура, никто, кроме боцмана" так ровно кистью линию провести не сможет. И хотя она и без того ровная, эта ватерлиния, но завтра на пирс придут старые друзья Дорофеева - не осудил бы кто... Оно спокойнее, если лишний раз самому проверить, а где нужно и подправить. Но вот борт приведен в полный порядок, и мичман разрешает вымыть, поднять и установить на место тузик.

Старшина 2-й статьи Игнатьев и краснофлотец Немальцев

сняли с мостика все рыбины, вымыли их на пирсе, уложили на место и надраивают до солнечного блеска медь на мачте, колоколе и компасе. Рулевой Николаевский забрался в кормовую надстройку, чистит и смазывает привод вертикального руля. У пушек самозабвенно трудятся комендоры.

Спускаюсь вниз и обхожу лодку. В концевых отсеках торпедные аппараты блестят, запасные торпеды в стеллажах после чистки аккуратно смазаны, койки команды заправлены все как одна.

В дизельном отсеке я вижу только ноги мотористов, свесившихся вниз головой, как циркачи на трапеции, и ветошью насухо протирающих трюм от соляра и масла. Старшина группы мичман Елин не только руководит приборкой, но и сам, как он выразился, делает жар-птицу из плит дюралевого настила.

Так в каждом отсеке. Но, несмотря на наведенную чистоту, старшины в один голос просят разрешения продлить приборку еще на два часа для "подбирания концов". Их просьбу поддерживает и старший помощник.

Разрешения не дал. Приказал все уложить на места и закончить приборку. Старпому объяснил:

- Нельзя увлекаться. Чище чистого корабль делать не нужно. Его и в таком виде не стыдно показать кому угодно. А вот о внешнем виде команды этого сказать не могу. Грязные как черти. Предоставьте время всем вымыться в бане и привести себя в порядок. Обеспечьте на завтра построение в обмундировании первого срока.

Утром пирс скатили водой из шланга и привели в порядок. Здесь разместились военный оркестр и приглашенные: моряки, судостроители и шефы. Деревянная палуба лодки, предмет нашей гордости и зависти многих подводников, поблескивает в первых лучах утреннего солнца. В кормовой ее части выстроена команда.

Боцман и старшина 2-й статьи Игнатьев по приказанию старпома еще раз проверяют надежность крепления стеньгового флага и флагов расцвечивания. С нетерпением ждем наступления торжественной минуты.

Вот прибыли капитан 1-го ранга Полтавский и полковой комиссар Павел Иванович Раевский. После моего доклада они поздравляют личный состав с корабельным праздником. Зачитывается приказ и дается разрешение на подъем Военно-морского флага.

Становлюсь у кормового флагштока. Флаг буду поднимать сам, а гюйс старпом, старший лейтенант Дунец.

Бело-красный "исполнительный" флаг на сигнальной вышке штаба бригады подводных лодок поднят до места. Одновременно

на всех кораблях, стоящих у пирсов и на рейде, до места подняли ответный вымпел. С мостика вахтенный командир лейтенант Иванов четко подает команду:

- На флаг и гюйс смирно!

Всего минуту длится торжественное молчание перед подъемом флага. А сколько мыслей пробегает за это время в голове воина. Вот стоят в строю самые молодые наши краснофлотцы Василий Легченков и Серафим Завгороднев. Они молчат, но их думы так ясно написаны на лицах, что почти безошибочно можно прочесть:

"Сейчас над кораблем взовьется флаг, наше Знамя, символ чести Военно-Морского Флота Советского Союза. Защита этой чести вверяется экипажу, а следовательно, каждому из нас лично. Под этим флагом пойдем в бой с врагом, не пожалеем жизни, но чести флага не уроним, имя твое, любимая Отчизна, пронесем через бури и грозы испытаний незапятнанным. Пока под полосатой краснофлотской тельняшкой будет биться хоть одно сердце, флаг над нашим кораблем не будет спущен ни перед каким врагом. В этом клянемся святым для нас именем матери-Родины!" И многим, наверное, в этот момент пришли на память слова военной присяги: "До последнего дыхания быть преданным своему народу".

"Исполнительный" спущен. Над бухтой Золотой Рог началась перекличка медноголосых рынд, отбивающих первые склянки. Перекрывая их перезвон, Иванов командует неестественным от волнения голосом:

- Флаг, гюйс, стеньговый флаг и флаги расцвечивания поднять!

Оркестр исполняет Государственный гимн Союза ССР. Замер строй краснофлотцев, приняли положение "смирно" заводские рабочие и шефы, командиры взяли под козырек.

По флагштоку медленно поднимается кормовой флаг. На его бело-голубое полотнище с красной пятиконечной звездой, серпом и молотом равняются моряки. В строй вступил новый боевой корабль - рядовой Военно-морского Флота с коротким, скромным и гордым именем: "С-56".

Первые шаги молодого экипажа

После подъема флага лодка простояла в базе всего один час, пока длился торжественный митинг. Открыл его полковой комиссар Раевский. Он поздравил нас с вступлением нашей подводной лодки в строй и призвал быстрее "овладеть грозным оружием.

Выступая от коллектива судостроителей, Судоргин заверил нас, что боевая техника, построенная и собранная заботливыми

руками рабочих, в бою никогда не подведет подводников.

Ответное слово было предоставлено мне. Поблагодарив за поздравления, я от имени всего экипажа дал слово в короткий срок с высоким качеством отработать положенные задачи.

На этом и закончился митинг. Гости попрощались и разошлись, а мы после короткого перерыва снялись со швартовов и вышли в море выполнять свое обещание. Нужно овладевать искусством управления кораблем, чтобы с успехом применять в бою вверенную нам подводную технику. Не такое было время, чтобы тратить его на праздничные речи и развлечения. Не откладывать на завтра то, что можно и нужно сделать сегодня,- это стало законом нашей жизни.

Пройдя маяк Токаревский, лодка некоторое время шла по живописному Амурскому заливу. Осень называют золотой. Для Дальнего Востока это определение особенно точно. Чудесная ясная погода и бесконечные оттенки красок на увядающей растительности. Среди этой неповторимой гаммы цветов преобладает желтизна - цвет золота.

Вот и красивая, удобная для стоянки бухта Славянка. Выключены дизеля. Загремела цепь отданного якоря. Команде разрешено выйти на палубу - курить и любоваться незнакомыми для многих местами. Здесь будем отстаиваться и проводить боевую подготовку.

С личным составом я уже познакомился, но продолжаю внимательно изучать каждого человека. Ведь в учебе, как и в бою, успех дела в конечном итоге решают люди. Командир должен хорошо знать, кто из команды на что способен. Это вовсе не праздное любопытство. Зная сильные стороны человека, можно с пользой применить их в том или ином деле. Точно так же можно помочь человеку преодолеть и изжить недостатки его характера. Качества, необходимые подводнику, не каждого бывают врожденными, но их может и должен приобрести краснофлотец за время службы, если ему по-настоящему оказать помощь в этом. Но для этого необходимо знать подчиненных, чтобы к любому из них подойти с правильной меркой. На моряках только форма у всех Одинаковая, а характеры, способности, наклонности, думы - разные, и нельзя этого забывать.

Например, рулевому краснофлотцу Легченкову нужно преодолеть чрезмерную застенчивость, а младшему комендору Стребелеву, наоборот, грубую фамильярность в обращении со старшими и товарищами. Лейтенант Иванов - хороший математик, у него и анализ обстановки математически точен, и реагирует он на ее изменения быстро и правильно, хотя еще совсем недавно начал службу на море. За ним нужно очень

внимательно наблюдать, чтобы под влиянием первых успехов у него не развилась излишняя самоуверенность, легко перерастающая в зазнайство. Старший лейтенант Дунец - серьезный, вдумчивый офицер, но несколько медлителен. Ему следует научиться быстрее принимать решения, ведь в недалеком будущем он может быть назначен командиром подводной лодки. Командир электромеханической боевой части инженер-капитан-лейтенант Шаповалов влюблен в свою специальность, хорошо ее знает и все-таки продолжает серьезно и вдумчиво учиться. По-другому относится к своей подготовке командир минно-торпедной боевой части лейтенант Хроменков. Специальность ему не нравится, учится он с неохотой, спит и видит себя на должности связиста. Много нужно поработать с ним, чтобы он стал настоящим командиром. Разве можно ко всем этим людям подходить одинаково?

Вот почему, вступив в командование "С-56", я был рад встретить здесь троих своих старых сослуживцев, недавно переведенных сюда с прежнего места службы-главного старшину Моргунова, мичмана Павлова и инженер-капитан-лейтенанта Шаповалова. Проплавав с каждым из них по нескольку лет, я убедился, что это отличные специалисты своего дела.

Моргунов, например, неоднократно завоевывал первенство в соединении и на флоте в соревновании радистов по приему и передаче радиограмм. Его в шутку звали "королем эфира". Это был не только хороший оператор, но и отличный техник. В радиоаппаратуре старшине нравилась точность, а любовь к точности ему была привита еще на заводе, где он работал разметчиком. Моргунов не выносил слов "приблизительно", "примерно", "около". Сам он технику своего заведования знал до тонкостей, учил и требовал от подчиненных конкретных знаний без всяких "приблизительно". При таком старшине можно быть совершенно спокойным за исправность радиоаппаратуры и фундаментальность знаний радистов. Но старшина был неравнодушен к новой технике не только по своей специальности. Помню, как заинтересовался и быстро овладел он узкопленочным киноаппаратом, когда они только появились на флоте. Хорошая любознательность и привела его на новый корабль с лодки, где его радиостанция давно и прочно удерживала первое место на соединении. Впрочем, Моргунов и здесь не был последним.

Павлов пользовался доброй славой старшины, не потопившим ни одной приготовленной им к выстрелу практической торпеды. В своем деле он так же, как и Моргунов, любил точность, ясность и обстоятельность. У него было правило: в технике без проверки ничему на слово не верить. Заводу очень

нелегко было сдать "придирчивому мичману" торпедные аппараты и другое хозяйство, входящее в его заведование. Одним словом, это были старшины из тех, кого принято называть золотым фондом флота.

О Шаповалове можно сказать коротко: о лучшем механике для корабля я и не мечтал.

Все три бывших "щукаря" внесли много ценных предложений на совещании командиров боевых частей и старшин групп, созванном мною, чтобы посоветоваться, как лучше организовать отработку зачетной задачи.

День за днем идет напряженная боевая учеба. Занятия сменяются учениями и тренировками на материальной части. Старшины, командиры боевых частей требуют от краснофлотцев безукоризненного знания организации службы, устройства корабля, инструкций и наставлений по использованию механизмов. Но этого мало. Нужно убедиться, что люди умеют эксплуатировать материальную часть, устранять характерные неисправности, заделывать пробоины и тушить пожары в отсеках. Время уплотнено до предела. Нередко в часы короткого отдыха тишину отсеков нарушают колокола громкого боя. Это сигнал тревоги. Приходится прерывать сон и бежать на свои боевые посты. Ночные учения служат для того, Чтобы проверить, насколько твердо личный состав усвоил свои обязанности. Ведь недаром, когда хотят подчеркнуть безупречность знаний, говорят: "Разбуди меня среди ночи, я и тогда тебе отвечу". Вот и хочется убедиться, что никто даже спросонья не сделает ошибок.

А когда задача отработана во всем объеме, мы повторяем отдельные ее элементы, закрепляем знания, совершенствуем навыки, "шлифуем", или, как говорят, "отрабатываем автоматизм действий". Здесь надо оговориться, что понимать это буквально нельзя. "Автоматизм" всегда должен оставаться сознательным, а не слепым. Утверждаю это с полной ответственностью, ибо было в моей практике еще в период командования "Щукой" излишнее увлечение им. Мы так часто устраивали всякие тревоги, что у людей притупилась способность сознательно разбираться в обстановке. Два случая, приключившиеся на ночных вахтах, заставили меня серьезно задуматься о чувстве меры.

...Лодка стояла у пирса в базе. Команда переселилась в казарму, и ночью на корабле оставалась лишь дежурная служба. Старшина 2-й статьи Терещенко нес вахту по живучести. Обходя центральный пост, он случайно нажал рычажок звонковой сигнализации. Прозвучал короткий сигнал, означавший "открыть кингстоны". Услышав звонок, Терещенко бросился исполнять свои обязанности по тревоге и открыл кингстоны балластной цистерны

No 1, Открыв кингстоны, он стал ждать команды "открыть вентиляцию", но вдруг сообразил, что подать эту команду, кроме его самого, некому.

Нечто подобное случилось с краснофлотцем Еловенко, с той лишь разницей, что нажал он рычажок ревуна. Услышав ревун, он схватил съемный прицел и выскочил к кормовой пушке, где должен был находиться по тревоге. После установки прицела и собственного доклада "наводчик готов" понял свою ошибку. Такой "автоматизм" едва ли может принести пользу.

Эти примеры я и привел, подводя итоги дня, чтобы предостеречь товарищей от подобных ошибок.

За столом в кают-компании с морскими картами, прокладочным инструментом и другими пособиями расположились командиры. На групповом упражнении предстоит едать очередной экзамен. По созданной обстановке они несут вахту на мостике и в центральном посту подводной лодки, совершающей плавание в районе боевых действий.

Обстановка все время меняется. Когда лодка производила зарядку аккумуляторов, неожиданно из-за облака вынырнул неопознанный самолет. Сигнальщик доложил о торпеде, устремившейся к борту корабля в носовом секторе. Прочные тросы противолодочной сети с подрывными патронами грозят опутать лодку, как стальной паутиной. Затем на пути встретились мина и охотник за подводными лодками.

Постепенно забывается, что это только учеба. Участники "вросли в обстановку" - они слышат скрежет минрепа о борт, видят серебристый след торпеды и точки, отрывающихся от фюзеляжа самолета бомб...

У вахтенного командира нет времени на размышление. Каждая секунда промедления грозит гибелью лодке и смертью ее экипажу. Решения нужно принимать немедленно и тут же отдавать приказания исполнителям. Корабельный устав возложил на него полную ответственность за своевременное принятие мер по поддержанию безопасности корабля, и он должен уметь это делать...

От души радуюсь успехам лейтенанта Иванова. Оценивает обстановку моментально, команды подает быстро, четко и правильно. Очень способный офицер. Недаром в военно-морском училище ему была назначена повышенная стипендия. Проверял его глубоко. Ставил в самые сложные условия, и во всех случаях он находил правильный выход. Отличная оценка заработана им без всяких скидок на молодость.

Ничего плохого нельзя сказать и о лейтенанте Хроменкове. Знания и способности у него несомненно хорошие. Но по-

настоящему загорается он, когда разбираются вопросы связи. Здесь он как-то преображается, хорошеет буквально на глазах. Может, действительно с его назначением произошла ошибка - не в свою стихию и не на любимое дело попал? Нужно внимательнее к нему присмотреться, подумать и посоветоваться в штабе...

Получил сообщение, что комиссия штаба прибудет к нам для проверки задачи послезавтра. Решил выделить первую половину завтрашнего дня на большую приборку, а во второй половине предоставить команде давно заслуженный ею отдых.

После приборки и обеда большинство личного состава вышло на верхнюю палубу. То и дело у носовой пушки раздается веселый смех. Знаю почти наверное: Бубнов, Игнатьев или Пустовалов развлекают команду. Это мастера по части шуток, острословия, и около них никогда нет недостатка в слушателях.

Так и оказалось: Бубнов рассказывает, как наш младший комендор собирал замок кормового орудия. Говорит он от лица комендора. Комизм в том, что сам рассказчик остается совершенно серьезным, даже когда несет явную чепуху.

Младший комендор не пользуется уважением у команды. Служит он нерадиво, любит прихвастнуть, а то и попросту соврать. На днях утерял деталь от орудийного замка. Пушка была выведена из строя, и целые сутки, пока катер не доставил нам на борт нужные запасные части, весь экипаж остро переживал такую небрежность. Оставался спокойным только сам виновник, хотя и получил строгое взыскание. Для оправдания он выдумывал одну версию нелепее другой, пока не остановился на том, что недостающую деталь смахнула в воду... пролетавшая над палубой чайка. Вот за эту чайку и достается ему сейчас от Бубнова под смех собравшихся...

Из кормовой надстройки с разрешения старпома спустили на воду тузик, а из пятого отсека притащили подвесной бензиновый мотор. Это самый капризный и ненадежный механизм на корабле. Конструкция его не из важных, да и ухаживают за ним плохо.

Сходить на берег к знакомым рыбакам за балыком получили разрешение рулевой Подковырин и моторист Калиниченко. Они прикрепили мотор к транцевой доске и пытаются запустить. Но двигатель ведет себя подобно марк-твеновским часам. Он долго не заводится, что вызывает бесконечные остроты палубных зрителей, затем после двух раскатистых выстрелов внезапно набирает такие обороты, что тузик мчится чуть ли не со скоростью торпедного катера. Натерпевшиеся насмешек Подковырин и Калиниченко победоносно машут нам на прощанье руками. Но торжество их преждевременно. Мотор, чихнув, заработал такими толчками, что нужно было крепко держаться за

борта тузика, чтобы не свалиться в воду. Наконец через полчаса, когда уже никто не надеялся на успех экспедиции, "перпетуум-мобиле" удалось отрегулировать, и "аргонавты" под "ободряющие" возгласы:

"Сообщите адрес ваших вдов", "Расход заявлен" - отправились за своим золотым руном. За ужином мы действительно ели балык, но мореплавателям пришлось плюнуть на мотор и от берега идти под более надежным "двигателем" веслами...

Блицтурнир выходного дня по шахматам подходит к концу. Над доской в финальной партии склонились Иванов и военфельдшер Ковалев - "Капабланка лодочного масштаба", недавно завоевавший первенство.

Зрителей собралось немного, но все они ведут себя солидно, хранят глубокое молчание и с видом заправских болельщиков после очередного хода того или другого из игроков выражают с ним свое согласие или несогласие молчаливым наклоном или покачиванием головы.

Сами игроки увлеклись, разгорячились. Атакует Иванов, и не только фигурами, но и словами, "давит на психику" противника.

- Сдаетесь? - спрашивает он таким голосом, будто его партнер действительно поставлен в безвыходное положение.

- Вы шутите? - парирует Ковалев и тут же контратакует противника. - Сейчас вам крышка, капут!

Игра продолжается, пока воздух не оглашает торжественная фраза:

- Маэстро, вам мат!

И это была правда. Выиграл Иванов.

На столе у радиорубки в старшинской кают-компании решается судьба другого чемпионата дня: заключительную партию ведут две пары сильнейших игроков Дорофеев и Павлов против Елина и Рыбакова. Не в пример игре в шахматы "морской козел" немыслим в тишине. Но домино, выданное на лодку отделом снабжения, ни по весу, ни по габаритам не устраивает игроков, поэтому в ходу самодельное домино, выточенное из эбонита, с медными перекладинками и крапинками глазков. В руке с трудом вмещается пять таких камней общим весом минимум четверть килограмма. Когда играющие с размаху ударяют таким камнем по столу, можно опасаться только за целость последнего, но он прочный, дубовый... Игроки выставляют камни со стуком, то и дело приговаривая:

- Партнер, вы гений! Всю жизнь мечтал, чтобы забили именно тот конец. Теперь им каюк! Сухая!

- Ставлю по пяти и спрашиваю: имеете ли вы что поставить или будете стучать?

- Пятерка? Полные руки! Не знаю куда девать. Разве вам не известно, у нас, как в Греции,- пятерки, маслины и даже генералы есть!

- Молодец, Рыбаков! Теперь все наше - фабрики, заводы и пароходы!

- Павлов, бей своего, чтобы чужой духу боялся! Они уже складывают лапки на желтый песок!

Помогают шуметь и болельщики, тесно столпившиеся в четвертом отсеке.

- Товарищ мичман, не поддавайтесь! Жмите на всю железку! Пятая боевая часть за вас стеной стоит!

Но мичману и главстаршине никакое сочувствие уже не поможет: им "отрубили" дупель шесть. И "владельцы" фабрик, заводов и водного транспорта, проиграв пятьдесят очков, вынуждены признать себя побежденными...

Дорофеев с серьезным видом советует им тренироваться перед сном, играть в маленькое домино, неделю отрабатывать взмах руки и только после этого проситься в компанию порядочных игроков.

-Так ведь это же не трудовой козел! Дупель засушили и хвастаются! Случайность, а не выигрыш! - пытаются оправдаться Елин и Рыбаков. Так или иначе, но им приходится отведать капусты, которую тут же на тарелке услужливо подает краснофлотец Жданов. Таково правило: "козлам" положено есть капусту...

Моя каюта превратилась в редакцию и типографию. Редколлегия верстает и печатает очередной номер стенной газеты. Более удобного места для сохранения тайны материалов до их опубликования на лодке нет. Пришлось уступить помещение.

Статьи в газете призывают отлично выполнить задачу, бдительно нести вахту. Откликнулась газета и на проведение выходного дня. Кто-то написал стихи, начинающиеся словами: "Козел" - животное морское...".

Член редколлегии рулевой Николаевский очень удачно нарисовал карикатуру "Экспедиция на тузике".

После ужина команда снова собирается у носовой пушки. Солнце уже совсем низко, небо ясное, а с берега дует ласковый ветерок. Кое-где по зеркально чистой воде пробегает мелкая рябь. Тишина рейда, отраженные в воде сопки и синь неба располагают к мечтам и грусти. Наверное, поэтому Пустовалов чуть слышно запевает так отвечающую общему настроению песню "Раскинулось море широко...".

- Громче, Коля, чуть громче!.. - просит дружок Пустовалова

Константин Круглов.

И вот песня уже подхвачена всеми. Негромкий, но стройный хор голосов сделал ее сильной и красивой. Над гладью бухты летят слова о безвестном кочегаре, его бедной матери и беспредельной шири океана.

А волны бегут от винта за кормой,

И след их вдали пропадает...

Много песен было спето в этот вечер - и о ночной буденновской разведке, из которой не вернулся один комсомолец, и о трех танкистах, и о том, что идет война народная.

Любят петь на флоте. Поют, когда весело и когда грустно. Поют хором громко, как сейчас, а чаще - чуть слышно, почти про себя. Если бы знали поэты и композиторы, как нужны хорошие, бодрые песни флоту!

В такой день, как сегодня, много нового можно узнать о людях, с которыми вместе служишь. Например, раньше я даже не предполагал, что у Пустовалова такой чистый, сильный голос и прекрасный слух. Не известны были мне и все качества трюмного краснофлотца Михаила Оборина. Весь сегодняшний день он потратил на то, чтобы привести в отличное состояние трюм центрального поста. Делал он это просто, от души, чтобы никто не видел. Но я случайно заглянул в трюм.

- Зачем вы работаете в выходной день, товарищ Оборин?

- Мое заведование не совсем в порядке, а мы на комсомольском собрании постановили содержать материальную часть образцово. Недосмотрел в рабочий день, буду исправлять в выходной товарищ командир. Не могу же я подводить команду.

А мне казалось, что я уже знаю людей. И в самом деле, два последних месяца я живу с командой на лодке, подолгу бываю с ними в кубрике, вижу личный состав за работой, во время отдыха и даже когда люди возвращаются из увольнения на берег. Но стоит, оказывается, несколько по-иному сложиться обстоятельствам, как человек раскрывается с совершенно новой для тебя стороны. Многого я еще не знаю о своих сослуживцах. Справедлива русская пословица: чтобы хорошо узнать человека, надо с ним пуд соли съесть.

- Разрешите, товарищ командир? - это Магдалинин пришел посоветоваться о плане комсомольской работы. Комиссара у нас пока нет, товарищ Бронштейн переведен на другую должность, а вновь назначенный еще не прибыл на лодку, так что обратиться секретарю комсомольской организации за помощью, кроме как ко мне и парторгу Дорофееву, не к кому.

Всегда помогаю комсомольцам с превеликим удовольствием. Во-первых, идет это на пользу делу, а во-вторых, сам двенадцать

лет состоял в комсомоле. Был и секретарем ячейки и секретарем коллектива, и даже портового комитета комсомола в городе Туапсе. Кое-какой опыт в работе накопил и теперь делюсь им с более молодыми товарищами. Они вправе требовать этого от "старого" комсомольца. Бываю почти на всех заседаниях бюро, а на собраниях обязательно. Это очень помогает моей командирской работе - всегда видно, где допускаешь промах или упущение в воспитании и обучении личного состава.

Много энергии у наших комсомольцев, суметь бы только направить ее на нужное и полезное дело. Больше всего волнует их, конечно, положение на фронтах. Все, что там происходит, они очень близко принимают к сердцу. Стоило, например, появиться в газетах сообщению о лихих матросских штыковых атаках под Одессой, как бюро тут же поручило комсомольцу мотористу Бочанову организовать во внеслужебное время обучение личного состава штыковому бою. Задание было добросовестно выполнено. Во дворе казармы напротив нашего кубрика появилось соломенное чучело для тренировок, а моторист стал инструктором этого вида боевой подготовки. После занятий старшины и краснофлотцы с таким остервенением колют это чучело штыком, будто перед ними не мешок с сеном, а, по меньшей мере, сам Гитлер.

Любовь к военному делу - хорошая боевая традиция комсомола. Молодую гвардию рабочих и крестьян, выпестованную большевистской партией, всегда привлекала героика. Во время гражданской войны первые комсомольцы легендарной Конной армии лавой неслись в атаку на врагов революции, выбивали белого барона Врангеля из Крыма, боролись с разрухой в народном хозяйстве, восстанавливали Военно-Морской Флот. Они действительно "выросли из пламени в пороховом дыму". Под руководством Коммунистической партии наше поколение на рабфаках и в институтах штурмовало науку, участвовало в коллективизации сельского хозяйства, самоотверженно трудилось на стройках первой пятилетки, За активное участие в боях и труде комсомол дважды награжден орденом Красного Знамени боевым и трудовым. И это, надо полагать, не последние награды.

Сейчас, в трудную для Родины годину, юные коммунары не прячутся за чужие спины. Они там, где трудно, куда зовет их партия.

Такие же горячие сердца у комсомольцев нашей лодки - им все по плечу, когда они понимают, что это нужно. Их благородное стремление - быстрее стать полноценными воинами, отлично овладеть своей специальностью. Вместе с Магдалининым и

Дорофеевым мы обсуждаем, как лучше это сделать. В плане комсомольской работы намечаем провести общее собрание комсомольцев с моим докладом о ходе и задачах боевой подготовки, а на заседаниях бюро поговорить о том, как комсомольцы выполняют свои обязательства. Оборин вносит предложение вести альбом вырезок из газет о подвигах комсомольцев на фронтах и флотах. Соглашаемся.

С утра лодку "атаковали" работники штаба. Наши знания подверглись самой тщательной проверке. Корабль с пристрастием осмотрен от киля до клотика. Сейчас в кают-компании идет разбор задачи, и подводятся итоги смотра.

Один за другим докладывают о результатах проверки флагманские специалисты. Все считают, что знания у команды хорошие, а по состоянию и содержанию материальной части замечаний вообще нет. Даже флагманский химик, кого я больше всех опасался, и тот похвалил. Заключая разбор, командир дивизиона поздравил нас с отличной оценкой, сказал, что большая группа личного состава достойна поощрения, и приказал немедленно сниматься с якоря и следовать в базу. Нам давалось два дня на пополнение запасов, мытье в бане, стирку, отдых и участие в спартакиаде соединения.

На спартакиаде, спортсмены нашей лодки отличились, завоевав переходящие призы по волейболу, метанию бросательного конца и гранаты. Но больше всего переживаний доставили команде перетягивание каната и шлюпочные гонки.

...Середина плаца у казармы заполнена моряками. Любопытные толпятся также у проемов окон второго и третьего этажей. Равнодушных зрителей нет, поэтому шум во дворе стоит невообразимый.

На площадке в центре двора тридцать молодцов - по пятнадцати в каждой из двух групп. Все в тельняшках, серых парусиновых брюках и рабочих ботинках. Команды построились у длинного тонкого пенькового троса, перевязанного посредине красным флагдухом. Сейчас будет решаться вопрос первенства в любимом виде спорта подводников - перетягивании каната.

Меряются силами команды, вышедшие в финал,- наша и подводной лодки под командованием Ивана Фомича Кучеренко, заканчивающей государственные испытания. Недостатка в советчиках и сочувствующих среди зрителей нет. Самые горячие болельщики пробились в первые ряды, чтобы морально поддержать товарищей в предстоящей борьбе.

Пока судья беседует с капитанами команд, зрители не скупятся на дружеские наставления.

- Ребята, учтите - грунт твердый, держит хорошо, долбите

каблуками ямки и упирайтесь! С места не сдвинут!

- Замыкающим ставьте самого тяжелого, пусть окапывается и выбирает слабину конца на себя! Назад - ни сантиметра не травить, если даже по колено в грунт загонят!

- Руки, обязательно руки песком натрите! Некоторые советы подаются полушепотом - только для своих.

Команды отшучиваются.

- Ладно, чем советы давать, лучше сами под шумок за бечевку в нашу сторону раз-другой дерните!

По сигналу судьи соревнований команды берут канат на руки и натягивают его. Судья занимает свое место между командами, где на земле проведены три заметные параллельные черты - в метре друг от друга. Флагдух, завязанный на тросе, приходится точно над средней чертой. Раздается свисток судьи, и соревнования начинаются.

Борьба идет всего за один погонный метр, на который нужно перетянуть противников. Но ни одна из сторон не хочет уступить даже сантиметра.

Обе команды одновременно рванули на себя струной натянувшийся канат, пытаясь в первые же секунды создать хоть маленький перевес в свою пользу. Но напрасно. Яркий флагдух лишь слегка поколебался, как стрелка манометра, и неподвижно остановился над средней чертой, где стоит судья. От усилий у краснофлотцев покраснели лица и шеи, мускулы под тельняшками вздулись. Слышно только шарканье о землю подкованных ботинок да тяжелое дыхание спортсменов.

Соревнующимся деятельно помогают болельщики. Уже нашлись добровольцы-дирижеры для обеих сторон. Они встали лицом к командам и, как старшины на шлюпках, в такт гребле машут руками, подаваясь при этом вперед всем корпусом. Многоголосый хор скандирует:

- И-и раз! И-и раз!

- Еще взяли! Еще взяли!

Из публики несутся советы и ободряющие возгласы. Все говорят в полный голос, стараясь перекричать друг друга.

- Пятьдесят шестая, канат ближе к земле прижимай!

- Не поднимайте его кверху! Не удержите!

- Ваша берет! На-а-а-вались!

- Еще раз! Пода-лась! Еще раз! Пода-лась! Отмашка флажком - и свисток судьи засвидетельствовал прохождение флагдухом крайней черты в сторону нашей команды. Но это только полпобеды...

Уставшие, взмокшие от пота, участники соревнований сменили площадки. За командами двинулись болельщики. После

короткого отдыха повторялось знакомое:

- И-и раз! И-и раз!

На этот раз нам не повезло с первой же минуты. Краснофлотец Трофимов не рассчитал усилий, каблук его ботинка выскользнул из ямки, и спортсмен, не удержав равновесия, упал под ноги товарищам. Этого оказалось достаточно, чтобы флагдух ушел за черту противника, а неумолимый свисток судьи зафиксировал наше поражение.

Разочарованные болельщики комментировали:

- На земле удержаться не может, что с ним в качку на палубе будет?!

- Как пить дать сейчас бы перетянули - дух высокий был!

- Теперь бабушка надвое сказала, чья победа будет

- Слепый казав - побачим!

Новая перемена мест, и канат на руках. Шансы на победу равны. Идет упорная схватка. Около пяти минут ни одна сторона не может пересилить или сломить волю к победе у другой. Напрасно охрипшие болельщики уверяют:

- Ваша берет! Пять сантиметров осталось!

- Братцы, жми! На вас весь мир, его окрестности и даже я смотрю

А многоголосый хор выговаривает:

- Да-вай! Да-вай! Да-вай!

- Тяни смелей, с них водичка течет!

Пот бежит ручьями по лицам соревнующихся, застилает глаза. Под ногами у них уже не ямки, а целая канава. Чтобы удерживаться на месте, приходится все время переступать. Со стороны это напоминает буксующий на месте гусеничный трактор.

- Тяни, ребята, а то бегу помогать!

- Еще раз! Пода-лась! Еще раз! Пода-лась!

- Не поддавайсь! Враг в панике! Держись! Наконец долгожданное:

- А-а-а! Ура-аа! А-а-а!

- Качать победителей!

Все бросаются на площадку, и над головами взлетают потные и пыльные, тяжело дышащие, но довольные чемпионы.

Качали не нашу команду. Утешаем себя тем, что таким противникам не стыдно и проиграть, и второе место тоже, мол, не плохо. Однако по совести сказать, утешение слабое. Недаром кто-то не удержался от горького замечания:

- За стертые казенные подметки с вас бы высчитать да в лапти обуть!

Такой же популярностью, как перетягивание каната,

пользуются традиционные гребные гонки двоек и тузиков, принадлежащих подводным лодкам. Редкий выходной день летом проходит без шлюпочных соревнований, но, несмотря на это, интерес к ним не ослабевает. Сейчас, например, зрителей на берегу бухты собралось никак не меньше, чем час назад их было во дворе казарм.

Шлюпочный старт - он же финиш - находится против головы пирса, на котором разместилась основная масса болельщиков и духовой оркестр. Кроме того, часть людей находится на палубах и мостиках стоящих здесь подводных лодок.

Только что дан старт на дистанцию десять кабельтовых двойкам. Им предстоит пройти половину расстояния, сделать поворот у специально выставленного буя и возвратиться к финишу. Среди шести стартовавших шлюпок одна наша, на победу, которой мы очень рассчитываем. В шлюпке лучшие гребцы корабля - бывший азовский рыбак А. Магдалинин и командир отделения рулевых А. Игнатьев.

Похоже, что наши гонщики оправдывают возлагаемые на них надежды. Во всяком случае, те, у кого есть бинокль, громко информируют:

- Первой обогнула буй двойка пятьдесят шестой!

- Реванш за канат берут! - комментируют на пирсе. Флюгарка на носу идущей впереди шлюпки уже видна невооруженным глазом. Зрители заволновались. Различаю голос моториста Бубнова, который кричит с мостика:

- Наши впереди! Наши!

Гребцы работают изо всех сил, одновременно и равномерно опуская весла в воду и откидываясь всем корпусом назад, делая сильный гребок. Они сумели оторваться, по крайней мере, на пятьдесят метров от ближайшей к ним шлюпки, и все же их энергично подбадривают:

- Ложись на банку! Обставляй торпедный катер!

- Секретарь, жми во всю силу! Выигрывай время!

- Саша, сил не жалей! Подлец буду, если вахту за тебя не отстою!

- Победителям гонок - ура!

Одновременно с взмахом судейского флажка, зафиксировавшего победу двойки, оркестр заиграл туш, а зрители в такт ему зааплодировали. Нечего и говорить, с каким восторгом встретили победителей подошедшие к борту лодки команда и друзья, в том числе соперники и победители по перетягиванию каната.

Шлюпку, пришедшую второй, встретили также тушем и аплодисментами. Между остальными четырьмя идет борьба за то,

чтобы не прийти к финишу последним. Ой, как обидно приходить последним! Слов ободрения не жди. По сложившейся традиции тебе обязательно крикнут что-нибудь вроде:

- Жми, не бойся! Сзади никого нет, не обгонят! А как только линию пересечет предпоследняя шлюпка, оркестр сыграет грустный мотив, который дружно

подхватят болельщики:

- Чи-жик-пы-жик, где ты был?

Словом, плохо быть последним. Поэтому так ожесточенно работают веслами на всех двойках.

Мы, конечно, присутствовали и на гонках тузиков, хотя сами в них участия не принимали. Дождались тех, кто пришел под туш и аплодисменты, и вместе со всеми спели "Чижика" последнему...

И снова нежная синь моря и белый кружевной след за кормой. Стук дизелей и гул электромоторов, ревуны, звонки, тревоги, стремительные погружения и срочные всплытия... Стремимся стать настоящими подводниками.

С каждым днем увереннее действуют люди на боевых постах. Теперь они, выполняя любой, даже самый сложный маневр, твердо верят в себя и своих товарищей.

Выполнение очередной задачи вновь получило высокую оценку.

В учебных походах и плаваниях

Вскоре в нашем положении произошли большие изменения. Из находящихся в строю подводных лодок типа "Сталинец" сформирован новый дивизион подводных лодок, куда вошла и наша лодка. Командиром дивизиона назначен капитан 3-го ранга Валентин Азаров. Под его флагом мы и выходим в зимнее плавание. До весны будем заниматься боевой подготовкой за ледовой кромкой, без захода в главную базу Обеспечивать нас всем необходимым будет пароход "Чукча" - наш отопитель и снабженец.

Для предстоящей зимовки облюбовали одну из незамерзающих бухт, где и стоим у своей импровизированной плавбазы "Чукча-Мару", как ее в шутку, на японский манер, прозвали на дивизионе.

Над страной полыхает пожар войны. Под грохот артиллерийской канонады, под скрежет танковых гусениц, под рев моторов в слезах и крови шагает она по нашим западным республикам и областям. Рвутся глубинные бомбы у бортов североморских, балтийских и черноморских подводных лодок. Но мы знаем об этом, только из газет и по радио. Неизвестно, когда нам доведется принять участие в войне. Однако нельзя терять драгоценное время, когда никто не мешает учиться,

тренироваться и готовиться к будущим боям. Нужно ежедневно выходить в море и ежечасно учиться воевать. Такую задачу поставил перед нами командир дивизиона, и мы ее выполним...

Давно кончилась золотая осень. Установилась суровая дальневосточная зима. Море аккумулировало тепло и медленно, неохотно отдает его. Лед сковал только мелководье у берега. За припаем от резкой разницы в температуре воздуха и воды над поверхностью моря клубятся густые облака пара.

Нелегко плавать в таких условиях, но еще тяжелее атаковать "противника" торпедой из-под воды. Из-за парения моря в перископ ничего не видно. Есть и второй враг наблюдения - тридцатиградусный мороз. Лишь только наружная линза верхней головки перископа поднимется над водой, как на ней моментально образуется тонкий слой льда, и линза почти не пропускает света.

Пеленги на быстроходный надводный корабль, доложенные гидроакустиком, позволили определить местонахождение цели, развернуть лодку навстречу "врагу" и начать маневрирование для атаки. Константин Круглов, внимательно вслушивающийся в забортные шумы, полон желания вывести нас в точку залпа и предоставить нам возможность использовать оружие с помощью аппаратуры, которой он управляет. И не его вина, что необходимой точности он обеспечить еще не может. Точность достигается длительными систематическими тренировками, а их-то и недостает гидроакустику. Только бы на секунду увидеть мишень в перископ, чтобы проверить акустический пеленг...

В отсеках царит напряженная тишина. Все подчеркнуто внимательны, сосредоточенны. Еще бы, сдаем экзамен - проводим первую зачетную атаку с выпуском практической торпеды. Тут уж оценка самая объективная, справедливая и показательная. Сумеем подойти незамеченными и попасть в корабль-цель, как бы она ни уклонилась, - отлично, честь нам и слава; не сможем - зря винтами воду месили, придется повторять атаку. Но атаку повторить - не пушку перезарядить:

одного веса в торпеде две тонны, а приборов всяких - без счета...

Больше всего Павлову хотелось быть в противоположном конце лодки, в ее первом отсеке. Там сейчас торпедисты проводят последние приготовления к выстрелу. Мичман не сомневается в их знаниях и умении - сделают правильно, а все же надежнее, когда сам присутствуешь. Мало ли что может случиться выпускается-то первая...

Трудов на нее ушло много. Грузили торпеду в лодку при трескучем морозе, обжигая ладони о металл. Тщательно готовили

и, чтобы исключить всякие случайности, много раз проверяли. Должна пройти безукоризненно. Старшина ручается за успех. А червь сомнения точит - никогда прежде не приходилось стрелять в тридцатиградусный мороз при температуре забортной воды ниже нуля, когда только соленость мешает ей обратиться в лед. Будет ли техника надежно работать в таких условиях?

Хотя в седьмой отсек, где по тревоге находится Павлов, и не доходят команды, передаваемые в первый, но он ясно представляет себе все, что там делается. Каким-то шестым чувством улавливает он момент открытия передней крышки торпедного аппарата и доклада в центральный пост о готовности к выстрелу. Взглянув на глубомер, мичман отмечает: глубина перископная, скоро залп...

Предположения старшины группы торпедистов о близком завершении атаки оправдались. Цель подходит на угол упреждения. После многих бесплодных попыток мне, наконец, удалось увидеть в перископ в разрывах белого пара мачту и трубу миноносца. Это большая удача! Теперь он от нас не уйдет

- Аппараты - товсь! Пли!

Легкий толчок и шипение воздуха ощутили и услышали все, и Павлов представил себе точную картину событий в боевой части. Секунду назад Магдалинин, выполняя команду, резко рванул на себя рукоятку перепускного клапана. Ворвавшийся в аппарат сжатый воздух мощным ударом вытолкнул торпеду, и помчалась навстречу цели наша первая... учебная!

На мгновение к сердцу Павлова подступила обида: обошлись без меня. Старпом даже запретил заходить во время стрельбы в первый отсек, приказал быть на своем месте по боевому расписанию. А если торпедисты по малоопытности ошиблись да утопили торпеду? Во что это обойдется государству? Но он тут же устыдился своих мыслей. Ишь ты куда гнешь, Федор. В бою тебе в первом отсеке быть не положено, а о точности действий подчиненных в бою заботиться нужно раньше. Правильно сказал старпом: "Дорого государству обходятся потопленные практические торпеды, но еще дороже хорошая выучка экипажа, каждого человека на своем штатном боевом посту. К войне готовиться - не в бирюльки играть..."

Едва кончились одни волнения - удастся ли атаковать, как начались новые попадет ли в цель и не утонет ли торпеда?

Преследованию со стороны "противника" мы не подверглись и потому всплыли. Остается только удивляться, как удалось нам увидеть цель. Даже стоя на мостике, мы часто теряем ее из поля зрения. Идем, ориентируясь по прямому как стрела следу, оставленному торпедой. Заметят ли его в такую видимость на

миноносце?

Пребывать в неведении долго не пришлось. На фок-мачте корабля-цели взвился сигнал: "Вижу торпеду", а вслед за ним флаг "Добро", что значит - атака проведена успешно. В подтверждение этого получаем семафор командира дивизиона с борта цели: "Торпеда прошла под килем в районе машинного отделения. Поздравляю". Для нас это самая высокая и желанная награда.

Передача поздравления командира дивизиона по лодке нарушила тишину в отсеках. Напряжение сменилось бурной радостью, которой подводники спешат поделиться друг с другом. Забыв о своих недавних сомнениях, Павлов говорит Дорофееву, что у него ни секунды не было сомнения в отличном действии своего оружия. Самое любопытное, что мичман сам верит в это, хотя всего минуту назад он лихорадочно перебирал в памяти причины, от которых может затонуть или неверно пойти практическая торпеда.

Вызываю на мостик и поздравляю лейтенанта Хроменкова. Успешное выполнение задачи - результат дружной учебы и усилий всего экипажа, но прежде всего торпедистов. Много напряженного труда вложили они в только что произведенный меткий выстрел. Поэтому я благодарю весь личный состав боевой части через их командира.

Первый успех поднял дух экипажа, вселил веру в собственные силы. Но почивать на лаврах вредно, да и некогда. Проведенная атака - это лишь эпизод в длинном перечне огневых и других задач, которые нам предстоит выполнить в многодневном зимнем походе.

По полученным сведениям, "противник" обнаружен в отдаленном районе моря. Полным ходом устремляемся вперед, чтобы уничтожить его. Но торпед на лодке больше нет. А так как нам сообщили, что цель одиночная и слабо вооруженная, решено пустить в дело артиллерию. Правда, выполнение задачи усложняется тем, что бой должен произойти в зоне действия "вражеской" авиации. Очень важно поэтому внимательно наблюдать за горизонтом, чтобы отразить возможную "атаку" воздушного противника зенитным огнем.

Посредником к нам назначен дивизионной механик инженер-капитан 3-го ранга Самыгин. Из этого делаем вывод, что без серьезных повреждений, то есть без "пробоин" и "пожаров", из боя нам не выйти...

На откидной металлической площадке у тумбы перископа сигнальную вахту несет краснофлотец Немальцев. Резкий ледяной ветер обжигает легкие и заставляет слезиться глаза.

Замерзающие на лету соленые брызги безжалостно секут ему лицо. Оставленный полчаса назад холодный отсек, в котором при разговоре пар валит изо рта, как дым из "козьей ножки", сейчас представляется ему уютным и желанным местом.

"Там пар, - думает Немальцев, - а здесь сосульки то и знай от глаз вместе с ресницами отдирай. Наружные стекла бинокля покрываются льдом. Раз посмотришь, и под полушубком на груди отогревать приходится. Того и гляди из самого остатки тепла выдует. Хорошо мотористам и электрикам. Хоть весь поход из отсека не выходи, не то что нам, рулевым да сигнальщикам".

- Сигнальщики! Внимательнее наблюдать в своих секторах! Возможны самолеты! - раздается команда вахтенного командира.

- Есть! - одновременно отвечают ему три голоса. "Что же это я крылья опустил, как мокрая курица, - продолжал рассуждать Немальцев. - Вот тебе и комсомолец! Присягу давал: защищать с достоинством и честью, а сам мороза с ветром испугался! Не один ведь на мостике вахту несу. Рядом - второй сигнальщик, вахтенный командир, а у кормовой пушки-дежурный комендор, совсем молоденький торпедист Трофимов. И никто, наверное, не ноет. Не хватало, чтобы я еще самолет просмотрел. Нужно взять себя в руки".

И он стал усиленно наблюдать за горизонтом. От этого даже как-то теплее стало. Когда очередной волной лодку сильно накренило, длинноволновая антенна, протянувшаяся над палубой, вздрогнула и начала вибрировать как натянутая до предела струна под пальцами музыканта. Просто удивительно, как быстро обросла она льдом и как выдерживает такую тяжесть сравнительно тонкий кабель!

- Товарищ вахтенный командир! На носовой антенне много льда!

- Да, вы правы... С минуты на минуту он может оборвать антенну. Нужно немедленно доложить командиру кораблями, пока еще не поздно, уходить под воду, чтобы лед растаял...

По опыту знаю, насколько сложнее, чем летом, уход за механизмами в жестокий мороз. Например, все тарелки клапанов вентиляции цистерн главного балласта, приводы и валики выходящие в надстройку и ограждение рубки, замерзают, грозя перестать вращаться и надолго задержать погружение подводной лодки. Особенно опасно, если "заест" один из клапанов вентиляции концевых цистерн. Тогда придется погружаться с аварийным дифферентом. А уходить под воду нам приходится довольно часто, чтобы растопить глыбы льда, нарастающие на палубе и бортах в 25-30-градусный мороз. Но за весь поход неисправностей или "заеданий" в системе погружения и всплытия

не было. Все обошлось благополучно и при последнем погружении.

И это не просто удача или везение, а результат рационализаторской работы трюмных, приготовивших незамерзающую смазку для резьбы приводов. Самыгин обратился ко мне с просьбой поощрить за это Рыбакова и Оборина. Просьбу дивизионного механика я удовлетворил с величайшим удовольствием. Приказ зачитали во всех отсеках.

В заданном районе погрузились и приступили к поиску, но долго никого обнаружить не могли. Наконец старший лейтенант Дунец увидел в перископ корабль, буксирующий малый корабельный щит. Это и был тот самый "одиночный транспорт противника", который мы должны уничтожить.

Маневрируя под водой, занимаем выгодную позицию для артиллерийского боя. Командир боевой части лейтенант Хроменков, получив от меня пеленг, дистанцию и другие необходимые данные о "противнике", готовится открыть огонь из носового 100-миллиметрового орудия.

...Артиллерийский бой даже со слабо вооруженным транспортом нежелателен для подводной лодки. Незначительная пробоина в прочном корпусе от ответного огня лишает ее самого ценного преимущества-погружения. Но у подводников есть и немаловажное преимущество перед противником, используя которое, можно рассчитывать на победу: мы видим врага, готовимся к бою, а он порой даже не подозревает о нашем существовании. Задача состояла в том, чтобы потопить транспорт раньше, чем заговорят его пушки. Словом, когда кончились торпеды, и артиллерия неплохое оружие, нужно уметь владеть и им...

- Артрасчетам собраться в смежные отсеки!

- Артиллерийская тревога!

Управляющий огнем ставит задачу прислуге орудий и командует первоначальные установки на приборы. Установщикам прицела и целика необходимо точно их запомнить и, заняв свои места у пушки, исполнить. Задача понята всеми, о чем и доложено в центральный пост.

- Расчетам на трап! Продувать среднюю! Товсь дизель!

Со свистом врывается сжатый воздух в цистерны средней группы и, многократно расширяясь в объеме, вытесняет из них воду. Лодка приобретает несколько десятков тонн положительной плавучести и, как древнегреческая богиня Афродита, возникшая из морской пены, выскакивает на поверхность.

Артиллеристы заняли свои места на трапе за моей спиной. Борьба за секунды заставляет нас, как на старте, быть готовыми к

прыжку на мостик, как только откроется верхняя крышка люка.

Вода еще не успела схлынуть с мостика, а люк уже открыт, и люди стремглав разбегаются по своим местам. Стучат по палубе отданные с орудий стопора.

- Носовая к бою готова!

- Согревающим-заряжай! Залп! Рявкнула пушка. Ствол прогрет. Раздаются все новые команды и громкие крики:

- Товсь!

- Залп!

- Товсь!

- Залп!

Гул выстрелов, звон ударяющихся о палубу гильз. Дым и пар из газовыхлопного отверстия.

- В бинокль отлично видно, как перед и за щитом встают всплески падений. Хроменков без ошибок управляет, а расчет без пропусков ведет огонь. Замечены два попадания вышит. Для первой задачи отлично, но довольно испытывать судьбу, пора уходить под воду. Личный состав готовится покинуть палубу. Но поздно...

"Противник" перед гибелью успел сделать несколько выстрелов из своей кормовой пушки. Посредник указывает место взрыва вражеского снаряда, а из центрального поста поступает тревожный доклад:

- На мостике! "Пробоина" во втором отсеке и "пожар" в первой группе аккумуляторной батареи!

В лодке объявлена аварийная тревога. В помощь личному составу пострадавшего отсека направлена корабельная аварийная партия. Батарея обесточена, с нее снято питание. Ведется борьба с огнем, водой и дымом. Дивизионный механик постарался, чтобы "авария" как можно больше походила на действительную, во всяком случае, дым из подожженных им шашек совсем не условный, и работать без изолирующих кислородных приборов нельзя.

Большое напряжение создалось для команды внутри лодки. На мостике и у кормовой пушки тоже ничуть не легче.

От последних залпов транспорта мы ушли, закрывшись дымовой завесой. Но "противник" решил взять реванш за уничтоженный пароход и принялся за нас всерьез. Из-за облаков вынырнул самолет с конусом. Это налет "вражеской" авиации по лишенной возможности погрузиться подводной лодке.

- Открыть огонь!

Заговорили кормовая пушка и пулеметы. В направлении конуса тянутся пунктирные следы трассирующих снарядов и пуль. Самолет удалось отогнать, однако его огонь нанес ряд

мелких повреждений в надстройке и корпусе, а главное, пять человек из прислуги орудий "ранены" пулями и осколками.

Транспортировка "раненых" вниз через узкое отверстие люка по вертикальному трапу, да еще на качке - дело далеко не легкое. И боевые санитары во главе с фельдшером справились с этим далеко не блестяще. Раны были условные, а вот синяки и шишки, полученные "ранеными" при спуске их в центральный пост,настоящие. Пострадавшие не стонали, но ругались и рычали на "братьев милосердных" зело.

- Я понимаю, - вопил приписанный к кормовому орудию моторист Бубнов, потирая багровый синяк на лбу, - что привычка к ушибам и боли - служебная обязанность подводника, но зачем же добивать раненых?..

К походу, о котором идет речь, мы провели большую и серьезную подготовку, поэтому все поставленные задачи были выполнены точно в назначенные сроки.

Каждая дошедшая с действующих флотов крупица боевого опыта тщательно проанализирована нами и взята на вооружение. Проведенный артиллерийский бой явился откликом на смелые действия североморских подводников, потопивших снарядами своих пушек немало фашистских кораблей.

Мы узнали, в каких тяжелых условиях приходится воевать балтийцам, и теперь тренируемся в преодолении трудностей, не давая себе ни одного спокойного дня плавания. "Больше пота на ученье - меньше крови на войне" - под этим девизом готовился и проводится наш зимний поход. Он до предела насыщен боевой учебой и приносит огромную пользу экипажу.

Нелегка служба подводника в плавании, заполненная непрерывными тревогами и учениями. Но команда не унывает, не тяготится трудностями и не пасует перед ними. Мы полны желания всерьез готовиться к войне...

Получена радиограмма с приказанием возвратиться к месту базирования. Последние десятки миль идем в надводном положении по фарватерам в "минных полях". Водяная пыль, срываемая ветром с верхушек волн, при падении на лодку мгновенно превращается в лед. Сосульки на антеннах, мостике и пушках принимают причудливую форму. Но нам вовсе не до красот и узоров. От огромной тяжести намерзшего на верхней палубе льда уменьшилась остойчивость корабля и его боеспособность, а бороться с обледенением не хватает сил. Хорошо бы хоть на короткое время погрузиться, но это не позволяют сделать полученные в бою "пробоины" и минная опасность.

В таком полуфантастическом виде и прибыли мы в свою

бухту. О швартовке к плавбазе или постановке на якорь без очистки ото льда не может быть и речи. Швартовные концы и якорное устройство скрыты под метровой толщей замерзшей воды.

Видя наше беспомощное положение, командир дивизиона разрешил погрузиться и лечь на грунт для оттаивания. У нас уже большой опыт. Мы знаем, что лед создает дополнительную положительную плавучесть. На этот раз пришлось полностью заполнить цистерну быстрого погружения, прежде чем наш самодвижущийся айсберг ушел под воду.

Наконец мы у борта "Чукчи"... И только тут все поняли, как соскучились по теплу. Подключили паровое отопление и впервые за многие сутки сняли полушубки, валенки и меховые регланы. Для нас приготовлена баня, и никто не может оценить ее так, как ценит подводник на зимовке.

В трюме "Чукчи" оборудован кинозал. Смотрим документальный фильм "Разгром немцев под Москвой". А ведь еще совсем недавно, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова, мы слушали по радио сообщение об этой первой нашей крупной победе после начала войны.

Мы видим на экране наступающих по пояс в снегу красноармейцев, убегающих и захваченных в плен гитлеровских солдат. Объектив киноаппарата запечатлел разрушенные, разграбленные и сожженные деревни и города. Повсюду виселицы, горы трупов - женщин, стариков, детей... Такое фашистам простить нельзя...

Когда включили свет, суровые лица моряков и крепко сжатые кулаки говорили сами за себя. Было ясно, о чем думают вернувшиеся из трудного похода люди. Ничего, товарищи, мы еще встретимся с врагом!..

А пока старший политрук Дмитрий Тимофеевич Богачев, выступая на партийном собрании во втором отсеке, говорил:

- Коммунисты в зимнем плавании работали не за страх, а за совесть и со своими задачами справились. Наглядным примером этому служит высокая оценка командованием дивизиона последнего похода, проведенных нами торпедных и артиллерийских стрельб. Партийная организация сумела возглавить стремление экипажа лодки в короткий срок научиться по-настоящему бить и побеждать врага. Личным примером в выполнении своего долга члены и кандидаты партии помогли выполнить план боевой подготовки зимнего периода. Но ставить на этом точку, не сказав ничего о наших недоработках, было бы неправильно...

И докладчик отметил отдельные недостатки, сказав:

- Надеюсь, присутствующие дополнят меня, внесут практические предложения, и тогда от обсуждения итогов зимней учебы на партийном собрании будет польза делу.

Комиссар прав. Наша партийная организация - это спаянный, крепкий, боевой коллектив, способный вести за собой весь личный состав корабля. Хотя коммунистов у нас не так уж много, но они работают не келейно, а в самой гуще команды, подавая пример настойчивости в учебе, дисциплине и исполнительности в службе. Каждый из них является коммунистом не по названию, а по существу. Лишний раз убеждаюсь в этом, внимательно слушая развернувшиеся по докладу комиссара прения.

Говоря о достижениях, которые никто оспаривать не станет, и, заботясь о дальнейших успехах лодки, выступающие смело говорят о недостатках в своей работе и работе товарищей.

Шаповалов говорит о том, что присутствующие на собрании коммунисты и он сам допускают в работе много промахов, как это было, в частности, при приемке механизмов от завода. Это не только урок на будущее, но и забота о поддержании повседневной боеготовности.

За плохую выучку и недостаточную боевую натренированность санитаров крепко досталось не только военфельдшеру Ковалеву, но и старшему лейтенанту Дунец, который никак не мог найти время для санитарной подготовки, считая, что этим заняться никогда не поздно.

Павлова критиковали за промахи в подготовке подчиненных к борьбе за живучесть, а Дорофеева - за ослабление партийной работы. Были замечания и в адрес Иванова, и в адрес Рыбакова. Обошли только меня одного. Коммунисты считают, что я сам могу видеть свои недостатки и избавиться от них. Тем требовательнее и строже должен я обдумывать и оценивать каждый свой поступок.

А если сказать правду, меня не только критиковать, но по-морскому пропесочить и голиком продраить нужно. Столько ошибок наделал я, несмотря на весь свой опыт, а может быть, именно благодаря ему! В самом деле: пять лет командую кораблями, третий раз зимую за ледяной кромкой, успешно сдаем задачи с молодым экипажем. Вот и поддался вредной самоуспокоенности. Зазнайством не назовешь, а что-то вроде головокружения от успехов было...

В начале зимы произошел такой случай. Лодка несла дозор у входа в бухту, охраняя стоянку дивизиона. Дул свежий морозный ветер, поднимая на воде белые беспокойные барашки. К утру на верхней палубе и надстройке образовался толстый слой льда. Оставленная по недосмотру поднятой, шлюпбалка примерзла в

гнезде, а вокруг нее образовался целый хрустальный столб. Снять и завалить ее теперь уже было нельзя. Решил погрузиться с неубранной шлюпбалкой, чтобы срубить ее после всплытия, когда она в воде оттает. Положение облегчалось тем, что по утвержденному комдивом плану с утра предстояла отработка упражнений под водой.

Широкий, глубоководный залив полностью в нашем распоряжении. Тренируемся, не выходя из его пределов и не всплывая. На грунт легли перед обеденным перерывом, чтобы дать возможность уставшей в ночном дозоре команде спокойно отдохнуть на дне залива.

Но что такое? Явственно слышен взрыв - далекий, но резкий и сильный. За ним - второй! По-видимому, взорвались мины на оборонительном заграждении.

- Записать в вахтенный журнал!

Эпизод со взрывом был тут же забыт, тем более, что после обеда команде предоставлен полуторачасовой отдых. Через десять минут все свободные от вахт, утомленные ночным бодрствованием и разморенные сытным обедом, крепко спали. Вахту несли всего несколько человек во главе со старшим помощником командира.

- В центральном! Над седьмым отсеком на верхней палубе слышу слабый шорох! - доложил вахтенный торпедист Михаил Новиков.

Старший лейтенант Дунец взглянул на приборы. Пузырек дифферентометра показывал полтора градуса на нос, но тут же отошел к нулю, как и было после того, как лодка легла на грунт.

"В чем дело? Что происходит? - недоумевал старпом. - Скорее всего, это скопившийся в магистралях продувания балласта воздух через неплотно прикрытый клапан вытесняет воду из кормовых цистерн",- подумал он и, отдав соответствующие приказания, стал внимательно вслушиваться в забортные шумы и следить за показаниями приборов. Но ничто не нарушало тишины, и никаких изменений дифферента не было. Это окончательно его успокоило и, казалось, подтвердило правильность принятых им мер. До конца перерыва он решил меня не беспокоить и ни о чем не докладывать.

На самом деле сжатый воздух никакого отношения к происходившему не имел. Когда мне стало известно о странном случае, я приказал всплыть и, выйдя на мостик, прежде всего посмотрел на корму. Как я и предполагал, шлюпбалка с палубы исчезла. Ее кто-то выдернул из гнезда вместе с металлической планкой, по которой можно установить, что это сооружение принадлежит нашей подводной лодке. Таким образом, ничего

таинственного в похищении корабельного имущества не было...

А дело было так. Из находившегося неподалеку рыбозавода на промысел вышли два сейнера. Попытать счастья рыбаки решили, не выходя из залива. И не их вина, что вместо косяка камбалы они затралили беспечных подводников, снявших на время отдыха даже гидроакустическую вахту. Вот почему менялся дифферент и был слышен шорох на палубе. Вырвать выступавшую и полностью оттаявшую шлюпбалку сейнерам не составило, очевидно, большого труда.

С рыбаками мы дружили, они бывали у нас в гостях и, конечно, отлично разобрались, кто хозяин затраленной ими детали. Наверняка они уже передали ее на борт "Чукчи". И мне не трудно было представить настроение командира дивизиона, получившего такой подарок через несколько часов после взрывов, которые он не мог не слышать.

Пускаем дизель и спешим к отопителю, чтобы засвидетельствовать, что мы живы и ничего с нами не случилось. Полностью отдаем себе отчет в том, сколько острот предстоит выслушать со стороны товарищей по поводу доставленной шлюпбалки. И чем больше о нас беспокоились, тем злее будут шутки. Ничего не поделаешь, придется отшучиваться - посмеемся вместе... Но я не знал, что скоро мне будет не до смеха, впору бы не заплакать...

Впереди нас в глубь бухты направляется грузовой пароход "Красный партизан". Невдалеке от стоянки "Чукчи" он отдает якорь. Швартоваться к отопителю теперь сложно. Слева риф, справа пароход - он даже на канат еще не пришел. Нужно задержаться, но хочется побыстрее доложить комдиву о происшедшем, объяснить товарищам. И я не стал ждать, рассчитывая, что якорь-цепь будет обязательно по носу у транспорта и нам удастся проскочить.

- Товарищ командир! Разрешите объявить аврал на швартовку?

- Рано, старпом. Объявите после прохода "Партизана".

- Есть!

В это время пароход пришел на канат, но якорь-цепь его оказалась обтянутой не по носу, как я предполагал, а слева- перпендикулярно нашему курсу. Придется обойти.

- Лево руль!

Молодой краснофлотец спутал команду и положил руль вправо. Правда, он тут же заметил свою ошибку и пытался исправить ее, но было уже поздно. Остановка дизеля и дача обоими электромоторами самого полного хода назад тоже не помогли. Лодка задела якорь-цепь транспорта носовыми

горизонтальными рулями с правого борта. Из строя они не вышли, но ограждение оказалось помятым, и в балластной цистерне номер один, через которую проходит баллер, образовалась небольшая течь.

Ошвартовавшись к плавбазе, я, вместо обычного "На лодке все в порядке", вынужден был доложить о трех происшествиях: утере шлюпбалки, поломке ограждения носовых рулей и трещине в балластной цистерне. Нашему благополучному возвращению все рады, но похвалить, конечно, никто не может...

Старики говорят, что беда одна никогда не приходит. На этот раз последующие события подтвердили это. Ночью разыгрался жестокий шторм, и все лодки по тревоге должны были отойти от "Чукчи". Волны бились о борта, креня корабли и обрывая швартовные концы.

Поскользнувшись на обледеневшей палубе, упал за борт Игнатьев. С большим трудом его удалось спасти. А ночью у нас оборвалась якорь-цепь вместе с "якорем. И случилось это при совершенно разряженной аккумуляторной батарее...

За все "художества" командир дивизиона арестовал меня на трое суток при каюте. Это было первое полученное мною за всю военную и гражданскую службу дисциплинарное взыскание. Обидно было очень, но обижаться, кроме как на себя, не на кого.

Пришлось серьезно задуматься о причинах всех этих происшествий. Поразмыслив, пришел к выводу, что это не случайность, а плод моей самоуспокоенности: дескать, нового в командирской практике ничего не встретится, лодки в принципе похожи одна на другую, экипаж хороший, с задачами справляется,- плавай да овладевай кораблем, остальное само собой приложится... Вот это и привело меня, считавшего себя опытным командиром, к снижению требовательности к себе и к подчиненным. Я стал мало вникать в детали и часто пускал дело на самотек.

Да и чем еще другим можно объяснить, что шлюпбалка осталась на ночь не убранной, если, заступая в дозор, верхнюю палубу полагается готовить к погружению и все выступающие предметы убирать? И почему без моего ведома и разрешения была закрыта гидроакустическая вахта, когда лодка легла на грунт? Кто дал мне право самовольничать и несвоевременно вызывать команду на аврал для швартовки? Ведь именно из-за этого в критический момент на руле оказался неопытный ученик. Почему во время стоянки у борта отопителя на палубе лодки своевременно не обкалывался лед, в результате чего Игнатьев упал за борт? Во всех случаях причина была одна - на корабле нарушается уставной порядок, и виноват в этом я, командир

корабля. Конечно, можно было попытаться оправдать себя ссылками на недоработки старпома и других товарищей, но я понимал всю несостоятельность этого. Плох начальник, жалующийся на подчиненных. Старшего помощника нужно учить, как следует, и контролировать, а я этого по-настоящему не делал, да и сам не был примером, достойным подражания.

Случись все не одновременно, а с перерывами, разрозненно, может, и прошло бы это мимо моего внимания, а теперь на всю жизнь наука. Я понял и осознал, что должность командира корабля не только почетная, но и ответственная. Об ответственности командира за все происходящее на корабле нельзя забывать ни на минуту. Так и поступаю с тех пор. Вероятно, поэтому коммунисты не стали меня критиковать на партийном собрании...

Веселее греет солнышко, южные ветры приносят с собой тепло. Амурский и Уссурийский заливы и бухта Золотой Рог почти полностью очистились ото льда. Скоро настанет пора густых, плотных, непроницаемых дальневосточных туманов, а сейчас пахнет весной. Приходит конец зимовке. Собираемся уходить во Владивосток на свою береговую базу. Отдыхать не будем, сдадим все, что полагалось по зимнему плану, и снова домой, то есть в море - отрабатывать учебно-боевые задачи.

Расставаться с "Челитой-Мару", как по-новому любовно называют краснофлотцы наш отопитель, грустно. Мы привязались к своей "плавбазе", клубу в трюме, к дружной семье командиров. Привыкли тепло встречать друзей по возвращении их из похода: шумного и жизнерадостного Братишко; уравновешенного, всегда спокойного Кучеренко, веселого Сушкина.

Сколько раз в так называемом салоне собирались командиры и комиссары лодок! Нередко к нам присоединялся командир дивизиона. И о чем только здесь не говорили и не спорили! Обсуждали вопросы боевой подготовки и воинского воспитания. Вместе строили предположения, где будет нанесен врагу очередной удар Красной Армией. Слушали и рассказывали смешные анекдоты, а иногда просто судачили обо всем и ни о чем или забивали "морского козла". Но больше всего любили мы, когда Сушкин брал гитару и пел. Как он поет, и сколько песен знает!

Звенят гитарные аккорды, и негромкий, приятный голос рассказывает о белых, как чайка, стремительных кораблях, ведомых отважными капитанами в далекие страны, о трех эсминцах, погибших, но выполнивших приказ революции, об английском подшкипере Джиме, расстрелянном за правдивый рассказ о Стране Советов, о рифах и скалах страшного пролива

Данигал, знойных тропиках и студеном Заполярье, бешеных ураганах и зеркальных штилях, синей, соленой и горькой волне, о мужественных людях, покоряющих и любящих море...

Постоянное общение сблизило всех нас за эту зимовку. Подружились мы с администрацией и командой "Чукчи". Они делали все возможное, чтобы скрасить тяжелые условия жизни подводников. Пар, горячая вода, баня-все было к нашим услугам на отопителе. Здесь мы отдыхали, смотрели кинофильмы. Моряки торгового флота проявляют о нас настоящую товарищескую заботу. И, может, поэтому так грустно расставаться с ними.

Во Владивостоке нас ждал сюрприз. Капитан 3-го ранга Азаров, к которому мы так привыкли за зиму, принял другой дивизион, а нами стал командовать прибывший с Балтики Герой Советского Союза Александр Владимирович Трипольский.

Новый комдив собрал нас, чтобы познакомиться со всеми - с командирами и комиссарами лодок. Мы с Братишко учились с ним в Ленинграде, и Трипольский встретил нас как старых сослуживцев.

Когда деловая часть нашей беседы закончилась, мы попросили Александра Владимировича, как очевидца, подробно рассказать нам о положении Ленинграда и действиях балтийских подводников.

Больно было слышать о тяжелых испытаниях, выпавших на долю славного города - колыбели революции, и одновременно гордостью наполнялись наши сердца за несокрушимый дух ленинградцев, за их решимость разгромить врага, отстоять свой город.

Каждого из нас что-нибудь связывает с Ленинградом. Недаром он зовется городом моряков. У Дмитрия Кондратьевича Братишко там жена и двое детей. Младшая дочь родилась уже в блокаде. От них давно нет вестей. Слушая рассказ Трипольского о бомбардировках, артиллерийских обстрелах и самом страшном враге населения - голоде, Братишко незаметно для себя сжал кулаки, а на скулах у него от напряжения заходили желваки. Мы тебя понимаем, Дима, а когда встретим фашистов, припомним им твою Надю и обеих дочерей.

Мы ловим каждое слово Трипольского о своих бывших сослуживцах и товарищах по учебе. Одни из них совершили славные боевые подвиги, другие отдали жизнь, выполняя свой воинский долг. До поздней ночи задаем мы вопросы и слушаем ответы комдива. От него мы узнали то, о чем по соображениям военного времени не прочтешь в газетах. И хотя не наша вина, что мы не на фронте, нам становится стыдно, что мы не испытываем и сотой доли тех трудностей, которые переживает

народ. Принять непосредственное участие в боях за Родину давнишняя мечта каждого из присутствующих. А после сегодняшней беседы это стремление становится еще сильнее...

...В поднятый перископ, кроме легкой ряби на море, синевы неба и плавающей на нем стайки белых облаков, ничего не видно. Но Круглов настойчиво продолжает докладывать о шуме винтов нескольких кораблей. Не верить ему нет оснований: он успел зарекомендовать себя хорошим специалистом. Тем более, что недавно полученная радиограмма сообщает о движении соединения боевых кораблей через наш район. Сведения разведки совпали с наблюдениями гидроакустика, а его аппаратура "видит" дальше, чем перископ и глаз даже в полную видимость.

Спустя несколько минут различаю серебристую точку противолодочного самолета, блеснувшего в лучах солнца, а за ним на горизонте четкие, как нарисованные, силуэты эскадренного миноносца и малых охотников.

Началась атака охраняемого, идущего переменными курсами "противника". Это последнее из учений, запланированных для нас на год. Оно несколько отличается от тех, что проводились ранее. Кроме того, что мы проводим совершенно скрытную атаку, мы будем выпускать не одиночную торпеду, а весь носовой залп. После выстрела не всплывем, а будем уклоняться от противолодочных кораблей. И контратаковать нас будут не учебными, а боевыми глубинными бомбами. Правда, сбросят их в стороне, когда надежно определят наше место.

Лодку ведем навстречу "врагу" решительно уверенно. Знаем, что не спасет его ни зигзаг, ни охранение. Сумеем прорваться незамеченными и послать свои "гостинцы". Но каждый из нас волнуется, хотя и вида не показывает: Шаповалов, Дорофеев и Рыбаков - за умение удержать лодку на глубине, когда она, освободившись от всех торпед, приобретет на короткое время почти десяток тонн положительной плавучести при нарушенной дифферентовке; Магдалинин и Трофимов за исполнение заданного темпа стрельбы; Круглова беспокоит, точно ли он взял пеленги; меня - правильность приемов уклонения. Есть и у других причины для волнения.

Учения прошли хорошо. Охранение прорвали незамеченными, хотя охотник, под который мы поднырнули, прошел точно над нами, пропев песню своими бешено вращающимися винтами. Боцман после залпа с помощью механика и трюмных сумел удержать лодку на глубине. От противолодочных кораблей уклонились удачно.

Чтобы послушать разрывы глубинных бомб, показываем преследователям свое место одновременным подъемом обоих

перископов. Заметивший нас охотник поднял сигнал и в нескольких кабельтовых от нашей лодки сбросил "малую серию".

Ощущение, испытываемое подводниками при взрыве глубинных бомб, метко охарактеризовал электрик Власов. Когда его спросили, что он чувствовал во время взрыва глубинных бомб, он ответил:

- Похоже, что ты сидишь в пустой железной бочке, а по ней изо всей силы бьют тяжелой кувалдой. Приятного мало...

Когда мы всплыли, эсминец "Войков" заканчивал ловлю и подъем торпед. Трипольский передает: "Поздравляю с окончанием годового плана учебы, вступлением в первую линию боевых кораблей. Желаю таких же метких залпов по фашистским пиратам. Возвращайтесь в базу".

Погода настолько хороша, а лодка так красиво рассекает морскую гладь, что Илья Дмитриевич Дорофеев расчувствовался.

- Товарищ командир! Разрешите в базе окрасить наружный корпус. Неудобно перволинейной лодке плавать в затрапезном виде!

- Ваша правда! Да ведь краски нет. Старпом собирался красить еще месяц назад...

После короткой паузы мичман конфиденциально сообщает:

- Найдем! С трудом, но хватит! Немного про черный день держал, остальное у знакомых боцманов выпрошу...

- Ну, коли так, то после погрузки торпед приступайте! Не забудьте предварительно борта промыть пресной водой и удалить масляные и соляровые пятна.

- Есть!

Боцманского запаса "про черный день" хватит с избытком, без всякого выпрашивания у соседей. Хитрость известная, краска кончается для всех тогда, когда на складе ее остается на одну покраску корабля. Хороший боцман не может остаться без краски, а Дорофеев отличный боцман.

Пока идет погрузка боевых торпед и других видов снабжения, мичман с Игнатьевым возятся в шкиперской кладовой - готовят малярные кисти, разводят краску, подготавливают для нее посуду. Вся трудность с разведением краски в том, чтобы, не выходя из пределов стандартного цвета, дать возможность посвященным, в основном сигнальщикам, по едва заметным оттенкам отличать одну лодку от другой. Ведь с началом войны бортовые номера на боевых рубках не накрашиваются.

У боцманов на дивизионе заключена обязательная "конвенция": кому красить корабль ровным цветом, кому светлее или темнее борта. У нас, например, несколько темнее бортов окрашиваются ограждение рубки и обе пушки.

По приказанию Дорофеева рулевые подготавливают лодку к покраске: смывают с бортов морскую соль, удаляют масляные пятна. Ремонтируют свои и приводят в порядок взятые на время плотики, с которых завтра краснофлотцы и старшины будут орудовать кистями.

Аврал начался утром, чтобы пораньше закончить покраску, пользуясь теплой солнечной погодой, просушиться и к ночи быть готовыми следовать по назначению без риска смыть свежую

краску. Полным распорядителем аврала назначен боцман. Старший помощник командира, которому по штату положено заниматься этим делом, сегодня передает дела недавно закончившему подводный класс старшему лейтенанту Иоффе, а сам уходит от нас с повышением - командовать подводной лодкой. Очень рады за него и желаем удачи на новом месте службы.

Дорофеев поспевает всюду. То он с палубы наблюдает, чтобы правильно растирали кистями краску, то не выдержит и отойдет на тузике подальше полюбоваться, как выглядит лодка издали...

Бубнов и Власов работают с одного плотика. Они тщательно красят свой участок, растирая краску походу лодки, как им показывали на инструктаже. Характер у обоих живой, общительный, веселый, на язык они острые, поэтому не могут не задеть соседей по плотикам.

- Радисты! Это вам не на пищике тренироваться! Здесь думать нужно! Выжимай кистью сплошное тире!- язвит Бубнов в адрес Пустовалова.

- Торпедисты! Зря вас хвалили за меткость. Раньше верил, а теперь вижу даже кистью в банку попасть не можете, не красите, а мажете! - вторит ему Власов.

Соседи отшучиваются как могут, в долгу не остаются. Когда по палубе проходит Дорофеев, кто-нибудь из веселой двойки нарочито громко говорит:

- Ну вот, никого из начальства нет, можно и отдохнуть. Запевай сачковую! и затянут:

Разлука ты, разлука, чужая сторона...

И их кисти едва движутся в темп медленной, нудной песни. Когда мичман рядом, Бубнов делает вид, что он только сейчас заметил его, и испуганно кричит Власову:

- Боцман идет! Меняй мотив! Пой ударную!

Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои,

Сени новые, кленовые, решетчатые!

Руки с кистями мелькают у борта, как бы выплясывая залихватскую русскую...

- Слушайте, сени новые кленовые! Осторожнее, палубу краской не забрызгайте! Самих драить заставлю,- строго говорит мичман и, отвернувшись, улыбается.

За спиной боцмана кто-то пытается подражать весельчакам и, рассчитывая на успех, отпускает старую, как магнитный компас, морскую остроту:

- Что самая короткая снасть на корабле - рында-булинь, известно давно, а что самая длинная - язык у боцмана, выясняется только сейчас!

Но Власов сердито обрывает острослова:

- Это к нашему мичману не относится. Он за свою службу никого ни разу не оскорбил и не обидел. А на лодках начал плавать, когда некоторые за партой в тетрадях палочки выводили, правда, на пользу им это не пошло: старших уважать не научились!

Власова поддерживают с другого плотика:

- Наш боцман парторг и орденоносец, это тоже понимать нужно!

Неудачный остряк не оправдывается, он понимает, что говорить необдуманно, только ради красного словца, не стоит.

К обеденному перерыву борта и рубка выкрашены, ватерлиния отбита, плотики уведены, посуда с краской убрана. Новый старпом принимает корабль от старого в образцовом порядке. Ночью лодка покидает гавань, за кормой остается затемненный, притихший город. Мы не привыкли подолгу в нем задерживаться. Обычно в свободное от походов, боевой подготовки и дежурства время мы отстаиваемся в бухтах залива Петр Великий. И мало найдется мест, где не побывала наша лодка.

Богато Приморье красавицами бухтами! Трудно сказать, какая из них лучшая. Очень нравится мне, например, бухта Витязь, куда мы к утру вошли сравнительно узким проходом между крутыми скалистыми мысами.

Рассвет застал нас на якоре. Гладь бухты окаймлена сопками и возвышенностями, отражающимися в воде в перевернутом виде.

Первой солнце окрасило в золото гору Туманную, поднимающуюся над морем более чем на полкилометра. Долго пришлось ожидать, пока лучи достигли подошвы сопки и осветили нас. Нам хорошо видны стада полудиких оленей, бродящих по склонам и у подножия гор. Для них в этих краях привольные пастбища. А когда мы стояли здесь весной и в начале лета, мы все время видели гору, скрывающуюся под шапкой белого, густого тумана, и убедились, что она оправдывает свое название.

Живописная, поросшая внизу лесом, а к вершине травою, гора Туманная заинтересовала многих краснофлотцев, наблюдавших сегодня за ней с палубы. Большинство моряков в душе туристы, им хочется везде бывать и все видеть своими глазами. Пришлось сдаться на просьбы и пообещать, что, если ничего не изменится через две недели, мы, сменившись с боевого дежурства, предпримем такое путешествие...

И вот настало время выполнить свое обещание. Вместе с группой краснофлотцев и старшин мы начали восхождение на

гору. В пути нарвали огромные букеты скромных на вид, с тонким ароматом ландышей и оставили в тени деревьев, чтобы на обратном пути взять с собою.

Обувь наша совершенно не приспособлена к подъему по крутому травянистому склону. К концу пути подошвы стали такими скользкими, что трудно было сделать шаг. И многие больше скользили вниз, чем продвигались вверх. Самое обидное до вершины оставалось не более ста метров. Пришлось забыть о приличии и обратиться к опыту далеких предков и собственному младенческому, когда предпочиталась ходьба на четырех. И дело пошло более успешно... Открывшаяся с вершины горы панорама вполне вознаградила нашу настойчивость. Даже те, кто потихоньку, себе под нос, награждали нелестными эпитетами организаторов туристской прогулки, перестали ворчать, очарованные красотой нарисованной природой картины.

В прозрачной голубой дымке видны одновременно три залива: Амурский, Посьет и Уссурийский. Побережье изрезано заливчиками, бухтами, а в синь моря вкраплены архипелаги и отдельные острова.

На юге хорошо видны остров Фуругельма и устье реки Тюмень-Ула, по которой проходит государственная граница с Кореей. На севере выделяется мыс Брюса, а за ним хорошо знакомая бухта Славянка.

Под нами блестит на солнце светло-синяя, спокойная бухта Витязь. Кое-где виднеются коричневые языки отмелей, поросшие водорослями и берущие начало у подошвы горы.

В середине бухты видны иглообразный корпус лодки и даже спущенная на воду и поставленная у нее на бакштове крошечная шлюпка. Она ждет нашего прихода. Спустившись с горы, мы должны вплавь добраться до корабля, а одежда и цветы будут погружены в тузик.

При подъеме на гору с нас сошло столько потов, что теперь мы предвкушаем удовольствие напиться воды из холодного ручейка, весело журчащего у подошвы сопки, и освежиться морской водой в километровом заплыве.

Налюбовавшись вволю красотами природы, посетовав на отсутствие фотоаппарата и вырезав на одном из бревен триангуляционного знака имя своего корабля, мы тронулись в обратный путь. При этом нам удалось практически доказать, что спуск с горы легче и быстрее подъема. Главное было сейчас-вовремя погасить инерцию бега. Чтобы замедлить темп снижения с горы, некоторые хватались за траву и порезали руки. Не обошлось без падений. Бочанов, скользя по склону, кричал:

- Ищите меня на противоположной стороне бухты! Довольные

прогулкой, возвратились мы на свой корабль. Но здесь нас ждали невеселые вести.

Впервые за две недели на лодку доставили газеты. Неутешительные известия принесли они с действующих фронтов. На юге немцам удается теснить наши войска к Волге и Кавказскому побережью. Тяжело читать это, когда в Туапсе остались жена и сын. Как там они сейчас, живы ли?

В отсеках только и говорят о фронтовых новостях.

Краснофлотцы жалуются, что им приходится сидеть без дела. Все отлично понимают, что корабль лишь капля в безбрежном океане вооруженного народа. Сейчас бьются насмерть с лютым врагом миллионы людей. Что может изменить в этой гигантской битве одна подводная лодка со своим небольшим экипажем? Ничего. Но ведь и капля камень точит...

До предела ясно: в бой не посылают, значит так нужно. Потребуемся пошлют. Понимаем это разумом, а сердце... ему ведь не прикажешь! Болит оно у моряка за Родину, как у сына, когда при нем обижают мать. Хочется ринуться на обидчика, расправиться с ним. Так почему же не пускают? Но у воина, даже если ему всего двадцать лет, горячим сердцем должна управлять холодная голова...

К вечеру на крохотном столике в моей каюте лежит только один рапорт с просьбой о немедленной отправке на фронт. Написал его командир носового орудия старшина 2-й статьи Бабак. Раньше в подобных случаях рапортов бывало побольше... Сказываются несколько месяцев напряженной боевой учебы. Она сплотила экипаж, помогла поверить в собственные силы, в мощь своего оружия. Сознание пользы, которую может принести наш небольшой коллектив обороне страны, заставило нас по-иному смотреть на дело. Хочется вступить в единоборство с врагом на своем, полюбившемся всем, родном корабле

Разве можно осудить Бабака за его благородный порыв? Да это и не порыв, а не дающая покоя мечта, давно запавшая в душу. И рапорт такой подает он не первый раз. Подробно беседую со старшиной и, убедившись в непреклонности его желания, решаю ходатайствовать об удовлетворении его просьбы.

Вскоре носовая пушка на короткое время осиротела. Ее хозяина вместе с другими добровольцами мы провожаем на фронт под Сталинград.

Тепло прощаемся с товарищами, жмем им руки и от души желаем военной удачи.

Совершенно неожиданно в срочном порядке все лодки дивизиона поставлены в заводской док и на гарантийную ревизию механизмов. Срок на это дан такой короткий, что не

может не вызвать недоумения.

Вскоре командир дивизиона, командиры и комиссары лодок были вызваны в штаб, где нам объявили решение Народного комиссара Военно-Морского Флота перебросить нас на действующий флот. Этому должна предшествовать тщательная подготовка в высоких темпах с полным сохранением военной тайны. Ни органы снабжения, ни личный состав кораблей ничего не должны знать о предстоящем переходе через восемь морей и два океана.

В боевых походах

На Севере

Прямо по курсу открылись угрюмые, покрытые снегом, ничем не примечательные скалы острова Кильдин. Низкие снеговые тучи легли на его вершину. Дует южный, но резкий и холодный ветер. Чем ближе к берегу, тем меньше волна, тем реже заливает мостик лодки. Несколько часов назад нас встретил ветеран Северного флота эскадренный миноносец "Куйбышев". Сейчас идем за ним в кильватер и читаем семафор: "Для дальнейшей проводки к вам перейдет офицер".

В Кильдинской Салме - проливе, отделяющем остров Кильдин от материка и защищенном от проникновения немецких подводных лодок, "Куйбышев" застопорил ход, спустил шлюпку и к нам на борт высадился флагманский штурман бригады подводных лодок капитан 3-го ранга Семенов. Это среднего роста офицер, стройный, худощавый, с приветливой улыбкой и сразу располагающим к себе лицом. На нем мокрая походная канадка и побелевшая от морской соли шапка.

Знакомимся, представляю ему своих офицеров. Эскадренный миноносец принял на борт шлюпку и развернулся на выход в море. Видимо, идет выполнять какое-то задание. Сигналом желаем счастливого плавания и благодарим за проводку.

Семенов поможет вести корабль в Полярное - к цели нашего перехода. Строгие, скалистые берега Кольского залива, хмурое, неприветливое море, лаконичные запросы береговых постов как-то сразу заставили поверить, что мы уже на Севере. Позади много тысяч миль, бесконечные штормы и желание поскорее увидеть советскую землю! Вот она перед нами, покрытая снегом земля, овеянная славой Родина!

На Севере мы впервые, поэтому флагманского штурмана, знатока этих мест, засыпаем вопросами. Он охотно отвечает, удовлетворяя законное и понятное любопытство.

В отсеках, между тем, идут приготовления. Команда чистится, гладит обмундирование, наводит блеск на медяшку. Никому не хочется ударить в грязь лицом перед товарищами, у

которых будем учиться воинскому мастерству, вместе служить, дружить и бить врага.

Как-то нас примут? Как мы сумеем показать себя в боевых делах? Эти вопросы не дают покоя не только мне.

Вошли в Екатерининскую гавань. На пирсе нас ждут. Семенов издали знакомит: это командующий флотом вице-адмирал Головко, второй адмирал - член Военного совета Николаев, а вот командир бригады - Герой Советского Союза капитан 1-го ранга Колышкин. О каждом из них я много слышал и читал, но встретиться довелось впервые.

Есть и знакомые: контр-адмирал Виноградов, который ехал учиться в академию, когда я только готовился стать командиром лодки, прославленный подводник Герой Советского Союза капитан 2-го ранга Лунин, капитан 3-го ранга Шуйский. С последними двумя я учился в подводном командирском классе. Мобилизую все свое внимание, чтобы не осрамиться со швартовкой. Кажется, удалось. Краснофлотцы быстро закрепили швартовы и подали сходню. Выхожу на пирс, представляюсь командующему и докладываю о благополучном прибытии в его распоряжение из состава Тихоокеанского флота.

- Поздравляю вас, капитан-лейтенант! Рад благополучному прибытию, говорит вице-адмирал.

Меня поздравляют и жмут руку и другие находящиеся на пирсе. Чувствую, что действительно нам рады.

Адмирал Головко спустился в лодку и обошел все отсеки. Интересуется работой дизелей, системой погружения и другими механизмами и устройствами. По вопросам адмирала можно судить, что лодку он знает превосходно.

Несмотря на только что закончившийся переход и перегрузку лодки предметами снабжения, во всех отсеках чисто. Командующий заметил это и похвалил.

Как и положено, сопровождаю адмирала и вижу, что его интересует главный вопрос: когда мы можем выйти на боевое задание? Закончив обход лодки, он спрашивает меня об этом. Значит, мы очень нужны. Ведь не от праздного любопытства оторвались от своих дел командующий и член Военного совета флота и пришли знакомиться с нами.

Если бы не поврежденные во время последнего шторма горизонтальные рули, нам хватило бы на подготовку и нескольких суток, а теперь нужен доковый осмотр, и, видимо, раньше двух недель мы готовы не будем. Командующий дал нам три недели сроку.

-Готовьтесь, - сказал командующий, - вам есть чему и у кого поучиться.

Когда командующий закончил обход лодки и знакомство с командой, я пригласил его, члена Военного совета и сопровождающих их офицеров в кают-компанию, к накрытому для обеда столу. Только сейчас мы смогли как следует рассмотреть на кителях и тужурках наших гостей погоны. Это было новшество, о котором мы во время перехода не знали.

Но спокойно пообедать не пришлось. Меня вызвали в центральный пост и доложили, что в базе объявлена воздушная тревога: самолеты противника в воздухе, подходят к Полярному. Объявил артиллерийскую тревогу, забыв о том, что на борту находятся старшие начальники, Это - результат длительного отдельного перехода, приучившего к самостоятельности. Чтобы исправить ошибку, вернулся в кают-компанию, извинился перед командующим и доложил ему обстановку.

- Кормить нас командир не хочет, вот и устраивает тревоги! Что ж, пойдем, посмотрим, что у него по тревоге делается...

Командующий шутит. Не оскандалиться бы. Артрасчеты стоят у пушек в касках с приготовленными противогазами.

- Как будете действовать? - спрашивает адмирал;

Скопина.

- Огонь открываю только на самооборону, товарищ адмирал! По обнаруженным самолетам веду немую стрельбу. Такая у нас пока инструкция, - как бы оправдываясь, добавил Скопин.

- Инструкция у вас неплохая, по ней и действуйте.

Командующий находился на мостике до отбоя, внимательно следя за работой артрасчетов и время от времени делая замечания. Уходя, он выразил удовлетворение действиями Скопина.

- В вашем распоряжении три недели. Будете поставлены в док. Остальное готовьте сами! - напомнил он мне.

- Давно налетов не было. Кажется, ваш приход встревожил фашистов. Будем надеяться, что вы заставите их бояться себя,- заметил Лунин.

К вечеру пришла "С-55" капитана 3-го ранга Сушкина, прибывшая до нас "С-51" капитана 3-го ранга Кучеренко стала уже "старожилом". Нет еще лодки капитан-лейтенанта Братишко, входящей в наш дивизион, но есть сведения, что и она уже недалеко.

Знакомиться и поздравить нас с благополучным прибытием пришли многие командиры-подводники - "коренные" североморцы.

С легкой руки Константина Шуйского, жизнелюба и весельчака, нас в шутку называют "Азиатской эскадрой". Ну что ж, мы своего прошлого не стесняемся. Тихоокеанский флот всегда

считался хорошей морской школой. А что до прозвищ, то наш дивизион последнее время и во Владивостоке "славянским" называли, а командиров лодок "братьями славянами" - за большую дружбу между собой.

Прекрасно понимаем, что название дано шутки ради. Отношение к нам хорошее, но все-таки мы еще не совсем свои. Да это, пожалуй, и естественно. Ведь каждый из здешних подводников уже внес свой вклад в боевую славу бригады, а от нас еще только ждут дел. Североморцами мы стали условно, звание еще нужно заслужить и оправдать. И нам не терпится скорее это сделать.

Прошел первый день в новой морской семье. Экипаж разместили в казарме береговой базы. Условия вполне приличные.

Запомнился второй день нашего пребывания на Севере. Внезапно налетел ураган. Страшной силы ветер срывал крыши, валил с ног людей. Бухта покрылась белой пеной, трещали и лопались швартовы стоявших у пирсов кораблей.

Налет авиации накануне и этот ураган быстро ввели нас в курс событий. Каждый понимал-здесь фронт, а ветры Баренцева моря стоят тайфунов Японского. Не только наш дивизион, но и все тихоокеанцы стремились попасть на действующий флот. И это вполне понятно: кто в годы тяжелых испытаний не стремился отдать все силы на защиту своей Родины?

Долгие годы до войны Дальний Восток, и в том числе Тихоокеанский флот, считался самым боевым участком. Там серьезно и тщательно готовились к отпору агрессору. Морально дальневосточники уже давно были подготовлены к войне. И вдруг волей обстоятельств тихоокеанцы оказались в самом глубоком тылу. Посыпались бесчисленные просьбы; послать на любой действующий флот или фронт. Наш экипаж не был исключением. Рапорты писали все, в том числе и я. И вот мечта сбылась. Мы на действующем флоте. Теперь скорее в поход, искать и топить врага, ибо мы в большом долгу перед своими новыми товарищами по оружию, а остаться должниками не хочется.

Дело прошлое, но первые дни в новой семье подводников были тяжелыми. Нас окружали заслуженные люди. Здесь были гвардейцы и краснознаменцы, имевшие за плечами много тяжелых походов и побед. В клубе или в кают-компании мы чувствуем себя какими-то неравноправными. А в этом дружном коллективе нам хочется быть равными со всеми, и как можно скорее.

К боевому походу готовимся серьезно. Довольно быстро закончили доковые работы, устранили повреждения рулей. Но это

все полдела. Главное - набраться у новых товарищей боевого опыта, перенять то, чему научили их более чем полтора года войны. Наш экипаж хорошо обучен и сколочен. Свыше пятнадцати тысяч миль зимнего перехода в штормовых морях и океанах сделали из нас неплохих моряков. Но мы ни разу не встретились с врагом, не пережили взрыва у корпуса подводной лодки вражеской глубинной бомбы, не уходили от преследования настоящего, а не условного противника. Чтобы не идти ощупью, нам нужно изучить опыт экипажей Лунина, Фисановича, Старикова, Видяева и других прославленных подводников.

Экипаж горячо взялся за учебу. В кубрике команды частыми гостями стали бывалые моряки. Они делятся с нами добытым в боях опытом. Мотористы встречаются с мотористами-североморцами, трюмные - с трюмными. Много полезного получил гидроакустик Круглов от встреч с Шумихиным, Лебедевым и другими мастерами своего дела.

Думаем, впоследствии это пригодится.

Офицеры усиленно изучают театр предстоящих действий, течения, минную обстановку. Много "возится" С нами флагманский штурман бригады Семенов. Скромный труженик, он часто ходил в боевые походы, прекрасно знает театр и, не жалея времени, делится с нами своими знаниями и опытом.

Лично мне много помогли командиры лодок Тамман, Видяев и бывший мой соученик Августинович. Они добросовестно готовят меня к встрече с трудностями и опасностями, которые являются спутниками боевых походов подводников.

Экипаж "С-56" не только слушает опытных товарищей, но и немедленно использует их советы. Краснофлотцы и старшины обходят отсеки и надстройку, все крепят так, чтобы на лодке ничто не издавало шумов.

Рулевые, торпедисты, трюмные и мотористы, вооружившись щетками, водой и содой, добирается в самые недоступные уголки надстройки и трюмов в поисках малейших потеков соляра, еле заметных пятен масла на корпусе. Если их оставить, то в море они могут выдать наше местопребывание противолодочным кораблям и самолетам противника.

Получаем наиболее ходовые запасные части, пополняем аварийный инструмент. Делается все это с большим желанием, нередко в неурочное время. Еще и еще раз проводим учения на боевых постах. Одним словом, к боевому походу готовимся основательно.

Характерно, что у команды возросло чувство ответственности за порученное дело. Особо следует отметить механика Шаповалова. Много забот в эти дни у командира

электромеханической боевой части. Но Михаил Исидорович находит время присутствовать чуть ли не на всех встречах специалистов с бывалыми моряками других лодок.

Способный он человек. Выходец из учительской семьи, хорошо знает английский, французский и немецкий языки, почти, как он говорит, освоил испанский. Это очень работящий инженер, не боится никакой черной работы.

Под стать командиру пятой боевой части большинство его подчиненных. Например, старшина группы трюмных мичман Рыбаков. Он отлично знает корабль.

Ни одна неисправность не укроется от его зоркого глаза. Не терпит Рыбаков неряшливости в работе. А если кого уличит в этом грехе, ну и достается тому на орехи! Дело свое Рыбаков любит больше всего на свете. Можно залюбоваться, наблюдая, как он работает на станции погружения! В осажденном Ленинграде у мичмана остались мать и сестренка. За их страдания, за разрушения родного города Константин Рыбаков будет жестоко мстить фашистским варварам.

Мичман Елин тоже ленинградец. Это очень серьезный человек, влюбленный в свои механизмы. Вся моторная группа под стать своему старшине - "соляровое племя", как они сами себя называют. В пятом отсеке старшина мотористов полный хозяин. Един "человек в годах". Он плавал на лодках многих типов и знает, что дизеля на нашей лодке наиболее совершенные. Переход убедил его в этом еще больше. Не случайно старшина придирчиво требует от подчиненных порядка во всем,

- Без нас, мотористов, не обогнать врага и не удрать от него; не выйти и не войти. Беречь надо наших коней внутреннего сгорания, - часто говорит мичман.

У старшины электриков Боженко механизмы и аккумуляторная батарея всегда в порядке. А зайдите в его шестой отсек! Там все блестит! Невольно задумаешься:

куда попал, на подводную лодку или в операционную? Это сравнение приходит на ум, когда видишь окрашенные белой эмалью подволок и переборки, сверкающие никелем и начищенной латунью многочисленные измерительные приборы на станциях управления главными электромоторами. Чистоту Боженко любит. Наверное, мать на Украине с детства приучила его к чистоте. Где она сейчас, мать главстаршины?

За работой и в учебе незаметно пролетели две недели. Во многом нам помогли наши новые товарищи. Видя, как мы добросовестно воспринимаем советы бывалых подводников, к нам они стали приходить без приглашения и делиться своим опытом. За это мы особенно благодарны им. С докладами для наших

офицеров выступали флагманские специалисты штаба бригады.

На изучение боевого опыта направлена и вся партийно-политическая работа. К концу второй недели пребывания на Севере мы провели на лодке партийное и комсомольское собрания. Обсудили вопрос: "Что нужно сделать в период подготовки к боевому походу".

Опытный подводник командир бригады капитан 1-го ранга Иван Александрович Колышкин расспрашивает меня о нашей боевой подготовке. Он видит, что экипаж подготовлен неплохо. Но ему, как командиру соединения, лишний раз хочется проверить и потренировать нас. С этой целью и было организовано учение, в котором, кроме нас, участвовали две "старые" лодки. Но из всей тройки только мы получили задание стрелять торпедой. Надо было видеть, с каким старанием весь экипаж готовился к учению!

Старшина группы мичман Павлов со своими торпедистами несколько раз проверяли подготовку торпед.

Готовились мы тщательно. Ведь всем нам, в том числе и мне, предстояло держать экзамен!

Учение прошло хорошо. Атаковали мы удачно. Торпеда прошла точно под мостиком цели. Теперь с полным правом могу доложить, что лодка готова к выполнению задания.

С большим нетерпением ждем приказа. Но срок, назначенный командующим, еще не истек. Наша очередь выходить в море не наступила. Несколько дней назад проводили в поход своих друзей с "С-55". До счастливой встречи, дорогие товарищи!

Первый боевой поход

Наконец наступил этот долгожданный день. Меня вызывают к командиру бригады. Матросы и старшины счастливо улыбаются. Они, как и я, догадываются о целях вызова.

На командном пункте, кроме Колышкина, находится командир дивизиона Александр Владимирович Трипольский.

Выслушав мой доклад, комбриг спрашивает;

- Сможете завтра выйти в поход? - И, немного помедлив, добавляет: Предупреждаю, задание будет не из легких.

- Экипаж подводной лодки готов к выполнению любого задания, товарищ капитан первого ранга! - отвечаю я.

Командир бригады внимательно смотрит на меня, затем открывает ящик стола, достает папку с документами и не спеша начинает объяснять боевую задачу. Нам предстоит высадить на вражеское побережье разведывательную группу и принять группу, закончившую работу в тылу противника. Срок выполнения по возможности кратчайший. Следует учесть, что скоро наступит полярный день и высадка станет невозможной.

Насколько большое значение придается этой части задания, видно из запрещения атаковать какие бы то ни было корабли, пока задача не будет выполнена. Главное - высадка. Удастся она - цель похода достигнута, даже если мы ничего не потопим.

Иван Александрович подробно рассказывает, как решались подобные задачи другими лодками. Никаких рецептов не дает. Не хочет связывать инициативу. Обязательно одно - место высадки. Оно определено приказом и изменено быть не может. Находится около рыбачьей деревушки, недалеко от немецкого сигнально-наблюдательного поста. Это основная трудность.

По выполнении первой части задания разрешается приступить к уничтожению кораблей противника на вражеских коммуникациях.

Колышкин напоминает, что фашистские конвои жмутся к берегу, и, чтобы выйти на их пути, нужно форсировать минные поля. В составе вражеских конвоев много кораблей охранения. Атака требует от экипажа лодки настойчивости, мужества и умения.

Инструктаж окончен. Боевой приказ получен. Командир бригады встает.

- Ну что, командир, справишься?

- Так точно, товарищ капитан первого ранга, задание будет выполнено.

- Желаю удачи! Выход завтра. Сейчас можете быть свободны!

- Разрешите объявить о походе личному составу?

- Объявите. Подробности задания объясните в море.

- Есть!

С командного пункта направляюсь в кубрик. Иду радостный, улыбаюсь. Вот оно, первое наше боевое задание! Без всякой скидки на молодость и неопытность! В нас поверили! Представляю, с какой радостью встретит мое сообщение о походе команда!

Сколько же ненависти к врагу должно накопиться в сердцах людей, чтобы сообщение о походе, связанном со смертельной опасностью, вызвало только радость. Океаны горя хлынули на нашу землю вслед за фашистскими ордами. Сотни тысяч наших соотечественников замучены врагами. У многих на нашей лодке большое личное горе: погибли родные и близкие или ничего не известно о их судьбе. Все мы горим ненавистью к гитлеровцам. Наконец настал и наш черед начать расчеты с ними.

В матросах, старшинах и офицерах не сомневаюсь. Знаю каждого, и в каждом уверен. С нашим экипажем плохо воевать нельзя!

С этой мыслью вхожу в кубрик. Приказания о сборе людей

отдавать не нужно. Все тут. Ждут моего прихода. Сообщение о предстоящем выходе в море встречается с энтузиазмом. Кое-кто даже "ура" закричал. Разве можно удержаться, когда вся боль за оккупированные гитлеровцами города и села, за страдания родных и близких людей, накопленная за долгие месяцы войны, находит выход-завтра в смертельный бой с ненавистным врагом.

- Предупреждаю, поход предстоит сложный и трудный, - говорю я и добавляю: - Задачу и район узнаем завтра.

Через пятнадцать минут, несмотря на поздний час, команда уходит на лодку, чтобы еще раз проверить готовность механизмов. Никто не согласился бы отложить эту работу на завтра.

На собрание офицеров я пригласил секретарей партийной и комсомольской организаций. Рассказываю об обстановке на театре. В борьбе с лодками противник использует надводные корабли, авиацию, мины, свои подводные лодки и береговую артиллерию, усиливает охрану конвоев. Не стал я также скрывать, что из района, куда нам предстоит идти, не вернулась посланная туда подводная лодка. Подчеркиваю важность организации надежного зрительного и акустического наблюдения. Заканчиваю словами о том, что наше вступление в семью североморцев должно ознаменоваться отличным выполнением боевого приказа.

Офицеры внимательно слушают. Им предстоит поставить задачу личному составу своих боевых частей. Затем с заместителем по политической части капитан-лейтенантом Богачевым, парторгом Шаповаловым и секретарем комсомольской организации трюмным Обориным советуемся по плану работы в походе.

На следующий день за два часа до выхода в море у меня собрались командиры всех лодок, находившихся и базе. Это - традиция бригады. Командиры дают советы и желают счастливого плавания. За полчаса до выхода иду на командный пункт получить последние указания.

Провожать лодки в поход на Севере нередко приходило командование флота и обязательно командование бригады. Нас провожает комбриг Колышкин. Он обходит отсеки, жмет всем руки, желает успеха. С нами идут в поход, чтобы познакомиться с обстановкой и театром, командир дивизиона Трипольский и дивизионный штурман старший лейтенант Паластров.

Все приготовления закончены. Получено "добро" на выход. Отданы швартовы. Напутствуемые дружескими пожеланиями товарищей, уходим в свой первый боевой поход...

За кормой скрываются берега Кильдина, а затем Рыбачьего. Пройдена линия наших передовых дозоров. Погода свежая.

Штурманский электрик Сергей Мамонтов проверяет в центральном посту работу своих приборов и тихо напевает:

А волны и стонут, и плачут,
И бьются о борт корабля...
Растаял в далеком тумане
Рыбачий - Родимая наша земля.

Мы снова одни среди бушующего Баренцева моря.

Да и что может быть лучше? Море закаляет волю человека, развивает в нем смелость, глазомер, ловкость, решительность... Привыкнуть к морю, сдружиться с ним, полюбить его и, полюбив, покорить, - это на берегу не придет, этому учит только оно само, грозное, суровое и прекрасное.

Всюду нас подстерегает опасность, но мы не беспомощны, сами несем смерть врагу.

Мы признаем свое право только на один страх-не перед противником, каким бы он ни был, а перед возможностью плохо выполнить поставленную нам боевую задачу.

- Успеха добьемся обязательно! - заявил я офицерам, объясняя в кают-компании во всех деталях задачу похода.

Вижу по лицам: они думают так же. Уверен, что так думают и все остальные члены нашего экипажа: и рулевой сигнальщик Василий Легченков, внимательно вглядывающийся в темноту ночи, и вахтенный торпедист краснофлотец Новиков, дежурящий у приготовленных к выстрелу торпедных аппаратов, и наш комсорг Михаил Оборин, беседующий в отсеке со свободными от службы членами бюро.

Подошли к минному полю, погрузились: решили преодолеть его под водой. Все стоят на своих постах по готовности номер один. Внимательно прислушиваемся к забортным шумам. В лодке полная тишина. Нервы напряжены. Ждем зловещего шороха трущегося о борт минрепа. Надо признаться, неприятное ожидание! Стоит кому-нибудь сделать неосторожное движение, и противная мелкая дрожь пробегает по коже. Но пройти минное поле нужно, и мы идем. Ведь мужество - это вовсе не значит не бояться смерти. Мужество - это преодоление страха, победа чувства долга над инстинктом самосохранения.

Когда наконец минное поле благополучно пройдено, по лодке проносится вздох облегчения. Всплываем под перископ. На поверхности бушует шторм. С большим трудом удается определиться и осмотреть район.

Сегодня о высадке не может быть и речи. Перекатывающиеся через палубу волны не позволяют спустить и нагрузить шлюпку. А если и удастся спустить, прибой у берега разобьет ее. Уходим штормовать в море. Снова томительные часы под минным полем,

которое опять проходим благополучно.

Несколько дней штормит. Время уходит. Все короче становятся ночи, и уменьшаются шансы на благополучную высадку. Надо спешить, а тут, как нарочно, в темное время восходит луна.

Но ветер слабеет, и мы идем к берегу. Пока осматривали район высадки, море успокоилось Решаем лечь на грунт и дожидаться ночи. Делаем это для того, чтобы сократить до минимума время, необходимое на высадку. Оставаясь на грунте, мы сохраняем надежно обсервованное место, и перед высадкой нам не придется тратить время на его определение.

Приглашаю к себе лейтенанта Гладкова, худощавого высокого моряка. Он долго плавал матросом и штурманом в торговом флоте и офицером стал в самом начале войны. К нам на лодку назначен помощником командира. Это спокойный, рассудительный, слегка даже флегматичный человек. Мы сидим в моей каюте, в которой едва умещается два человека. Перед нами на столике карта с "поднятыми" глубинами. Обсуждаем подробности предстоящей высадки.

Главное - не дать себя обнаружить немецкому посту. Нам мешает, а врагу помогает луна. Штурман лейтенант Иванов рассчитал ее азимут и высоту на каждый час. Выгодно всплывать около полуночи и маскироваться тенью скал.

Времени на высадку у нас остается не более полутора часов. Команда расписана и натренирована. Должны справиться,

- Как будто все ясно, старпом?

- Так точно!

- Во время высадки я буду на мостике. Вам находиться в центральном посту. По мере выгрузки с лодки имущества подправляйте дифферентовку.

- Понятно!

- Если со мной что случится, командуете вы. Боевой приказ должен быть выполнен.

- Есть!

Дал возможность экипажу хорошо выспаться и отдохнуть. По сигналу боевой тревоги лодка снялась с грунта, и мы по счислению идем к месту высадки. Всплыли бесшумно, под электромоторами направляемся к берегу. Погода нам благоприятствует. Немного штормит. Луна спряталась в густых тучах.

Каждый матрос и старшина точно знает свои дополнительные обязанности на время высадки. Занял свое место расчет кормового орудия. Самые меткие стрелки - Корзинкин и Николаевский - стоят на мостике с ручными пулеметами. Внизу

все готово к подаче на палубу и погрузке в шлюпку грузов. Одним словом, Гладков предусмотрел все до мелочей.

Получили условный сигнал. Нас ждут. Подходим как можно ближе к берегу. Прячемся в тени скал. До ложбинки, откуда нам сигналили, рукой подать. Хорошо виден также немецкий пост. Действовать нужно быстро и решительно. Отдаю приказание надувать и готовить к спуску резиновый понтон. Но сделать это мы не успели. От берега к нам направляется шлюпка. В ней трое.

До чего же громко они шлепают веслами!.. Друзья ли это? На всякий случай держим их на прицеле. Пароль называют правильно. Свои!

Радостно здороваются. Сообщают, что ждали нас несколько дней. Двое пойдут с нами. Просят ускорить выгрузку. Тепло прощаемся с товарищами, уходящими на берег. Доведется ли встретиться? Люди и грузы быстро переправляются на берег. Получен сигнал: "Все благополучно".

Первая часть задания выполнена. От места высадки отошли так же осторожно, как подходили. Из-за туч показалась луна. Нас могут заметить. Решили отойти к противоположному берегу фиорда. Осмелели настолько, что начали зарядку аккумуляторов. До рассвета остается час. Краснофлотцы шутят:

- Не подойти ли нам к пирсу, может, зарядку дадут с берега?

Они уже знают от прибывших на лодку, что в деревне есть пирс.

С утренними сумерками погрузились и до рассвета легли на грунт. Спустился в каюту. Прилег на койку. Не спится. Результатами ночи доволен. Сделано как нужно. Так оценил и командир дивизиона.

Сегодня 6 апреля, день рождения сына. Ему уже семь лет. Где он сейчас? Что с ним? Вначале жена писала. А когда немцы подошли вплотную к Туапсе, письма перестали приходить. Твердо уверен, что из города они не эвакуировались. Немцев наши туда не пустили, но фронт проходит где-то совсем рядом. Живы ли они? Надеюсь на лучшее. Пусть сегодняшнее удачное выполнение первого боевого задания будет подарком ко дню рождения моего дорогого малыша. А теперь-искать и топить врага! "Табу" на атаки отменено.

Когда стало совсем светло, снялись с грунта. Из глубины узкого фиорда направляемся к выходу, на вероятные пути противника. Нам везет! Круглов слышит шум винтов. Вахтенный офицер по его докладу подвсплыл. Поднят перископ.

Лодка идет посредине узкого фиорда, между его крутыми берегами. У выхода на фоне моря и неба четко видны силуэты: четыре транспорта, пять сторожевых кораблей, четыре больших

охотника... Конвой идет на восток и сейчас проходит горло фиорда.

Объявлена торпедная атака. Поднимаюсь в боевую

рубку. Принимаю доклад вахтенного офицера. Быстро осматриваю горизонт. Лучшего положения, чем у нас, не придумать. Противник никак не ожидает удара из глубины фиорда. Только нужно спешить, очень спешить с атакой! Головной транспорт начал поворот. Конвой меняет курс.

Моментально приготовлены торпедные аппараты, Подведен воздух к боевому клапану. Но... произошла маленькая заминка. Боцман, наш Илья Дмитриевич Дорофеев, виртуоз своего дела, немного больше нужного притопил лодку. Механик принял несколько десятков литров лишней воды в уравнительную цистерну. Совсем короткая задержка со всплытием. Опоздать не должны...

...И все-таки опоздали. Поднимаю перископ и убеждаюсь, что транспорта прошли. Пытаюсь атаковать концевой сторожевик, но неудачно. Он также меняет курс. Стрелять бесполезно. Конвой скрывается за каменистым мысом.

Тяжело давать отбой несостоявшейся атаки. Мимо нас безнаказанно прошел вражеский конвой. Может быть, на этих транспортах десятки тысяч тонн авиабомб и снарядов. Сколько жизней советских людей мы имели возможность спасти! И не спасли. Не хватило умения. У кого? Сгоряча решаю: конечно же, у механика и боцмана. Изменил своей привычке, не выдержал и тут же отчитал. Легче от этого не стало.

В каюте успокоился. Пытаюсь хладнокровно разобраться в ошибках В самом ли деле механик и боцман так виноваты? Да, доля их вины не малая. Но сваливать только на них было бы неправильно. Почему во время атаки лодка плохо управлялась? Видимо, потому, что удифферентована была из расчета находившейся на вахте одной смены. А по боевой тревоге занял свои места весь личный состав. Дифферентовка изменилась. Вот этого-то и не учел механик. Не подсказал ему и старпом. Есть и другие "мелочи". Они касаются и трюмных, и торпедистов. Вижу и свою личную ошибку, мало увеличил скорость, когда лодка оказалась тяжелой и стала тонуть. На большей скорости легче и быстрее можно было бы всплыть.

Сегодня по-настоящему понял цену времени. Знал ведь, даже не раз других поучал на войне-де время измеряется не часами и минутами, а секундами. Но только теперь понял до конца, что это нужно понимать буквально. Сделал для себя и другие выводы. Они многое объяснили, но не успокоили. Командир дивизиона понял мое состояние.

- Вот что, голову вешать не нужно! Не последняя твоя атака в этом походе.

Посоветовал мне подробно разобрать ошибки каждого, подкорректировать инструкции и принять другие меры, исключающие подобные недостатки в будущем. Так и делаю. Разобрались серьезно. Думаю, будет польза.

К вечеру вышел "Боевой листок". Основная мысль всех заметок - извлечь уроки из неудачной атаки!

Получили информацию о том, что подводная лодка "С-55" возвратилась из похода, утопив два вражеских транспорта. По-хорошему завидуем товарищам и гордимся ими. Собой недовольны. Отстать не имеем права. Значит, минимум двух должны утопить. Так решил в душе каждый.

А матрос-торпедист Яша Лемперт, подражая североморцам, заложил свои довольно красивые усы: он обязался за каждый потопленный транспорт сбривать одну сторону усов, и один потопленный транспорт его, конечно, не устроил бы.

Надежды сменяются тревогами. Удастся ли на самом деле утопить кого-нибудь? Слышим, как бомбят соседние районы. Значит, соседние лодки топят корабли? Не везет только нам.

Самые нетерпеливые на лодке строят фантастические планы захвата неприятельских мотоботов, если до конца похода не встретим транспорта или боевого корабля.

Стараюсь поддерживать у всех уверенность, что противника встретим и обязательно потопим.

Праздник на нашей улице

День начался неважно. На рассвете погрузились. Готовимся форсировать минное поле. Вдруг совершенно неожиданный оглушительный, раскатистый взрыв. Это глубинная бомба. За ней вторая! Третья! Небольшой интервал, и снова три взрыва...

Чем мы. себя демаскировали? Кто нас бомбит? Шума винтов не слышно. Видимо, бомбы сбросил дозорный самолет. Это первые услышанные нами близкие взрывы глубинных бомб. Команда под бомбежкой ведет себя мужественно. Матросы шутят: "За что? Ведь мы еще никого не утопили?".

Противник явно пытается нас запугать. Для чего-то это ему нужно. Значит, можно надеяться на встречу. "Аванс" от немцев получен, нужно рассчитаться. Скорее к берегу!

Прибыли на позицию. Началась нормальная служба, вахта сменяет вахту. Каждый в душе надеется, что именно в его смену произойдет встреча с врагом. Между сменами на этот счет даже ведется негласное соревнование.

Прошел обед. Все, кроме вахтенной смены, отдыхают. В центральном посту изредка слышен приглушенный смех

вахтенного в ответ на шутку товарища. И снова тишина.

В акустической рубке на вахте Круглов. У него никогда нет недостатка в добровольных помощниках. То придет Василий Корзинкин, то штурманский электрик Мамонтов. Он дает им свободную пару наушников. Разговаривать не разрешает. Здесь ничем нельзя отвлекаться. Гидроакустик вслушивается в забортные шумы и внимательно следит за компенсатором. Он живет в мире звуков. При изменении дифферента булькает вода в надстройке. Вот слышна перекладка рулей. Все это на фоне ровного, убаюкивающего жужжания винтов.

Отвлекаться нельзя, а все-таки в голову акустику приходят непрошеные мысли. Он много читал о Шумихине и Лебедеве - знатных акустиках. Мало того, он встречался и разговаривал с ними. Искусство их кажется ему недосягаемым. Нет, за ними не угнаться. Где там? Хоть бы немного походить на них. Круглов не уверен даже, сможет ли он вовремя обнаружить шумы винтов и точно запеленговать их? А ведь он - уши корабля, уши, в которые верят и на которые надеется весь экипаж. Может быть, сомнениям Константина Круглова суждено разрешиться сегодня?

Нет, нет, не отвлекаться! Даже в мыслях. Что такое? Кажется, уловил! Совсем слабенькое, неясное шипение. Скорее чутьем, чем слухом, определил: конвой - то, что лодка так долго и настойчиво ищет. Сильно забилось сердце. От волнения немного перехватывает горло и срывается голос.

- Центральный! По корме слышу шум винтов.

Предполагаю конвой!

В следующее мгновение Круглову уже ясно, что ошибки не может быть. Слышны характерные высокие звуки, издаваемые сторожевиком, и пошлепывание винтов транспортов. Теперь новая мысль не дает акустику покоя: неужели поздно, неужели по его вине пропущен вражеский конвой? Но нет, все в порядке: объявлена торпедная атака.

По первому докладу Круглова бегу в боевую рубку, Подвсплываем. Поднимаю перископ. Конвой! Совсем близко. Четыре транспорта, самоходная баржа, эскадренный миноносец, три сторожевика. Дальше рассматривать некогда.

Атаковать можно только кормой. Носом не успеваем. Жаль! Целью избираю самый крупный транспорт. Старпом и штурман помогают определить его курс и скорость.

Медленно приходит на крест нитей перископа форштевень огромного парохода.

- Аппараты-товсь!

Мичман Павлов и торпедист Новиков замерли на своих боевых постах. Они готовы нажать ручку стреляющего

приспособления или потянуть рычаг вручную, если это потребуется, чтобы обеспечить выход торпед из аппаратов.

Фок-мачта транспорта на угле упреждения.

- Пли!

Два легких толчка. Весь экипаж замер... Ждем взрыва... Попали или нет? Кроме меня, никто не знает состава конвоя. Мало кому известен объект атаки. Но все понимают: раз выстрелили, значит, что-то стоящее.

Круглов некоторое время слышит лишь работу быстро вращающихся винтов торпед, бульканье воздуха, вырывающегося из торпедных аппаратов, и затихающие шумы удаляющегося конвоя.

Взрыв!..

Он далекий и глухой. Кроме Круглова, его слышит личный состав первого и пятого отсеков. Я ничего не слышу.

Акустик докладывает о приближающемся шуме винтов сторожевика. Круглов прав: сброшена серия глубинных бомб. Замигали лампочки. Посыпалась пробка с подволока. Сторожевик уходит в сторону. Решаю под всплыть и посмотреть, что делается наверху.

Рассматриваю радующую глаз картину. Конвой идет прежним курсом. Атакованный транспорт стоит без хода и медленно погружается. У его борта два тральщика. Сторожевик, видимо, охраняя эту группу, время от времени наугад сбрасывает бомбы. Значит, нас не видит.

В перископ смотрит командир дивизиона,

- Командир, атакуйте тральщики!

- Есть! Атаку уже начали.

Но выпустить торпеды не пришлось: тральщики, не дожидаясь своей очереди, ушли.

Нескольким членам экипажа даю возможность посмотреть в перископ на гибель врага.

Транспорт переломился на две части. Видно, как начинают крениться в разные стороны его мачты. Носовая часть опрокидывается на правый борт. Корма валится на левый. Несколько мгновений они держатся на поверхности и затем навсегда скрываются под водой.

Сфотографировать через перископ удалось лишь быстро погружающиеся в воду мачты.

Нужно уходить из этого района. Сейчас начнется бомбежка. Ложимся на курс отхода. Беру микрофон и передаю по кораблю:

- Поздравляю личный состав с первым боевым успехом! Потоплен фашистский транспорт восемь - десять тысяч тонн. Ожидаем преследования. Уходим под минное поле.

Из всех отсеков получаю ответные поздравления. Спускаюсь в, центральный пост. На лицах у всех радостное возбуждение. Многие обнимаются.

Комдив Трипольский поздравляет меня и напоминает:

- Видишь, Григорий Иванович, я был прав. Прошлая твоя атака была не последней в этом походе. Научила она вас многому, пользу принесла большую.- И добавляет: - Наблюдал за действиями людей. Полностью удовлетворен. Желаю дальнейших успешных атак!

От всего сердца признателен командиру дивизиона за оценку.

- Разрешите и вас поздравить, Александр Владимирович!

Во втором отсеке, как и во всей лодке, - ликование. Никакое ожидание преследования не может омрачить радости первой победы. Все выглядят именинниками.

В акустическую рубку к Круглову заглядывает его приятель Николаевский, Из-за двери выглядывает довольная физиономия Дерендяева. Косте, наверное, хочется обнять и расцеловать друзей. Но оторваться от наушников нельзя. Он помогает командиру уводить лодку от преследования. Приходится ограничиться крепким рукопожатием.

В район прибыли противолодочные корабли. Началась бомбежка. Зажигаются и гаснут лампочки. Сыплется пробка, но корпус держит. Вода не поступает. Часть приводов переводим на ручное управление. Боцману на рулях помогает краснофлотец Подковырин. Оба потные от напряжения. Зато шумы на лодке сведены до минимума, и вражеские корабли теряют с нами контакт. Бомб сбрасывают много, но рвутся они все дальше и дальше от нас.

Вскоре дышать становится трудно. Разрешаю включить регенерацию.

Кок Митрофанов и строевой Жданов усиленно возятся на камбузе. Они хотят угостить команду так, как никогда не угощали.

Чем? Это пока их тайна. Для всех, кроме кока, строевого и фельдшера Ковалева, приготовленные блюда - сюрприз.

Кок Митрофанов, которого товарищи уважительно называют Василием Павловичем, считается на лодке "пожилым" человеком - ему тридцать лет. Мой ровесник. Призван из запаса. Срочную службу проходил в морпогранохране на малых охотниках. Небольшие кораблики много и далеко плавали. К качке привык. Морской болезни не подвержен. После демобилизации успел жениться, обзавестись семьей. С молодой женой жили дружно, счастливо, но недолго. Повестка из военкомата пришла в первый день войны. Короткие сборы. Слезы жены. Погрузка в эшелон. И

через две недели - Владивосток, флотский экипаж. Отсюда Митрофанов попал на нашу лодку, где стал, несмотря на свой "солидный" возраст, молодым подводником.

Небольшая выгородка в четвертом отсеке. Электрический камбуз с духовкой. Несколько бачков, кипятильник - вот все несложное хозяйство и личное заведование Василия Павловича. Все, если не считать пятидесяти ртов, не страдающих отсутствием аппетита. Вот именно не страдающих... А для кока это означает целый день не отходить от плиты.

Над водой на волне приготовление пищи требует особой, почти циркаческой ловкости. Митрофанов ею обладает, хотя за последнее время он заметно пополнел. Едва ли даже самая расторопная хозяйка сможет сварить обед на плите, которая раскачивается по сорок градусов на борт. А кок умудряется! Три блюда. И к сроку! Правда, часто ему помогает Жданов, тоже повар по специальности.

Мало кто в шторм согласится провести хотя бы десять минут на камбузе. Качка, духота, запах пищи. Даже у человека, не подверженного морской болезни, закружится голова. А лодочному повару приходится целыми днями бессменно простаивать у плиты и духовки. Нелегкий труд!

Молчаливый, скромный труженик Митрофанов завоевал уважение и любовь команды. Специальность у него самая "мирная". Ему не приходится, как акустику или сигнальщику, выслеживать врага, посылать в противника торпеду или обеспечивать погоню. Это верно. Но попробуйте не покормить команду или покормить ее плохо... Разве не сменятся шутки молчанием, а потом и раздражением. От работы Василия Павловича во многом зависит настроение экипажа. Это он хорошо понимает. И сегодняшнее отличное настроение, связанное с первой победой, он закрепит отличным ужином,

- Харч, - в шутку говорит кок, - и в обороне и в наступлении необходим.

Ужин приготовлен на славу. Умудрились приготовить даже пирожное. Рецепт МЖ (Митрофанова, Жданова) можно запатентовать. Технологию приготовления не знаю. Составные части: галеты, яичный порошок, сгущенное молоко. Других подходящих продуктов на лодке не нашлось. Судя по заявкам на добавки, пирожное пришлось по вкусу.

После ужина свободные от вахты по очереди курят в боевой рубке. Как на пресс-конференции, отвечаю на многочисленные вопросы. К сожалению, еще не все ясно самому.

- Почему тральщики подходили к тонущему транспорту?

- Спасали команду. Может быть, солдат. Конвой шел к

фронту, мог везти пополнение.

- Успели они снять людей с транспорта?

- Точно сказать не могу. Думаю, не успели. Затонул быстро. Немногим больше чем за пятнадцать минут.

- Какой груз был на транспорте?

- Увольте от ответа. На борту не написано, а в трюмах не был.

Смеются. Вопрос явно необдуманный.

- Почему плохо был слышен взрыв?

- Причин, по-моему, две: во-первых, расстояние сравнительно большое, около полутора миль; во-вторых, могли попасть в полный трюм. Характер взрыва зависит от того, какой груз вез транспорт, и куда попала торпеда. При попадании в пустой отсек, например в машинное отделение или в незагруженный трюм, взрыв будет громким и раскатистым. Если торпеда попадает в трюм с плотным грузом мукой, обмундированием, сеном, - взрыва почти не слышно. Звук глухой и распространяется недалеко.

- Наверное, фашисты эрзац-валенки везли, - заключает Игнатьев.

Спорить не стали. Возможно, и так. Был ведь случай в 1942 году, когда одна из наших лодок потопила транспорт с полушубками, предназначавшимися фашистским горным егерям, которые явились в Заполярье в летних шинелишках в расчете на пресловутый "блицкриг".

Настоящие именинники - Павлов и Новиков. Это из их торпедных аппаратов открыт наш боевой счет. Им по праву следует дать выстрелить из пушки при возвращении в базу. Пусть салютуют о победе.

А Якову Лемперту пришло время расставаться с усами. Товарищи потребовали от него неукоснительного выполнения условий спора. Одну сторону усов друзья на законном основании остригли ему ножницами и заставили побрить. Вторую трогать не разрешают. Сам сказал: один транспорт - один ус; топи еще один - и брейся на здоровье. Напрасно торпедист ссылался на законы симметрии, на эстетику. Друзья были неумолимы. Пришлось вмешаться мне.

- Жаль, кормой стреляли, а не носом, - говорил бывший усач. -Торпед-то в носу побольше, минимум на два корабля хватит! С кормовым залпом попал я в тяжелое положение. Не заступись за меня командир, ходить бы с одним усом.

- Заступиться-то я заступился, товарищ Лемперт, - говорю я, - но ведь долги рано или поздно отдавать нужно. Так что второй транспорт за вами!

- Это так, товарищ капитан-лейтенант...

- Что ж, товарищи, поможем Лемперту долг отдать в этом

походе?

Курильщики, собравшиеся в рубке, дружно выражают согласие.

Так и решаем. Будем искать и топить врага.

Торпеды идут в цель

Первая победа прибавила нам уверенности в своих силах. Не напрасно, значит, потрачено время на учебу. И первая победа нашей подводной лодки не останется единственной, не будет последней. В это верим твердо.

Дни поиска томительно однообразны. Боевые вахты следуют одна за другой строго по расписанию. Те, кто не занят по службе, стараются меньше: двигаться, экономя кислород. Лежат, читают, спят, отдыхают. Но что это за отдых! Как говорится, сон в полглаза. Стоит запустить помпу, вентилятор или пройтись по настилу, спящие поднимают голову. Сознание постоянной опасности приучает отдыхать чутко. Нервы напряжены. Вот тут-то особенно нужны острое словцо, шутка - та, о которой говорил Василий Теркин.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Поводов к шуткам и остротам много. Порой они хлесткие, но всегда беззлобные. Например, в первом отсеке "жертвой" шуток чаще других бывает радист Бирев - большой любитель поесть и поспать. Вот съел Бирев в один присест три обеденные порции, и в отсеке начинают серьезным тоном обсуждать вопрос о том, хватит ли запаса сжатого воздуха выровнять аварийный дифферент, если Бирев вздумает перейти в седьмой отсек. Когда большинство отдыхающих в отсеке решает, что радист спит слишком долго, его будят, говоря: "Вставай! Была команда на швартовы становиться. Пришли в базу!". Под общий смех Бирев вскакивает с койки, но, поняв, что это шутка, смеется вместе со всеми.

Любят пошутить и в кают-компании. Даже сам Дмитрий Тимофеевич Богачев, серьезный и всеми уважаемый на лодке человек, не прочь "подсечь на крюк" кого-либо из офицеров. Не обижается, когда и самого "подсекут".

Сегодня он не заметил, как угодил в "сети", расставленные Ивановым и Скопиным. Обедают они втроем. Богачев что-то с увлечением рассказывает о Чудове. О своем родном городке он может рассказывать часами. Еще во Владивостоке мы знали о стекольном заводе, спичечной фабрике и трех товарных станциях,

запомнили даже фамилии, имена и отчества некоторых жителей.

Перемигнувшись с Ивановым, Скопин прикидывается овечкой.

- А где находится Чудово?

- Под Ленинградом, - охотно отвечает, не видя подвоха, Богачев.

- Милая болезнь многих жителей городов, примыкающих к столице и Ленинграду. Ведь даже кое-кто из рязанцев считают себя москвичами, на том основании, что Рязань находится "под Москвой".

Лейтенанты еще раз переглянулись: дескать, "клюнуло".

Теперь уже Иванов пускается в пространные рассуждения, из которых явствует, что дело обстоит как раз наоборот: что не Чудово находится под Ленинградом, а Ленинград ютится под Чудовом...

Скопин возражает. Он уверяет, что Чудово - это страшная глухомань и что он где-то даже читал, будто в десятую годовщину Октября из Чудова посылались ходоки в Москву узнать, правда ли, что свергли царя...

Этого Дмитрий Тимофеевич не выдерживает и покидает поле брани. Приходится мне выйти из каюты и перевести разговор на более "мирную" тему.

Конечно, не только в шутливых разговорах проходит досуг. Моряки слушают короткие беседы отсечных агитаторов. Много читают, играют в шахматы. Не обходится и без "козла".

На четвертый день поиска мы снова встретили врага.

Круглов услышал шум винтов. В перископ сперва ничего не удается обнаружить. Но через несколько минут показались дымы и много мачт. Идет конвой. В его составе я вижу три транспорта, шесть сторожевиков, несколько больших охотников.

Решаю прорваться с головы, пройти между транспортами и охранением, развернуться и, по возможности одновременно, атаковать: носом - транспорта, кормой - один из сторожевиков. План хорош. К сожалению, осуществить его не удалось.

Сначала все шло точно по расчету. Начали поворот. Но то ли сверкнул на мгновение на солнце глазок приподнятого перископа, то ли гидроакустики сторожевика запеленговали шум наших винтов. Так или иначе, нас обнаружили. Два корабля охранения устремляются к нам. Слышен шум бешено вращающихся винтов, затем тяжелые шлепки о воду. Догадываемся - сбрасывают бомбы...

От их разрывов боль в ушах. По всей лодке гаснет свет. Неужели конец? Но журчания воды нигде не слышно. Значит, все в порядке.

Атакует новая пара. Восемь бомб - рядом. Что же делать? Отказаться от атаки? Нет! Быстро созревает решение: нырнуть под транспорт, укрыться под ним от бомбежки, вынырнуть с другого борта и атаковать кормой.

Как жонглеры, работают на ходовых станциях электромоторов старшина Боженко и электрик Макаров. В считанные секунды быстрее завращались винты, лодка стремительно идет вперед.

Пока восстанавливают свет, Дорофеев, освещая глубомер аварийным фонариком, докладывает:

- Глубина двадцать метров!

- Так держать! Крышки торпедных аппаратов не закрывать!

Противник не ожидает, что мы продолжим атаку. Прекрасно. Будем делать то, чего он не ждет.

Маневр удался. Немцы неистово бомбят с левого борта транспортов, где ранее обнаружили нас.

Осторожно подвсплываем с противоположного борта!

- Кормовые-товсь!

Стреляю по концевому транспорту конвоя. Дистанция минимальная.

Снова, как в первый раз, запели винты уходящих торпед. Зашипел и ударил в уши воздух. Но теперь взрыв слышат все. А смотреть некогда. К лодке на полном ходу мчатся сторожевики.

- Ныряй!

Скорее вниз, закрыться многометровой толщей воды!

Бомбы не заставили себя ждать. Одна из серий взрывается точно над нами. Колоссальным давлением лодку бросило вниз. Сильный толчок о грунт сбивает с ног. Глубина погружения близка к предельной.

Нет, оставаться неподвижной мишенью нельзя. С большим трудом удается оторваться от грунта. Как все-таки замечательно работают Шаповалов, Рыбаков, Дорофеев, Оборин!

Сторожевики долго не успокаиваются. Бомб не жалеют. Но всему приходит конец. Когда взрывы затихли вдали, беру микрофон, поздравляю личный состав с успехом. Сообщаю, что атакован транспорт водоизмещением 6-8 тысяч тонн. Из отсеков приходят ответные поздравления.

После всплытия - снова разговор с курильщиками в боевой рубке. Чувствуется, что команда к встрече с противником отнеслась гораздо спокойнее, чем в первый раз. Начинают привыкать. Но для меня лично атака была тяжелее первой.

Павлов и Новиков - торпедисты кормового отсека - опять герои дня. Лемперт особенно горячо жмет им руки: теперь он не должник...

Получили радиограмму. Вызывают в базу. Сейчас не стыдно и возвращаться!

На войне и дорога домой не безопасна. Бывали случаи, когда наши подводные лодки гибли на самом подходе к своей базе. Отчасти объясняю это тем, что после жарких схваток с врагом экипаж по мере приближения к дому ослабляет бдительность. Помня об этом, обхожу отсеки. Предупреждаю, что на нашем пути могут действовать самолеты и лодки противника. Благополучное возвращение зависит от внимательности наблюдателей, от быстроты и точности исполнения приказаний каждым членом экипажа.

Идем в надводном положении. Заряжаем аккумуляторные батареи. Чудесное утро. Только что взошло солнце. Тихое дыхание ветерка и ленивые холмики зыби. Спускаюсь вниз попить чаю.

В пятом отсеке обычная вахта. Обслуживают механизмы. Следят за оборотами дизелей по тахометрам. Двигатели работают ровно. Вдруг в однообразный стук дизелей врывается пронзительный звук машинного телеграфа. Его стрелка с "Малого" ушла до отказа вправо и остановилась у надписи: "Самый полный вперед".

Стоящий у поста управления моторист Денисов машинально, по выработавшейся привычке, взглянул на аксиометр руля. Он показывал "Право на борт". Произошло что-то серьезное: самым полным ходом в море при зарядке не шутят. Показав знаками находившемуся в кормовой части отсека своему напарнику Бочанову, который не слышал сигнала, поднять обороты, Денисов бросился к левой машине. Бочанов понял сигнал и подбежал к правой.

От них - Денисова и Бочанова - зависит судьба лодки и людей. В их руках регуляторы оборотов. Дизеля нагружаются до предела. Стрелка тахометра на красной черте.

Чувствуется, как рванулась вперед лодка, кренясь на циркуляции. Мотористы сделали все от них зависящее.

Дизеля развили предельные обороты. Лодка идет с максимальной скоростью.

Что же произошло там, наверху?

Серебристый след торпеды первым заметил вахтенный офицер Паластров.

- Право на борт! Самый полный ход!

Скорее автоматическая, чем осознанная, команда была единственно правильной.

Сигнальщики и сам Паластров как зачарованные смотрят на приближающуюся со скоростью курьерского поезда смерть.

Хорошо, если мимо, а если...

Когда я выскочил на мостик, торпеда проходила в десяти метрах от борта лодки. Метко стрелял вражеский подводник.

Но зорким и искусным оказался вахтенный офицер на мостике советской лодки. Выше всяких похвал были действия мотористов и рулевого. Им мы обязаны тем, что фашистские торпеды прошли мимо.

Продолжаем путь. Излишне напоминать сигнальщикам о бдительности. Они зорко всматриваются в гладь моря, настороженно следят за воздухом.

А в отсеках тем временем до блеска начищают механизмы. Медь сияет, как "чертов глаз". Подстригаемся, бреемся и моемся как можем. Обмундирование выглажено.

У немецких подводников считается шиком не бриться весь поход. Приходят в порт заросшими. Ничем не хотим быть на них похожими. Даже внешне.

...Открылись знакомые берега. Какими родными кажутся эти дикие скалы! В назначенной точке нас встречают два малых охотника. Командиры катеров поздравляют нас с возвращением и спрашивают об успехах.

Наши комендоры чистят носовую пушку. Готовят ее к победному салюту. Эту традицию ввел на Севере задолго до нашего прибытия Герой Советского Союза Магомед Гаджиев.

На мостик по очереди выходят матросы и старшины. Многие из них впервые за все время похода видят небо. Предутреннюю тишину рвут два орудийных выстрела.

Теперь весь городок знает: двумя кораблями у фашистов стало меньше. Это наш "членский взнос" при вступлении в славную боевую семью североморских подводников.

Отдых в базе

Встречают нас тепло. Несмотря на ранний час, друзья собрались на пирсе. Командир бригады, а вслед за ним "и другие офицеры горячо жмут руки. Льва Михайловича Сушкина взаимно от души поздравляю с недавним благополучным возвращением и победой. В береговой базе нас ждет натопленная баня, груда газет, почта. У меня большая личная радость - получил письмо от жены, о судьбе которой давно ничего не знал. Как я и думал, она живет по-прежнему в Туапсе, работает на заводе. Сын с ней. Оба здоровы. Первое письмо за год! Кому не понятно, что это значит! Перечитываю несколько раз, пока не заучиваю на память.

Дмитрий Тимофеевич договорился в политотделе о беседе, и вечером в кубрике слушаем сообщения о событиях на фронтах за последнее время.

После двухдневного отдыха начали переборку и ремонт

механизмов. Скоро сможем доложить о готовности к новому походу. А пока критически разбираем свои действия в море. Подвели итоги в подразделениях, среди офицеров, на партийном и комсомольском собраниях. Много вскрыто "мелочей", мешающих работе. Энергично их устраняем.

Следующий поход будет проходить в незнакомых для нас условиях полярного дня, когда исключена возможность укрыться под покровом ночи. И переходы в район боевых действий, и зарядку аккумуляторов придется производить при свете незаходящего солнца. Внимательно просматриваю боевые донесения лодок, уже воевавших полярным днем. Подробно расспрашиваю об этом их командиров.

Самым сложным, мне представляется, научиться правильно расходовать электроэнергию. Чем больше будем находиться под водой у берега, тем больше шансов встретить и потопить врага. Детально изучаем с механиком наши возможности. Решаем в помощь себе привлечь весь личный состав.

Поставил экипажу задачу: продумать меры по экономии электроэнергии на походе. Объяснил, для чего это нужно. Через три дня собрали предложения и провели специальное собрание. Повестки дня не было, но ее можно было сформулировать примерно так: каждый ампер-час электроэнергии - на поиски уничтожение врага.

Много дельных предложений внесли матросы, старшины и офицеры. Ясно одно у неприятельского берега можно находиться дольше, чем это считалось возможным раньше.

Очень подробно изучил атаку Сушкина. Он одним залпом потопил два транспорта. Стрелял носом. Атака мастерская, есть чему поучиться. Сделал для себя необходимые теоретические расчеты. Обязательно проверю их правильность на практике при первом же удобном случае.

Делясь опытом, Лев Михайлович рассказал такой эпизод. Уклоняясь от бомбежки после атаки, он угодил в минное поле. Кончилось это тем, что минреп с миной намотался на левый винт. Пришлось маневрировать одной машиной. Когда оторвались от противолодочных кораблей, выяснилось, что лодка буксировала за кормой довольно неприятный "груз. Очистить винт и освободиться от мины было нелегко. Два часа ныряли люди в легководолазных костюмах в ледяную воду с зубилами и молотками в руках. Как нарочно, усилилась волна. Посылали на это тяжелое и ответственное дело только добровольцев. Но записалась вся команда. Вот он советский патриотизм в жизни!

Удалось побывать в бухтах, или, как их по-северному называют, губах, Оленьей, Пала, Тюва. Присмотрелись к островам

Екатерининскому, Кильдину, Сальному.

По-своему, но красиво!

Пусть почти нет деревьев, и кустарник присыпан снегом! Но нигде в другом месте не найдешь так отвесно падающих в воду скал, к которым могут подходить океанские суда - глубина позволит. Нигде нет такой прозрачной воды в заливе, хрустально чистых ручьев, красивых озер. Пусть нет здесь заоблачных вершин, но и невысокие, они никому не доступны, кроме птиц: такую крутизну не преодолеть...

Стоит посмотреть на глыбы гранита, на самые неожиданные формы скал, которые способна создать только природа, и вас уже что-то влечет к этому краю. Может, его простота и суровое величие.

Вместе с другими командирами подводных лодок меня вызвали к командующему. Докладываю о походе. Адмирал требует краткости и точности. Говорить нужно о самом существенном. Чувствую, не получается: все кажется важным. Командующий не перебивает. Наверное, отлично понимает мое состояние. Ведь это мой первый боевой поход.

Адмирал положительно оценил поход и засчитал нам оба транспорта. Не так-то просто заносятся на боевой счет лодки потопленные ею корабли. Нужно иметь фотографии или лично наблюдать до конца гибель атакованной цели. Взрыв своих торпед, зафиксированный на слух, дает право считать атакованный корабль лишь поврежденным, и он засчитывается лодке при условии, если разведка располагает достоверными данными о потоплении. И это правильно, ибо не каждый корабль, в который попала торпеда, тонет.

В доказательство потопления первого транспорта я представил запись своего наблюдения через перископ и фотографию. Со вторым транспортом обошлось еще проще: летчик-разведчик сфотографировал его гибель с воздуха. Мы получили право нарисовать на рубке "С-56" звезду и вписать в нее цифру "2".

Во флотской газете был напечатан приказ командующего флотом. От имени Президиума Верховного Совета СССР экипаж лодки награжден орденами и медалями. Это большой для нас праздник.

30 апреля 1943 года запомнится каждому из нас на всю жизнь. Все мы, если не считать Дорофеева, впервые получаем правительственные награды. Ордена и медали вручает капитан 1-го ранга И. А. Колышкин. Его приветливое, добродушное лицо сейчас серьезно, даже сурово, что еще больше подчеркивает торжественность обстановки.

- Служу Советскому Союзу! - отвечает каждый из нас, принимая награду.

В этом коротком ответе - и благодарность за доверие, и клятва еще сильнее бить врага.

Вечером в столовую на товарищеский ужин мы приглашаем гостей - наших друзей с других лодок, командование бригады, офицеров штаба и политотдела. Присутствует поэт Василий Иванович Лебедев-Кумач.

На "столе против меня два жареных, румяных поросенка - по числу потопленных за поход кораблей. Снабжать победителей поросятами - неписаная обязанность береговой базы. Ее командир - капитан 3-го ранга Морденко - вечный должник подводников: у него никогда не хватает поросят. Но такому долгу можно только радоваться - чем больше этот долг, тем меньше кораблей остается у Гитлера.

Делить поросят положено командиру. Делаю я это довольно неловко. Хочется быстрее-не получается. Герой Советского Союза Фисанович острит:

- Без привычки не только транспорт потопить, но и поросенка разрезать трудно. Корабли топить научился, теперь учись резать поросят - это все-таки легче.

Фисанович прав. Как ни странно, и при дележе поросенка нужна смелость. Чем решительнее режешь, тем лучше получается. Еще одна неожиданно возникшая трудность: кому следует положить первый кусок. Положено дать наиболее отличившемуся в походе. Но отличившихся много, и решить, кто больше всех отличился, я не могу. Решаю преподнести первый кусок Лебедеву-Кумачу.

- Это вам, Василий Иванович, за стихи и песни. Пишите еще. Моряки вас любят!

Следующие три куска достаются Павлову, Дорофееву и Рыбакову. Затем получают Новиков, Денисов и Бубнов. Дальше дело пошло еще легче. После ужина корабельные поэты - матросы Макаров, Лебедев и старшина Пустовалов - читают свои стихи. Они не безукоризненны по размеру и рифме, но горячи и искренни. От души аплодируем. Лебедев-Кумач хвалит поэтов и советует продолжать писать.

Вечер закончили песнями. На Севере не забываем о Дальнем Востоке, даже в песнях. Спели "По долинам и по взгорьям", "Трех танкистов", поем "Варяга" - о тихоокеанцах, только о прежних - о наших дедах и отцах.

Ремонт закончили на неделю раньше срока. Приняли торпеды и другие запасы. Завтра снова в море.

Море горит

За кормой до горизонта тянется пенистый след. Идем зигзагом. Так фашистским подводным лодкам труднее нас атаковать. Подходим к району, где были атакованы прошлый раз. Здесь резвятся стада касаток. В другое время мы с удовольствием любовались бы этими красивыми, стремительными животными, но сегодня каждый их плавник кажется перископом.

Решил погрузиться и пройти этот район под водой. Не дадим возможности фашистам, маскируясь под плавник касатки, сблизиться и атаковать нас.

Через несколько часов всплываем и продолжаем путь в надводном положении. Кроме плавающих мин, на поверхности моря не видно ничего, заслуживающего внимания. Когда мы подходили к минному полю, густой снежный заряд скрыл лодку от береговых наблюдательных постов. Воспользовавшись этим, полным ходом, под дизелями, идем к берегу. Каждые десять минут надводного хода позволяют пробыть лишний час под водой - лишний час активного поиска врага!

Снежные заряды на Севере проходят так же внезапно, как и начинаются. Вдруг перед нами как на ладони открылся норвежский берег.

- Срочное погружение!

Будто по волшебству, лодка исчезает с поверхности моря. Лишь глаз перископа еще несколько минут прощупывает берег. Пеленги взяты. Мы нырнули под минное поле.

- Штурман, доложите место!

- Идем точно, товарищ командир! В своем "коридоре".

Лейтенант Иванов всегда может точно определить место корабля в море. Все способы определения знает в совершенстве. В прошлом я сам был штурманом. Долго присматривался я к работе Иванова и теперь твердо ему верю.

В нашем "везении", в том, что мы до сих пор благополучно проходили через минные поля, во многом "виноват" штурман. Вот и сейчас он ведет корабль точно там, где мы уже проходили и не встретили мин. Иванов с прошлого похода знает несколько таких "коридоров".

На вахту в центральном посту заступает лейтенант Скопин. Серьезный, вдумчивый офицер. Этого ничем не смутишь; На первый взгляд он кажется даже несколько флегматичным. Но когда нужно, ему стремительности не занимать. На изменение обстановки реагирует быстро. Кажется, будто Скопин родился специально для корабельной службы: зоркий, внимательный, требовательный.

На этот раз первый день пребывания у побережья принес нам успех.

Мы уже давно слышим приближающиеся разрывы глубинных бомб. Затем через наш район промчались несколько катеров, сбросив две - три серии бомб. Тактика гитлеровцев везде одинакова - большим шумом нагнать страх. Читал я о фашистских мотоциклетных батальонах, которые идут в "психическую" атаку со снятыми глушителями, неистово строча из автоматов. Так и на море: гитлеровцы не жалеют глубинных бомб, рассчитывая на слабость наших нервов...

Но расчеты их не оправдываются. Услышав взрывы глубинных бомб, советские подводные лодки не покидают своих позиций, а, наоборот, торопятся туда, где бомбят. Бомбежкой фашисты помогают нам находить их же конвои.

Так получилось и на этот раз. Мы приготовились и терпеливо ждем. После взрыва очередной серии глубинок акустик Георгий Кондращенко, недавно назначенный на лодку из учебного отряда, обратил внимание Круглова на еле различимый шум по носу корабля. Внимательно прослушав горизонт, Круглов доложил о приближении конвоя.

Немедленно поднимаюсь в боевую рубку. Первое, что я увидел в перископ, три самолета "Арадо". Они летят низко, высматривая подводные лодки. Что ж, ищите...

Показался конвой. Транспорт, танкер, восемь сторожевиков. Охранение сильное. Будем прорывать. В лодке на боевых постах стоят люди, готовые выполнить любой приказ. С такой командой ничто не страшно.

Ныряем под сторожевики. Всплываем внутри охранения. Настало время проверить расчеты и стрельнуть, "по-сушкински": одним залпом - в двух. Заманчиво! Если потопить транспорт и танкер, сторожевикам некого будет охранять. Нам, конечно, достанется, но ведь на войне ничего легко не дается.

Веду лодку на "пистолетный" выстрел. Изредка на пять - шесть секунд поднимаю перископ. Это необходимо для проверки точности расчетов. Ровно за три минуты до залпа противник сбросил очередную серию бомб. Бросайте, не жалко! Меньше останется для прицельного сбрасывания.

Выпускаем торпеды из носовых аппаратов. Целимся одновременно в танкер и транспорт.

Напряженное ожидание сменяется радостными докладами. Слышны взрывы, Три торпеды попали в цель. Всплыть и посмотреть не удается. Сброшено пять, а затем еще серия из восьми бомб. Погружаемся на большую глубину. Управление рулями переводим на ручное. Стараемся как можно меньше производить шума.

Бомбежка прекратилась, но сторожевики ведут себя странно.

Немного отошли, однако из этого района не уходят. Ход малый. Что они замышляют? Ясно только, что от преследования не отказались, иначе ушли бы.

В ожидании разрывов следующих бомб проходит более полутора часов. Пожалуй, это тяжелее бомбежки.

Несколько скрашивает время дивизионный механик Очеретин, участвующий с нами в походе. После разрыва первых бомб он посоветовал вынести аварийный инструмент на середину отсеков, чтобы всегда иметь его под руками. А теперь вполголоса рассказывает в центральном посту разные смешные истории. Это первый его боевой поход на лодке, но не первый бой. Михаила Леонтьевича Очеретина зовут у нас чапаевцем. Четырнадцатилетним парнишкой он служил в дивизии прославленного полководца.

Сторожевики снова над нами. По подсчетам акустиков их шесть. Слышим, как летят в воду бомбы. Больше двадцати в серии... Хорошо, что немцы ошиблись в установке глубины. Бомбы рвутся высоко над лодкой.

В лодке гаснет свет: взрывы "выбивают" батарейные автоматы. Стрелки глубомеров прыгают на много делений. Однако серьезных повреждений нет.

Через пятнадцать минут новая серия, на этот раз из четырнадцати бомб... Потом еще и еще в продолжение шести с половиной часов. Приходится менять курсы. Очень неприятно делать повороты, находясь на минном поле. Внутрь прочного корпуса просачивается вода. Лодка тяжелеет. Откачиваем за борт воду, когда рвутся бомбы, чтобы вражеские акустики не могли слышать шум работающей помпы.

Бомбежка утомила всех, но, пожалуй, больше других акустиков. Каждый взрыв больно бьет их по барабанным перепонкам.

Сторожевики "работают" тройками. Уже дважды менялись. Видимо, им действительно некого охранять. Сброшено больше двухсот бомб. Сколько еще ожидает нас?

Очередной маневр сторожевиков не понятен Круг-лову. Все три увеличили ход. Прошли над лодкой, бомб не сбросили. Кроме шума винтов, слышны какие-то частые глухие стуки, похожие на звук работающего пневматического молотка.

Хочу сам разобраться. Иду к акустикам в рубку и беру наушники. Некоторое время ничего не понимаю. И вдруг все становится ясным. Это же прилетели к нам на выручку летчики! Стучат не пневматические молотки, а немецкие зенитки.

- Полный ход!

Идем на отрыв. Фашистам сейчас не до нас - спасают свою

шкуру. Спасибо соколам за выручку!

Когда всплыли под перископ, стало понятным поведение гитлеровцев после нашей атаки. Разлившаяся по поверхности из потопленного танкера нефть еще горела. Столб дыма поднимался на полтора-два километра, образуя вверху большое черное облако. Сторожевики не могли к нам подойти. Им мешал пожар на воде. Горючее, видимо, расползлось большим пятном. Жаль, что мы этого не знали. Можно было бы, не опасаясь бомбежки, позлить врага. В самом деле, что нам сделает огонь на воде? Ходили бы себе под перископом, а немцам не подойти.

Время поздравить команду с новой победой. Объявляю в микрофон:

- Потоплен танкер и атакован транспорт противника, каждый по семь - восемь тысяч тонн.

Нефть горит.

Желающим разрешается по очереди посмотреть в перископ.

Желающими оказались все. Старшина 2-й статьи Власов после осмотра сказал:

- Под фашистами и море горит!

Столб дыма, как доказательство, сфотографировали. Впоследствии оказалось, что гибель обоих немецких кораблей заснял на пленку наш воздушный разведчик. По его же донесению были высланы самолеты для оказания нам помощи.

За обедом в кают-компании инженер-лейтенант Дворов спросил, почему я уклоняюсь от преследования на больших глубинах. Вижу, что вопрос вызвал общий интерес.

В свою очередь спрашиваю офицеров:

- А как бы вы поступили на моем месте?

В наставлении твердых рекомендаций на этот счет, как известно, нет.

Мнения разделились. Высказаны две основные точки зрения. Одни считают, что выбирать глубины для уклонения от бомбометания следует исходя из напряжения, испытываемого прочным корпусом лодки. Чем больше давление воды, а, следовательно, и напряжение корпуса, тем меньше усилий потребуется для его разрушения, тем опаснее взрыв каждой бомбы. Другая сторона дела:

чем меньше глубина погружения, тем больше возможностей для борьбы с поступающей в лодку водой - выше производительность помп, с большим эффектом можно использовать запас сжатого воздуха. Наконец, находясь на небольшой глубине, можно быстрее всплыть под перископ и при удобном случае контратаковать противника.

С других позиций подходят противники малых глубин. Они

учитывают, что радиус разрушительного действия взрыва глубинной бомбы сравнительно невелик, Чтобы потопить или серьезно повредить лодку, нужно довольно точное попадание. Точность же бомбометания с увеличением глубины понижается. Следовательно, для уклонения выгодны большие глубины...

Разделяю вторую точку зрения, не считая ее, однако, бесспорной во всех случаях. К сказанному добавляю, что увеличение глубины погружения, как правило, затрудняет работу гидроакустиков противолодочных кораблей, способствует нашей маскировке. Дело в том, что лодочные шумы проходят через слои воды различной плотности и искажаются в них. Акустические пеленги, взятые на лодку, дают ошибочное представление о ее месте. Чем больше глубина, тем больше слоев воды с различными температурами и плотностями можно встретить, тем больше трудностей создается в гидроакустическом поиске противника.

Управлять лодкой на большой глубине также легче, особенно на ручных приводах. Меньше опасности быть "выброшенными" на поверхность. Можно иметь меньший ход - экономить электроэнергию. При утяжелении лодки от просачивающейся воды на глубине есть возможность облегчить ее, не прибегая к помпам для откачки, а постепенно всплывая. А не производить лишнего шума под водой очень важно. Если при бомбежке разойдутся швы топливных цистерн и соляр начнет вытекать за борт, то масляный след намного отстанет и не укажет точное место лодки. Малая глубина в этом случае быстро выдаст.

Со мной в конце концов соглашаются почти все офицеры. После обеда выяснилось, что не убежденными остались Дворов и Ковалев. Они продолжают спорить, но уже между собой. Впрочем, прислушавшись к их разговору, я увидел, что их занимает больше сам процесс спора, а не его содержание. Заключаю это из того, что стоит, например, Ковалеву согласиться с мнением Дворова, как последний немедленно меняет точку зрения и спор разгорается с новой силой.

Это самые молодые, а потому и самые горячие члены кают-компании.

Лейтенант медицинской службы Герасим Кузьмич Ковалев, а в кругу друзей просто Кузьмич, ухитряется даже в шахматы играть азартно. Им отлично усвоена манера игры "гроссмейстера" Остапа Бендера. Крайние фигуры обычно быстро исчезают с доски, и вернуть их на место нет никакой возможности. Клянясь своим честным именем, Кузьмич уверяет, что ладью или другую исчезнувшую фигуру он "схарчил" уже давно. Членами лодочного шахматного клуба "четырех коней", где все разрешалось, были только Ковалев и Дворов. С остальными он играл честно.

Военфельдшер (так его часто зовут по старой памяти) много внимания уделяет питанию команды. За заботу о людях и за его веселый нрав Ковалева любит весь экипаж.

Дворову война помешала закончить военно-морское инженерное училище. В 1941 году он дрался с немцами на сухопутном фронте под Москвой. На лодке он командир группы движения. Способный молодой офицер. Неизменный партнер Кузьмича за шахматной доской и в спорах. Говоря о своих подчиненных-мотористах и электриках,- он любит употреблять выражение: "Я и моя команда", за что Кузьмич зовет его "капитаном танкера "Дербент" или просто "капитаном". ...Тянутся дни поиска. Противник не появляется. Однажды получили по радио сообщение о том, что с востока и запада идут навстречу друг другу два конвоя. Делаем расчет и направляемся в точку, где конвои должны встретиться. Долго в этом районе никого нет. Но вот слышны шумы винтов. Идет пара тральщиков. Потопить легко обоих. Преследовать нас после атаки некому. И все же стрелять не стали. Решил, что тральщики, "видимо, проверяют фарватер перед проходом конвоев. Вслед за ними пойдут транспорта с ценными грузами, может быть, с войсками. А торпед у нас не будет. И фашисты уходят от своей смерти. В перископ вижу каждого матроса на палубе. Эх! В другое время не ушли бы...

Однако пробыли мы у побережья очень долго, а конвоев так и не дождались. Очень обидно, но сделано все же правильно. Да, получилось не так, как мы рассчитали. Но на этом основании нельзя отказываться от расчетов вообще!

Получено приказание вернуться в базу. Проложен курс в Кольский залив. Все идет хорошо. Но вот "заело" верхний газоотводный клапан дизеля в положении "открыто". Это значит, что мы потеряли возможность погружаться.

Исправлять повреждение на верхнюю палубу отправляются командир отделения Либерман и старший моторист Калиниченко, имея при себе набор ключей и ручников. Двадцать пять минут понадобилось им, чтобы устранить неисправность. Вовремя сделали! Едва мотористы поднялись с палубы на мостик, как показался вражеский самолет. Успеваем благополучно погрузиться.

...Рано утром над бухтой в базе гремят два наших салютных выстрела. А через несколько дней в сводке Советского информбюро появились две строчки: "Нашими кораблями к Баренцевом море потоплены транспорт и танкер противника".

Одним залпом двух

Короткое полярное лето в разгаре. Незаходящее солнце круглосуточно бессменно несет свою вахту над горизонтом. К

солнечному теплу и свету жадно тянется небогатая северная растительность. У побережья полосами ходят густые, белые туманы. На море штиль. Зеркальная гладь воды не шелохнется.

Наше ли это штормовое Баренцево море? Оказывается, не только гневным и бурным оно бывает. Сегодня оно, как мать, ласковое, тихое. Поверхность моря отражает солнце и голубит небо. Красиво!

Несколько часов назад скрылись родные берега. Стою на мостике. В лодке мерно постукивают дизеля. У выхлопов - еле заметный голубой дымок. Спешим в назначенный район - искать и топить врага. Сейчас проходим позицию, где с большой вероятностью можно ждать встречи с немецкими подводными лодками.

Штиль пока наш союзник. Он затрудняет противнику скрытный выход в атаку. Всякий неосторожный подъем перископа демаскирует вражескую лодку.

Однако это не основание для самоуспокоенности. За горизонтом и воздухом зорко следят вахтенный офицер и сигнальщики. Им вверена безопасность корабля. Большая ответственность! Лейтенант Скопин, матросы Николаевский и Булгаков ни на секунду не отрывают вооруженных биноклями глаз от своих секторов наблюдения.

Первым заметил бурун Николаевский. Фашистская лодка циркулирует для атаки. Перископ высоко поднят и оставляет за собой шлейф белой пены. Дистанция короткая.

Плохо управляет гитлеровский командир своей лодкой. Увлекся атакой, не следит за высотой подъема перископа, забывает вовремя его опускать. Видно, рассчитывает на легкую победу. Напрасно!

Даю самый полный ход и отворотом привожу перископ за корму. Корабль почти прыгает вперед, так быстро увеличили обороты мотористы. Доношу об обнаруженной лодке противника "по флоту". Пусть друзья обходят этот опасный район.

Впереди нас к берегам противника ушли Шуйский и Видяев. За нами должна выйти лодка Лунина. Совсем недавно всех уходящих в этот поход командиров инструктировали в штабе бригады. После вручения боевого приказа к нам обратился начальник политотдела капитан 2-го ранга Чернышев:

- Приближается День Флота. Его нужно ознаменовать новыми боевыми успехами. Посылая вас в море, надеемся, что вы вернетесь с новыми победами.

Мы гордимся, что при назначении лодок для выполнения задачи наряду с испытанными в боях ветеранами выбор пал и на молодых североморцев.

Провожая нас в поход, командир бригады говорил:

- Ну, товарищи, с моей легкой руки возвращайтесь с победой, да поскорее. Округляйте боевой счет.

До круглой цифры нам еще далеко. Пока в звезду на рубке вписана только четверка. Но мы верим - у комбрига рука легкая, и счет свой в конце концов мы округлим.

Перед нашим выходом возвратился Сушкин. Он снова утопил одним залпом два транспорта. На этот раз победа ему досталась нелегко. Лодка получила серьезные повреждения и стала в ремонт. Первый боевой поход Ивана Фомича Кучеренко также ознаменовался победой. Теперь нас полностью признали североморцами.

Мой старый товарищ Дмитрий Кондратьевич Братишко, только что прибывший на Север, рассказал мне об одном поучительном эпизоде из своей практики, причем этот рассказ помог нам сейчас избежать ошибки при уклонении от атаки

фашистской подводной лодки.

Случай подробно разбирался на командирской учебе. Вахтенные офицеры твердо усвоили правила уклонения от выпущенных торпед и обнаруженного перископа. Мотористы натренировались быстро поднимать обороты. Это пригодилось нам уже дважды. Теперь и мне есть чем поделиться со старым товарищем.

...Форсируем минное поле. Вахту несет очередная смена. Две смены отдыхают. Правда, далеко не все отдыхающие спокойно спят. Многие внимательно прислушиваются к забортным шумам.

В центральном посту тихо. Только приборы гирокомпаса поют свою нескончаемую песенку. К их приятному ровному гудению привыкли и не замечают. Вахтенный офицер следит за глубинами по показаниям эхолота. По ним контролируем правильность прохождения лодки штурманским "коридором" в минном поле.

У штурмана Иванова в этом походе два помощника - курсанты последнего курса военно-морского училища Крылов и Чернин. Оба старательные и дельные юноши. Сейчас каждый из них самостоятельно, независимо друг от друга, ведет прокладку. Штурман, проверяя их работу, лишний раз контролирует себя. Пока идем точно.

По "коридору" ходим не первый раз. Касаний о минреп ни разу не было. И все-таки правильно ли я поступаю, проходя опасный район без объявления готовности номер один?

Думаю, правильно. Неоднократное благополучное преодоление минного поля говорит о его не очень большой плотности. Конечно, полностью исключать опасность встречи с минами было бы непростительной ошибкой. Поэтому принимаем меры предосторожности. Идем на глубинах больших, чем углубление мин. На немецких минах - две длинные антенны. Верхняя, идущая к поверхности, и нижняя - на глубину. Если лодка коснется корпусом одной из антенн, последует взрыв. Предпочитаю оказаться под миной, чем над нею. Расчет прост: сила взрывной волны имеет тенденцию распространяться в сторону наименьшего сопротивления, то есть к поверхности моря.

Подведен сжатый воздух для аварийного продувания цистерн. Это дает нам возможность в случае поступления воды внутрь прочного корпуса быстро освободиться от балласта и всплыть. Без разрешения вахтенного офицера запрещено отдраивать переборочные двери между отсеками. Это предотвратит распространение воды по лодке в случае повреждения одного из отсеков. В лодке не разрешается шуметь и даже громко разговаривать, чтобы слышать касание минрепа. А

вахту пусть несет одна смена.

Самым дорогим в боевом походе считаю нервы и силы людей. Их нужно беречь для боя. От подводников требуется длительное, многодневное напряжение. С этим нельзя не считаться. Нужно уметь распределить нагрузку на команду так, чтобы сил хватило на весь поход. Спокойная обстановка и нормальный отдых во всех случаях, когда это возможно, совершенно необходимы. Вот почему даю возможность отдыхать двум сменам.

...У берега плохая видимость - туман. Надежда только на акустиков.

Первый день у побережья ничего не встретили, кроме мотоботов. Следующий подход к берегу оказался более удачным.

Слышны шумы винтов. Сближаемся с противником по акустическим пеленгам. Судя по скорости хода, идут боевые корабли. В перископ различаю их в такой момент, когда атаковать уже поздно. Три сторожевика на полном ходу свернули в узкий фиорд и исчезли в тумане. Расстраиваться не стал. По-моему, сторожевики появились здесь не случайно. Рядом - порт. Надо полагать, будут выводить конвой.

...Ждать пришлось долго. Наконец Круглов различил шумы нескольких кораблей. Объявляю торпедную атаку.

Из полосы тумана показались корабли и суда конвоя. Транспорт, три сторожевика. Те самые, что несколько часов назад зашли в фиорд. Над конвоем два самолета "Арадо". Летят медленно. Кажется, будто они повисли над нами. Спешу занять выгодную позицию для стрельбы. Очень осторожно пользуюсь перископом.

В плоскости стрельбы - транспорт и сторожевик. Немного подправляю курс с расчетом поразить обе цели одним залпом. Сторожевик рядом. Ясно вижу флаг с фашистской свастикой, людей на мостике и палубе. Расстояние - не больше трехсот метров. Успеют ли торпеды на такой короткой дистанции прийти в опасное положение?

Ощутимые толчки в лодке опережают доклад Скопина о выпуске носового залпаВсего восемнадцать секунд потребовалось торпеде, чтобы найти цель.

Очень сильный взрыв... Впечатление такое, словно лодку, как горячую лошадь, остановили на полном скаку. Кажется, будто нас отбросило далеко назад. Вижу, как у борта сторожевика поднимается высокий столб воды, пламени и дыма. Когда столб осел, корабля уже не было.

Через минуту - второй взрыв. Это торпеда попала в транспорт. Наблюдать не удается. Лодка без видимой причины теряет глубину. К исходу четвертой минуты слышим еще два

глухих, но сильных взрыва. Предполагаем, что взорвались котлы на атакованном транспорте.

Лежим на грунте. Глубина большая. Выясняем причину потери плавучести. Механизмы включены. Слышны шумы винтов только двух сторожевиков. Не бомбят. Видимо, спасают людей. Полчаса спустя сторожевые корабли уходят, сбросив для порядка по две глубинки.

Командир отделения Токарев и трюмный Оборин проверяют каждую цистерну. Им поручено найти, куда поступила лишняя вода и почему лодка оказалась тяжелее, чем рассчитывали. Делают они это очень добросовестно. По приборам все в порядке. Но ведь чудес не бывает. Стало быть, какой-то прибор вышел из строя. Предположение подтвердилось. На цистерне быстрого погружения оборван тросик сигнализации. Лампочка выключилась, что должно указывать на отсутствие воды. На самом же деле именно здесь находится несколько тонн лишнего балласта.

Продуваем цистерну и всплываем под перископ. Горизонт чист. Поздравляем друг друга с успехом. Потоплены сторожевой корабль и транспорт 6-8 тысяч тонн.

Отходим от берега для перезарядки торпедных аппаратов. Стальные сигары торпед аккуратно смазаны тавотом. По смазке матросы пишут гневные лозунги:

"За Ленинград", "За Крым", "За Украину", "За слезы матерей".

С этими надписями торпеды заняли свои места в аппаратах. Мы разыщем для них цель.

В снастях потопленного

На этот раз нам исключительно везет на встречи с противником. Пользуясь туманами, фашисты хотят перевезти как можно больше грузов. Но нашим акустикам Круглову и Кондращенко туманы не страшны. Они сегодня снова отличились. Конвой не сумел пройти мимо нас незамеченным.

Готовим к выстрелу носовой и кормовой аппараты. Пока неизвестно, носом или кормой будем атаковать. В тумане ничего не вижу. Сближаюсь с противником, пользуясь данными акустиков.

- Товарищ командир, по корме у нас сторожевик!

Судя по шумам - очень близко!

Это докладывает по переговорной трубе в боевую рубку Круглов. Перевожу перископ в указанном направлении. Некоторое время, кроме молочно-белого марева, ничего не различаю. Акустики продолжают следить за целью. Враг близко. Нужно не упустить. Если в перископ не увижу, буду стрелять по отсчету приборов.

- Круглов! Пеленги давать с максимальной точностью! Идем в атаку!

- Есть!

- Кормовые - товсь!

В этот момент вижу наконец цель. Действительно сторожевой корабль. Акустики дают абсолютно точные пеленги, хотя пеленгование в кормовых секторах самое трудное. Вполне можно атаковать, если даже противник не виден в перископ. Учту на будущее.

- Кормовые - пли!

"Слышим взрыв торпеды", - поступают доклады из всех отсеков. Слышу и вижу взрыв сам. Вместе со столбом воды, перемешанной с желтым пламенем и черным дымом, вверх летят мачты, прожекторы, люди. Фашистский сторожевик навсегда заканчивает свое плавание. Через несколько секунд над тем местом, где его настигла наша торпеда, виден лишь пар.

- Товарищ командир! Шумы винтов сторожевика прекратились.

- Поздравляю, Круглов! Он и сам прекратил существование. Следите за другими кораблями конвоя. Не теряйте шумов транспорта. Идем в атаку.

- Есть не терять транспорта!

Сближаемся с конвоем. Через десять минут из полосы тумана показались транспорт и сторожевик. Еще об одном сторожевике докладывают акустики, но в перископ его пока не видно. Проходит пять минут. Фок-мачта транспорта пришла на крест нитей.

- Носовые - пли!

С выходом каждой торпеды давление воздуха в лодке растет. Происходит это не плавно, а толчками, которые больно бьют в уши и заставляют стрелку барографа подпрыгивать все выше. К концу стрельбы этот прибор уже ничего показать не может, так как указатель соскочил с барабана. Ничего удивительного! Ведь за каких-нибудь четверть часа мы успели выпустить из аппаратов все торпеды.

Сторожевик, которого я не сумел разглядеть в перископ, вероятно, очень близко подошел к нам с кормы. Бомбы, сброшенные с него, разорвались почти одновременно с выпуском последней торпеды.

Теперь мы действительно не страшны противнику. Отстреливаться у нас, кроме пушки, нечем. А артиллерийский бой с надводными кораблями для лодки не выгоден. К нему прибегают только в крайних случаях. Мы крайности не испытываем, а поэтому будем уклоняться.

- Боцман! Ныряйте на глубину...

Спускаюсь в центральный пост. Стрелка глубомера быстро бежит вправо, увеличивая отсчет. Истекает вторая минута после залпа. Слышны один за другим три взрыва. Это наши торпеды достигли борта транспорта. Жаль, что не удается посмотреть, как он будет тонуть.

Противник бомб не жалеет, но никакие бомбежки не в состоянии испортить нам настроение.

Объявляю по лодке о потоплении сторожевого корабля и о достигнутом попадании в транспорт 6-8 тысяч тонн. Едва ли транспорту суждено плавать после попадания в него трех торпед.

Пытаюсь обмануть преследующих нас сторожевиков. Они, вероятно, уверены, что лодка будет отходить на север от берега. Поступаю наоборот. Расчет правильный. Взрывы удаляются. Сброшено далеко в стороне около четырех десятков бомб.

Нагнали страху и наделали переполоху мы немалого. Фашисты не знают, со сколькими лодками им приходится иметь дело. Сторожевики не стремятся задержаться в этом районе. Бомбят "для начальства", проформы ради.

Акустики докладывают, что горизонт чист. Разворачиваемся на выход в море. Прокладываем курс к излюбленному нами "коридору". Настроение радостное, приподнятое. Однако не все испытания для нас сегодня окончились...

- Центральный! Скрежет по левому борту! Доклады идут из носовых и кормовых отсеков. Мы тоже слышим неприятный визгливый звук трения металла о металл.

"Минреп!" - молнией проносится мысль.

- Стоп моторы!

Ждем взрыва. Но взрыва не последовало. Лодка остается на прежней глубине. Нас что-то держит. Стук и скрежет в районе второго отсека красноречиво это подтверждают.

Мысли бегут, обгоняя друг друга. Нет, это не минреп. До остановки электромоторов лодка имела минимальный ход, и все-таки толчок был очень сильным. Похоже, что лодку остановили. Если бы мы зацепили минреп, то при такой инерции уже давно должны были бы подтянуть мину к себе. Этого не произошло. Да и скрежет был гораздо "солиднее", чем при трении троса о борт лодки. Носовая часть корабля в районе первого и второго отсеков трется бортом и палубой и сейчас обо что-то массивное. Крен на правый борт достиг трех градусов. Эхолот показывает попеременно то пять, то семнадцать метров под килем, хотя сама лодка не погружается и не всплывает.

Сомнений нет. Под нами затонувший корабль. Лодка, вероятно, попала между мачтой и вантами затонувшего судна.

По расчетам штурмана, в этом месте нами вчера потоплен транспорт.

- Сегодня стали жертвой своей вчерашней жертвы, - пробует шутить механик.

Каламбура никто не замечает. В нашем положении не до смеха. Вырваться из подводного плена будет не легко. Сложность в том, что многое нельзя делать. Нельзя, например, работать главными электромоторами. Нам неизвестно - "чисто" ли под кормой. Есть риск повредить винты, и тогда мы лишим себя способности двигаться. Нельзя продуть или откачать много балласта:

лодка приобретет большую положительную плавучесть и в своем стремлении всплыть будет плотнее прижиматься к вантам или рее судна и повредит себе антенну.

Решил принять воду - утяжелить свой корабль. Перекачкой балласта из кормы в нос и обратно удалось раскачать лодку. Медленно сползаем вниз. Удастся ли освободить носовые рули? После проворачивания валов вручную даю полный ход одним электромотором. Не помогает. В первом отсеке металлический скрежет по обоим бортам. Рули на ходу не проворачиваются. Крепко же мы засели. Не хочет отпускать нас "утопленник"...

- Оба - средний назад!

Скрежет в носу усиливается. Дифферент переходит на нос. Треск! Грохот!.. Видимо, сломалась и рухнула мачта транспорта.

Лодка освободилась. Всплываем на заднем ходу. Через пятнадцать минут удифферентовались. Идем на заданной глубине. Настроение сразу поднимается. Сколько у каждого впечатлений и переживаний! Так не терпится ими поделиться. То и дело приходится вмешиваться и прекращать разговоры в центральном посту.

Это вторая встреча с "утопленником" в нашей подводной практике. Первый раз влезли под водой между мачтами кем-то потопленного корабля еще во время перехода на Север. Столько отправлено на дно судов в эту войну, что скоро и под водой будет тесно.

...Возвращаемся в базу. Над морем густой промозглый туман. Его пелена укрывает от атак самолетов, затрудняет нападение подводных лодок. Но есть еще один враг, коварный и опасный. Ему туман помогает. Это плавающие мины. Здесь их много.

Вахтенный офицер лейтенант Иванов на мостике полный хозяин. Сейчас он отвечает за безопасность корабля, за жизнь экипажа. Между антенными стойками на крыше ограждения рубки стоит на вахте Подковырин. Все свое внимание матрос сосредоточил на наблюдении прямо по курсу лодки. Он

понимает, какая огромная ответственность лежит на нем. Ведь он - глаза корабля. Дважды в течение вахты сигнальщик вовремя обнаруживал мины. Но тогда туман не был таким густым.

На откидной площадке у перископной тумбы второй вахтенный - Мамонтов. На него возложено круговое наблюдение, чтобы не отвлекать от самого ответственного сектора Подковырина.

Разговаривать на мостике не положено. Время от времени Иванов командует:

- Внимательней смотреть!

И снова тихо. Уже была команда: "Очередной смене приготовиться на вахту!". Остается четверть часа. С каким удовольствием разденемся и выпьем по стакану горячего чая. С канадок скатываются холодные струйки. На бровях и ресницах инеем осели мелкие капельки тумана. Линзы биноклей мокрые. Впрочем, в тумане бинокли мало помогают.

- Прямо по носу мина! В сорока метрах! - как ни старается Подковырин быть спокойным, в голосе его слышна тревога.

- Право руль! Право на борт! Теперь уже и Иванов видит впереди зловещий черный шар. Успеет ли лодка послушать руля?..

- Руль право на борту! Лодка покатилась вправо! Это докладывает из боевой рубки рулевой Немальцев. Как медленно идет циркуляция... До чего быстро приближается мина! Сейчас столкнемся... Нет... Форштевень проходит в полутора - двух метрах правее. Красноватый от ржавчины корпус мины качается на волне у самого борта. Теперь поскорее отбросить корму.

- Лево на борт!

Удалявшаяся было мина снова приблизилась. Но лодка уже поворачивает влево. Секунда - и смертоносный снаряд, пройдя в метре от среза кормы, закачался I в кильватерной струе...

Ложимся на прежний курс. Иванов вытирает лицо. Трудно сказать, капли тумана или пота оставляют следы на платке. Подковырин и Мамонтов вздыхают. Им кажется, что с момента обнаружения мины они, как набрали полные легкие воздуха, так ни разу и не выдохнули его.

В центральном посту делается скупая запись в вахтенном журнале о том, что лодка разошлась левым бортом с плавающей миной. Да, недалеко в море ходит смерть. Зевать нельзя.

- Разрешите на мостик!

Из люка поднимается смена: Николаевский, Булгаков, лейтенант Скопин.

- Сдавайте вахту. Как обстановка?

- Все нормально.

...Входить в Кольский залив приказано через знакомую Кильдинскую Салму. В Полярном быть ровно в двадцать часов. Почему такая точность? В гавани все становится ясным. На палубах стоящих у стенки надводных кораблей выстроились команды. Пирс, к которому приказано швартоваться, заполнен подводниками. Виден большой транспарант: "Слава отважному экипажу!". Играет оркестр.

Оказывается, торжества еще не в честь Дня Флота. Его будут праздновать завтра. Это нас с почетом встречают боевые товарищи. Спасибо вам, родные!

Каждый из четырех выстрелов сопровождается громким многоголосым "ура". На пирсе и кораблях особенно дружно приветствуют нас друзья с бывших тихоокеанских эсминцев.

Подана сходня. Схожу на берег и докладываю находящемуся здесь командующему флотом о результатах похода. Адмирал жмет руку, вручает второй орден Красного Знамени и поздравляет с правительственной наградой. Затем командующий спускается на лодку, тепло здоровается с личным составом, поздравляет с благополучным возвращением и победой. Мне говорит:

- Представьте команду к награждению, товарищ Щедрин. Люди достойны этого.

Велика радость возвращения с победой. Даже скудная, кое-где пробивающаяся зелень бесконечно радует глаз. Как приятно ступить на родную землю и почувствовать себя среди близких друзей!

Нас обступают товарищи. Они вместе с нами радуются нашим успехам. И просто тому, что довелось свидеться.

В честь Дня Флота

Для североморцев День Военно-Морского Флота 1943 года был двойным праздником. В этот день отмечалась и десятая годовщина со дня создания Северного флота - самого молодого из флотов нашей страны.

Как мудро поступили партия и правительство, своевременно создав здесь, у берегов Советского Заполярья, флот. Это, пожалуй, в полной мере мы смогли оценить только во время войны. Несмотря на свою молодость, Северный флот доблестно сражался и побеждал врага.

На флоте сложились крепкие боевые традиции. Здесь очень сильны взаимная выручка, товарищеская взаимопомощь в бою и учебе, дружба и сплоченность. Это особенно заметно нам, новым североморцам. Мы здесь меньше пяти месяцев, но благодаря помощи товарищей чувствуем себя уже равноправными членами дружной боевой семьи.

...Зал торжественного заседания переполнен. На сцене за столом президиум; среди других матросов, старшин и офицеров - два представителя нашей лодки: старшина радистов Пустовалов и я.

Докладчика нет. Командующий открыл заседание, поздравил собравшихся с праздником и предоставил слово командиру отряда торпедных катеров Александру Шабалину. Он кратко рассказывает о последней лихой атаке вражеского конвоя. Затем выступает летчик, только сегодня сбивший фашистского стервятника. Морской пехотинец, сражавшийся на хребте Муста-Тунтури, делится своим опытом снайпера. Два дня назад от посланной им пули у фашистов одним горным егерем стало меньше.

Каждому оратору горячо и долго аплодируют. Аплодируют и мне, когда я докладываю об атаках в последнем походе. Оказывается, весь президиум состоит из североморцев, отличившихся в боях последних дней.

В заключение официальной части вечера объявляются указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами соединений флота и приказ Наркома Военно-Морского Флота о преобразовании ряда кораблей и частей в гвардейские. Орденом Красного Знамени награждена наша бригада. Гвардейского звания удостоена прославленная подводная лодка Федора Видяева.

Когда мы стоя аплодируем награжденным кораблям и частям, над бухтой раздаются два артиллерийских выстрела. Это возвратилась из похода и принесла свой боевой подарок подводная лодка Константина Шуйского.

Самым молодым флотом командует самый молодой по возрасту командующий. Ему всего тридцать шесть лет. Сегодня Арсению Григорьевичу Головко присвоено звание адмирала. Мы, командиры подводных лодок, от души радуемся этому, ибо мы уважаем нашего командующего. Нас удивляет его работоспособность. Он находит время, чтобы проводить в поход и встретить из похода почти каждый корабль, когда бы он ни возвращался. Успевает бывать на аэродромах, батареях. И не просто бывать, а поговорить с воинами, поинтересоваться их жизнью.

Адмирал знает сильные и слабые стороны каждого из нас, командиров кораблей. Интересуется, как мы учимся, что читаем, как проводим свободное время. Разговаривая с командующим в неофициальной обстановке, всегда нужно быть готовым ответить на самый неожиданный вопрос. Он любит острое слово, шутку, и сам в этом показывает пример. С уважением относится к каждому

собеседнику, даже если не согласен с ним.

Память на фамилии и лица у адмирала феноменальная. Например, во время первого посещения нашей лодки командиры отсеков, представляясь командующему, называли свои фамилии. Сейчас, когда мы возвратились из похода, адмирал, обходя выстроившихся на палубе моряков, здоровается с каждым за руку и безошибочно называет по фамилии всех, кто ему в свое время представлялся. Когда я рассказал это товарищам, они даже не удивились. Об этом все давно знают, и мы не являемся исключением.

Слово адмирала, его мнение для нас непререкаемо не только потому, что он командующий. Нам кажется, именно таким должен быть командир для своих подчиненных, как для нас Головко. Вот почему мы многому учимся у своего командующего и гордимся им, как гордимся своим флотом.

Офицерам и старшинам нашего корабля присвоены очередные воинские звания. Весь экипаж, в том числе находившиеся в походе курсанты, удостоены высоких правительственных наград. Есть чему радоваться и чем гордиться. Больше всего нас, конечно, радует победа Советской Армии в битве под Курском и Белгородом. Эта победа красноречиво говорит о росте наших сил.

Но не только радостью отмечены праздники. Есть и горести. Лодка Видяева не вернулась из похода. Вот уже несколько дней, как нет от нее ответа на запросы по радио. И хотя не истек еще срок автономности лодки, все мы знаем, что больше мы никогда уже не увидим Федора Видяева и его экипаж. Они навсегда остались в море, которое защищали и любили. Наши мысли флотский поэт выразил такими словами:

В глубинах, где шли мы в подводном дозоре,
Где нашим победам мы множили счет,
Видяев, навеки оставшийся в море,
Бессменную вахту поныне несет...

Погибшие товарищи навсегда останутся для нас живым примером беспредельной любви к Отчизне и верности воинскому долгу.

У причалов, откуда ушла в свой последний поход Краснознаменная, ставшая гвардейской, лодка, будет сооружен скромный памятник Федору Алексеевичу Видяеву.

Нам официально не засчитали потопление двух последних транспортов. В звезду имеем право вписать цифру шесть, а не восемь, как мы мечтали. Ничего не поделаешь: наблюдать гибель транспортов и сфотографировать их на этот раз не удалось.

По случаю праздника и возвращения из похода у нас три дня

отдыха. Пользуясь этим, комсомольцы организовали обсуждение книги Н. Островского "Как закалялась сталь". К обсуждению готовились давно. Уходя в поход, в библиотеке взяли два экземпляра книги, да один у меня был свой. В море роман прочел весь экипаж. Обсуждение привлекло людей и с соседних лодок. Подходили, слушали, а затем просили слова.

Большинство выступавших связывает борьбу комсомольцев первого поколения с задачами сегодняшнего дня. Видят преемственность между подвигами Павла Корчагина и наших современников - таких, как Таня - Зоя Космодемьянская и североморец Иван Сивков. Много хороших, зрелых и вместе с тем горячих выступлений. Мысли направлены к одному - воевать можем и должны еще лучше!

Понравилось мне заключение комсорга Оборина. - В гражданскую войну комсомольцам и молодежи было труднее, чем нам. Не было оружия. Не хватало опыта. Но был энтузиазм освобожденных тружеников и желание построить счастье на земле. И этого оказалось достаточно, чтобы под руководством партии молодежь вырастила тысячи Корчагиных и Железняковых. У нас есть и оружие и знание военного дела, а главное, мы не в мечтах, а в жизни видели, что дает молодежи Советская власть. Пусть немецкие фашисты сильнее белогвардейцев времен гражданской войны. Судьба их будет такой же. А комсомолец Павел Корчагин всегда будет примером для подражания. Думаю, не ошибусь, если скажу: комсомольцы нашей лодки будут воевать так, чтобы не было стыдно перед старой комсомольской гвардией, чтобы всегда быть достойными великого имени, которое носит комсомол, - имени Владимира Ильича Ленина.

Хорошо сказал Оборин. И правильно сделала комсомольская организация, устроив обсуждение книги "Как закалялась сталь". В этот день в кубрике нашей команды завязалась интересная беседа, а такие беседы поднимают у людей чувство патриотизма, закаляют дух, укрепляют сознание долга и готовность во имя его пойти на любые жертвы. А это исключительно важно: ведь у нас впереди новые походы и бои.

Воевать нужно не только торпедой, но и горячими, доходящими до самого сердца словами Островского, Маяковского, хорошим стихом и газетной статьей, словом, всем тем, что заставляет еще крепче любить Родину и ненавидеть ее врагов.

Не случайно выдающиеся полководцы и флотоводцы уделяли исключительное внимание моральному духу войск. Суворов, Ушаков, Нахимов, Фрунзе-все они считали, что от морального фактора на войне, в бою очень многое зависит.

Тем более это важно теперь, когда в войну втянуты многие народы, когда целью войны стало существование той или иной социальной системы.

Полагаю, что вся наша работа должна быть направлена на овладение своей специальностью, развитие у воина смелости, находчивости, инициативы, на привитие ему чувства долга перед своим народом и готовности пожертвовать собою во имя Родины.

Решению этих задач должно быть подчинено все: тренировка у механизмов, личный пример офицера, политические занятия, доклады, диспуты, повседневная организация службы. И еще одно мне ясно. Чтобы добиться безукоризненной исполнительности, высокой дисциплины, нужна большая, кропотливая черновая работа. Какая-то частичка этой работы и была проделана сегодня.

В ремонте

Бомбежки все-таки не прошли для нас даром. Лодка получила повреждения. На состоянии механизмов сказался и длительный переход с Дальнего Востока на Север. Вынуждены поставить лодку в ремонт на судоремонтном заводе.

Выяснилось, что объем ремонтных работ очень велик. Вот почему на партийном собрании коммунисты с таким жаром говорят о том, что необходимо обеспечить высокое качество ремонта и сокращение его сроков.

Наша партийная организация за время боевых походов выросла. Теперь больше половины экипажа - коммунисты. В каждой группе, в каждом отделении есть люди, отвечающие за положение дел перед партией.

Слово берет кандидат партии мичман Рыбаков.

- По трюмной группе, - говорит он, - многие механизмы и устройства нуждаются в серьезном ремонте. Без этого в море выходить нельзя. По ведомости выходит, что добрую половину работ мы должны выполнить своими силами. Вначале было обидно: пришли на завод, а работать должны сами. А походил я по заводу, посмотрел цехи и увидел, что они совсем невелики, квалифицированных рабочих мало - ушли на фронт, на станках много подростков работает. Вот, например, сегодня пришел рабочий снимать пружину верхнего рубочного люка. Походил вокруг люка, позвенел ключом, расплакался и просит: "Дядя, помоги гайку вывернуть". Посмотрел я, а это девочка лет пятнадцати. Ручки тоненькие, сил - кот наплакал. Подумали мы в группе, посоветовались и решили... еще двадцать процентов работ взять на себя. Сделаем к сроку и хорошо.

Рыбакова горячо поддерживают Боженко, Новиков, Оборин и другие.

Выступает Либерман. Он предлагает договориться с

администрацией завода о выделении нам нескольких станков в цехах.

- Мы можем организовать бригаду токарей из личного состава корабля. Часть заводских станочных работ взять на себя.

Предложений много. Не только коммунисты, но и приглашенные на собрание комсомольцы и беспартийные активно обсуждают, как лучше и быстрее закончить ремонт.

Не могу нарадоваться тому, что еще на Тихоокеанском флоте наши люди привыкли делать все сами, своими силами. Теперь это очень пригодилось.

Коммунисты понимают: на заводе нам долго задерживаться нельзя. Фашистские корабли еще бороздят заполярные воды. Еще ждут нас впереди жестокие схватки с врагом...

Некоторым из нас на время ремонта предоставили отпуск с выездом к родным. Я побывал в Туапсе. Ехал туда через Москву, Сталинград, Ставрополь, Ростов. Насмотрелся на разрушенные города, сожженные села. Свой родной город едва узнал: много упало на него фашистских бомб...

Семью решил перевезти в Заполярье. Тут тоже падают бомбы, но жена и сын к этому уже привыкли.

На обратном пути побывал в Сталинграде, вернее там, где был город. Сколько потребуется труда и средств, чтобы отстроить все заново! Видел буквально горы трофейной техники - пушки, танки, минометы... Какую все-таки махину опрокинула Красная Армия у Волги!..

Вернувшиеся из отпусков матросы много рассказывают о таких же разрушениях в прифронтовых и побывавших под пятой оккупантов городах и селах. Да зачем далеко ходить за примерами! Перед нами Мурманск. Этот цветущий город сожжен "зажигалками" и разрушен немецкими фугасными бомбами. Все это усиливает нашу ненависть к фашизму.

Есть у нас и другие причины ненавидеть гитлеровцев... Из боевых походов не возвратились наши друзья - экипажи подводных лодок Шуйского и Сушкина. Долго не верилось. Неужели не придет весельчак и балагур Костя Шуйский? Ведь этот человек никогда, ни при каких обстоятельствах сам не унывал и не давал падать духом товарищам.

Сушкин... Талантливый командир, ни разу не возвращавшийся из похода без победы. А кто лучше его мог спеть и сыграть на гитаре? Под стать командиру и команда. Разве можно забыть старшего лейтенанта Алексея Александрова - одного из лучших штурманов бригады? Энергичный, стремительный, он в свободное время любил пошутить, посмеяться...

Не забыть также матроса-электрика Эскузьяна - красивого, здорового, веселого, сильного. Помню, когда он пришел на лодку к Льву Михайловичу учеником. Это было еще во Владивостоке. По-русски он тогда говорил плохо, но специальность и обязанности осваивал быстро.

Однажды при погружении лодки под клапан вентиляции одной из цистерн попал кусок дерева. По сигналу "закрыть вентиляцию" пневматический клапан не закрылся. Эскузьян схватил толстый железный прут и с такой силой нажал на него, что рычаг согнулся в дугу. Механик удивился: "Как это вам удалось?" Матрос, решив, что ему делают замечание за испорченный лом, оправдывался: "Слабый железо, товарищ механик. Я всего четверть силы на него положил".

Прозвище "Четверть силы" так и осталось за ним до конца. Несмотря на свою молодость, Эскузьян успешно оспаривал первенство по классической борьбе, и только наш уход на Север помешал ему стать чемпионом флота.

Вспоминается и такой эпизод, связанный с молодым атлетом. В одном из заграничных портов он забылся и от души пожал на прощанье руку одному из гостей, пришедших к нам на корабль. Нужно было слышать, как завопил этот человек, замахав рукой, будто ее кипятком ошпарили. Эскузьян был любимцем не только команды своей лодки, но и всего дивизиона. И такого человека не стало... Нет, мы не забудем и не простим гитлеровцам гибели товарищей. Разве можно забыть горе жены Льва Михайловича или его сына, встречавшего на пирсе каждую лодку в надежде увидеть отца?..

Ненависть к врагу находит у нас конкретное выражение: мы идем впереди графика по ремонту; не перестаем непрерывно учиться на опыте возвращающихся из боевых походов лодок - положительное стараемся перенять, отрицательное - не повторять: не забываем ежедневно тренироваться в борьбе за живучесть корабля. Командиры отсеков проводят короткие учения по заделке "пробоин" в абсолютной темноте, причем места этих "пробоин" в отсеках часто меняются. Проводим тренировки также по тушению "пожаров". На лодке нет ни одного человека, не умеющего герметизировать отсек, дать воздух высокого давления и открыть клапан осушения любого отсека.

Старший лейтенант Гладков утреннюю физзарядку иногда заменяет "срочным погружением". Это он с секундомером в руке тренирует личный состав в быстроте спуска с мостика через люк внутрь лодки. Ведь в любое мгновение в походе может понадобиться срочно уйти под воду. Здесь необходимо безукоризненное знание своих обязанностей и основательная

натренированность экипажа. В считанные секунды нужно успеть остановить и герметизировать дизеля, задраить все забортные отверстия в прочном корпусе, открыть кингстоны и вентиляцию главного балласта, а всем находящимся наверху мгновенно спуститься внутрь лодки и закрыть за собой самое большое отверстие - верхний рубочный люк.

Конечно, на ходу в море на мостике не разрешается быть никому лишнему. Но ведь необходимость срочно погрузиться может возникнуть и в момент смены вахты. Люди должны быть очень хорошо натренированы, чтобы по команде вахтенного офицера прыгать в люк и влетать в центральный пост как "смазанная маслом молния", не задерживая погружения.

Мы уже имели в своей практике несколько "сверхсрочных" погружений при появлении вражеских самолетов. Так что разъяснять важность систематических тренировок в спуске с мостика нет необходимости. И тренировки, организуемые Гладковым, дают хорошие результаты. Недаром механик Шаповалов констатирует наполовину в шутку, наполовину всерьез: "Быстрота спуска людей через люк мало чем отличается от скорости свободно падающего тела".

Систематической учебой, тренировками, помощью заводу в ремонте готовим себя к предстоящим походам, к новым схваткам с врагом.

Но как мы ни заняты, все же мы выкраиваем иногда час-другой, чтобы написать письма друзьям на Тихоокеанский флот. Знаем, как внимательно они следят за нашими успехами. Лично я переписываюсь с флагманским механиком соединения подводных лодок, часто пишу боцману "Щуки", которой раньше командовал сам. Рассказываю им о походах, трудностях, с которыми приходится встречаться. Уверен, они используют это в боевой подготовке. От них узнаю новости с флота, получаю дельные советы.

По поручению комсомольской организации Оборин ведет переписку с комсомольцами одной из тихоокеанских лодок. Обеим организациям от этого большая польза.

...Ремонт закончили досрочно. Новый, 1944 год встретили в базе, полностью готовые к походам. Но некоторое время нас еще не посылали в море. Штаб разрабатывал операцию, в которой должно было участвовать несколько подводных лодок, в том числе и наша.

Ковалев, недавно избранный парторгом, собирает коммунистов, чтобы посоветоваться, как обеспечить выполнение боевой задачи - завтра уходим в мере. Работы у Ковалева теперь по горло. Начиная с прошлого похода мы плаваем без

заместителя командира по политической части, должность которого на лодке упразднена. Часть обязанностей замполита возложена сейчас на парторга. От такой ответственности даже характер Кузьмича изменился.

В полярную ночь

Нам впервые приходится действовать в условиях полярной ночи. Какие неожиданности она нам готовит?

Прибыли в заданный район. Много дней провели мы летом у этих далеких, чужих берегов. Сейчас их трудно узнать. Зеленый ковер из мха и невысокой северной травы сейчас покрыт белым снежным покрывалом. На его фоне голые отвесные скалы напоминают фантастические замки или застывшие в своем беге корабли.

Сейчас приемы поиска врага должны быть не такими, как летом. От берега не уходим совсем. Только непродолжительные серые полярные сумерки ненадолго загоняют нас под воду. Большую часть времени проводим в надводном положении.

Ночное плавание очень утомляет верхнюю вахту. К концу смены у людей рябит в глазах и каждое пятно на берегу кажется миноносцем.

Самому молодому нашему рулевому-сигнальщику Василию Легченкову - пришла мысль использовать опыт сталинградских снайперов, о действиях которых он много и с увлечением читал. Что может быть общего у сигнальщика с мостика подводной лодки со снайпером в окопах Сталинграда? Вот как это объяснил товарищам сам Легченков после того, как проверил свои соображения на практике.

- Что делает снайпер, выходя на охоту? Он первым делом изучает местность. Запоминает, где какая кочка, где какой бугорок. Появился на участке, например, новый кустик - и ему ясно: под кустом снайпер врага. Я рассмотрел все пятна на берегу, запомнил их форму. Появись теперь новое пятно, безошибочно доложу вахтенному офицеру: "На фоне берега корабль противника!".

Советы Легченкова приняты всеми сигнальщиками.

Внизу в лодке мало кто спит. Морской бои скоротечен, а ночные схватки иногда длятся буквально секунду, В ответственный момент нужно обязательно успеть на свой боевой пост. Но к бодрствованию вынуждает не только возможность неожиданной встречи с врагом. Тьму ночи порой вдруг прорезывает возникающий где-то в глубине небосвода луч. Секунда - и по небу побежали разноцветные световые полосы - северное сияние. Еще мгновение - и весь горизонт освещен неповторимыми по красоте сполохами. В нашем положении

нельзя поддаваться обаянию этой красоты. Замешкаешься, и лодка будет обнаружена с берега. Поэтому сразу же подается команда:

- Срочное погружение!

Тогда рядом со стоящими на вахте мгновенно оказываются и их отдыхающие товарищи.

Но под водой долго оставаться нельзя: нужно выслеживать врага. К тому же северное сияние гаснет так же быстро и неожиданно, как и появляется. И не успевают люди подвахтенных смен задремать, как их поднимает новая команда:

- По местам стоять к всплытию!

Так повторяется несколько раз в сутки.

За первые сутки только один вражеский катер-охотник на большой скорости проскочил мимо нас. Подходящую цель встретили только на следующий день.

Около полуночи на берегу был включен не работавший до сих пор маяк. Следовало ожидать, что гитлеровцы поведут конвой. Свет маяка нужен им, чтобы провести суда узким фарватером между минными полями и берегом. Что же, и мы подождем на этом фарватере...

Снежные заряды следуют один за другим. Они настолько плотны, что даже носа лодки не видно за падающими хлопьями. На мостике простоял несколько часов. Но только меня сменил Гладков, вдруг слышу его голос:

- Боевая тревога! Торпедная атака!

Выскакиваю наверх. После освещенного отсека почти ничего не вижу. Наконец справа по носу различаю силуэты двух кораблей, идущих контркурсом. Расстояние 15-20 кабельтовых. Решаю атаковать кормой...

Из снежного заряда появляются новые корабли. Уже хорошо видны три транспорта, мористее их - два миноносца. Совсем близко, не более чем в шести кабельтовых,- сторожевик. Наши курсы пересекаются. Успеем ли произвести залп, прежде чем они нас обнаружат?

Медленно, словно нехотя, приходят транспорта на визир ночного прицела. Подворачиваю и даю залп до головному транспорту. За корму потянулись прямые, как стрелы, следы выпущенных торпед. Сторожевик что-то передает нам сигнальным фонарем: принял за своих. Мешкать нельзя. Сейчас фашисты поймут, с кем имеют дело.

Ныряем на безопасную глубину. В последний момент, сходя с мостика, замечаю: конвой почти не движется. Почему противник прекратил движение? Причин может быть много. Например, снежный заряд закрыл маяк, и корабли остановились, боясь

наскочить на свое же минное поле. Или поджидают отставшие транспорта. А может быть, они еще только занимают свои места и не давали хода? Трудно сказать. Но наши торпеды, выпущенные с расчетом на движущуюся цель, прошли мимо. Промах!

Сторожевик крутится над нами, но не бомбит. Очевидно, он не уверен, что видел лодку. Конвой уходит. Сильный шум винтов сторожевика заглушает все остальное. Из-за этого повторить атаку с помощью акустики не удалось. Сторожевик, сам того не зная, защитил транспорта.

По лодке объявляю о промахе и о том, что виноват в этом сам лично. Многие в команде не хотят верить в промах, Высказываются мнения, что взрывов торпед мы не слышали из-за шума в момент погружения. К сожалению, это желаемое, а действительное то, что уже объявлено...

Чтобы исправить свою ошибку, спешу оторваться от сторожевика. Надо всплыть, обогнать и вторично атаковать конвой, а одновременно донести "по флоту" о движении противника.

Всплыть удалось через полчаса. На небе пляска прожекторных лучей северного сияния. Светло почти как днем. Транспорта ушли недалеко. Вижу их совершенно ясно. Начинаем погоню.

Но и с радиограммой тоже медлить нельзя. Мало ли что с нами может случиться... Товарищи должны знать о движении врага.

Мы уже вошли в пределы позиции соседа - лодки капитана 3-го ранга Городничего. Действительно сосед - и здесь по позиции, и в базе по кубрику.

Леонид Иванович Городничий и сам не промах - обнаружил противника без нашего предупреждения. Над конвоем рассыпалась гирлянда ракет. В разных направлениях замелькали светлячки трассирующих пуль и снарядов. Это реакция на торпедную атаку. Нам тут делать уже нечего. Теперь противник к себе не подпустит.

В нашу сторону идет миноносец. Погружаться?.. А как радиограмма? Она передана несколько раз, но квитанция еще не получена. Погружаться не будем: донесение нужно передать во что бы то ни стало.

Отходим на север, продолжая работать по радио. Только на седьмой раз удаётся передать радиограмму так, чтобы ее приняли: северное сияние и магнитная буря создали помехи, прервавшие на некоторое время радиосвязь.

Погрузились. Теперь есть время подробно разобраться в допущенных ошибках.

Старшина 1-й статьи Игнатьев приказал всем рулевым за полчаса до заступления на сигнальную вахту приходить в боевую рубку и там в темноте дожидаться "ночного зрения". Это правильно. Так же следует поступать и вахтенным офицерам. Ведь, поднявшись ночью из освещенного отсека на мостик, в течение 15-20 минут невозможно толком ориентироваться в обстановке.

Теперь в центральном посту будет включаться только красный свет. Надеюсь, эти меры помогут успешнее вести ночной поиск. Но это не все. Моя ошибка, а также ошибка Гладкова - серьезнее. Атаковать конвой нужно было в данных условиях не мне, а Гладкову. Старпом, как и другие вахтенные офицеры, тренировался на приборе в проведении ночных стрельб и имеет необходимые навыки.

Выскочив на мостик, я еще очень слабо различал противника, но взялся за ночной прицел. Сказалась привычка считать, что стрельба - сфера личной деятельности командира корабля. Гладков же, увидев меня на мостике, счел свою миссию оконченной и поспешил на свое место по боевому расписанию. Каждый занялся своим делом. Все получилось правильно... но только по форме. А по существу - промах.

Гладков прекрасно видел цель, а я ее только различал. Правильно было бы старпому взять на себя инициативу начать атаку и довести ее до конца. Мне же следовало дать возможность подчиненному проявить эту инициативу или даже натолкнуть его на это. Одним словом, не была должным образом оценена роль вахтенного офицера при ночном поиске. Делаю серьезные выводы на будущее.

Другим нашим подводным лодкам удалось прилично потрепать конвой противника. Кроме лодки Городничего в атаку вышла лодка капитан-лейтенанта Николая Балина.

Последовавшие одна за другой атаки лодок встревожили фашистов. Началась "карательная экспедиция". Два дня подряд в нашем районе усиленно рыщут противолодочные корабли. Прошло даже целое соединение - четыре охотника. Настойчивость, с которой немцы пытаются прогнать нас от берега, подозрительна

Продолжая ночной поиск, мы однажды обнаружили на фоне берега силуэты двух кораблей.

- Торпедная атака!

Не успел еще сигнал тревоги разнестись по отсекам, как с кораблей раздались два пушечных выстрела. Над лодкой повисли две "люстры" осветительных снарядов. Темнота раздвинулась. Поднимая буруны, полным ходом на нас устремились два

миноносца. Шесть или семь кабельтовых отделяют нас от их форштевней.

- Срочное погружение!

Не знаю, погружаемся ли мы на этот раз действительно медленнее обычного, или секунды стали длиннее, но только кажется, что лодка не отрывается от поверхности воды. Наконец стрелка глубомера идет вправо. В другое время, наверное, показалось бы, что мы камнем летим вниз. Пять, десять, пятнадцать, двадцать метров!.. На этой глубине нас застала первая серия глубинных бомб. Зазвенело стекло, с подволока и переборок посыпалась пробковая изоляция.

Нас взяли в клещи: с каждого борта по миноносцу. Видимо, нас хорошо слышат. Куда бы мы ни повернули, они повторяют наш маневр. Новые и новые серии бомб рвутся над лодкой. Насколько возможно уменьшаем шумность. Ход минимальный. Рулями управляемся вручную.

В отсеках считают количество взрывов. Это у всех уже вошло в привычку. Подсчитывать не легко. Не только потому, что серия из шести - восьми бомб взрывается почти одновременно, но и потому, что после взрыва приходится осматривать отсек, чтобы убедиться в исправности механизмов.

У каждого свой "самый точный" метод подсчета. Некоторые делают отметки мелом на переборке. Другие просто загибают пальцы. К "среднему результату", который всякий раз определяет старпом для записи в вахтенный журнал, обычно ближе всех оказывается трюмный Молодцов. Это уже не в первый раз. Долго хранил он в тайне свой "арифмометр". Сегодня рассказал. В правом кармане у него сто спичек. После каждого взрыва одна перекладывается в левый. Сейчас в правом кармане осталось четыре спички. Вот сколько взрывов насчитал трюмный.

Но странное дело. Чем больше черточек на переборке или переложенных спичек, тем светлее становятся лица, спокойнее и увереннее движения! Впрочем, не так уж это странно: люди убеждаются в бессилии врага. И вот уже слышатся в отсеках остроты, шутки:

- Чем это мы им так насолили? Три часа успокоиться не могут.

- Не им насолили, а себе навредили,- перебивает Рыбаков.- Вспомните, как сегодня днем по милости "боцманят" и дежурного трюмного нас волной с перископной глубины на поверхность выбросило. Чуть ли не всю рубку показали. Вот сигнальный пост и вызвал сюда "карателей". Транспорта пока в портах постоят. Бьют за дело - не умеем в шторм держаться под перископом.

...Идет десятый день нашего пребывания в море.

- Слышу шум винтов на курсовом сорок пять градусов правого борта.

На полном ходу всплываем под перископ. Крутая волна и наступающая темнота мешают подробно рассмотреть состав конвоя. Вижу лишь танкер 10-20 тысяч тонн, два сторожевика и несколько больших охотников.

Долгожданный сигнал торпедной атаки застает почти всех на своих местах.

С дистанции шесть кабельтовых стреляю по танкеру. Сильный раскатистый взрыв торпеды служит основанием для взаимных поздравлений. Особую радость приносит доклад Круглова:

- Шум винтов танкера прекратился!

От атаки сторожевика уклоняемся сравнительно легко. Сброшено всего двенадцать глубинных бомб, и те разорвались на большом удалении от нас.

Эту победу, как и все остальные за поход, мы еще в базе решили посвятить приближающемуся празднику - 26-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Но других побед в походе нам одержать не удалось. Фашисты не подпускают лодку к берегу: в течение пяти суток непрерывно бомбят район. Отмечаем до четырехсот взрывов ежедневно, причем только за относительно светлое время суток. А с наступлением темноты у берега то и дело вспыхивают осветительные ракеты, сверкают молнии трассирующих снарядов.

Нужно сказать, что никогда еще противник не отвечал такими энергичными контрмерами на потопление своих судов. Видимо, слишком тонка стала эта единственная артерия врага на северном фланге сухопутного фронта.

Не только надводные корабли, самолеты, но и немецкие подводные лодки стали теперь частыми гостями в районе наших позиций. На шестой день вынужденного пребывания вдали от берега встретились с тремя из них. Неуверенность в опознавании и прямое запрещение атаковать лодки спасли врага от потопления. Обидно. Но пусть лучше фашисты еще немного поплавают, чем ошибиться и потопить товарищей.

В базу возвращаемся радостные. Салютным выстрелом возвещаем о потоплении танкера. Радует и хорошая работа механизмов после ремонта. В походе они выдержали большой и серьезный экзамен.

По велению сердца

Две недели назад мы возвратились в базу. Сейчас вышли в новый поход. Направляемся в логово врага. Боевой приказ краток и точен: транспорта противника - уничтожать, корабли противолодочной обороны - не трогать, подводные лодки топить

запрещается. Суровое Баренцево море встретило нас жестоким зимним штормом еще на выходе из залива. Ход пришлось уменьшить. Тяжелые свинцовые волны взбегают на палубу, взбираются на мостик. В люк непрерывно попадает вода. Помпа работает на откачку почти безостановочно. Холодные струи льются в центральный пост, на дежурных - трюмного и электрика. У рулевого в боевой рубке насквозь промокла куртка. А каково сигнальщикам?

Ледяные брызги и снежная крупа секут лицо. На одежде нарастает толстый слой льда. Очень хочется отвернуться, подставить ветру спину, дать отдохнуть уставшим глазам. Но делать этого нельзя. Сигнальщик даже в такой кромешной тьме не имеет права просмотреть плавающую мину. На переходе - это главная опасность.

Лодка решительно разрезает волны и в брызгах пены гордо мчится вперед. На душе становится веселее. Смотришь и невольно любуешься своей стальной красавицей.

Февраль здесь самый штормовой месяц в году. Он и на этот раз ревниво оберегает свою репутацию. Восемь суток подряд ревет буря. Море как кипящий котел. Даже на тридцатиметровой глубине лодку кренит по восемь - десять градусов на борт.

В один из дней ветер достиг ураганной силы. Пришлось отойти от берега. Громадные волны перекатывались через мостик. Верхние вахтенные привязались бросательными концами к тумбе перископа. Ударами воли вдребезги разбиты стекла в ограждении рубки. Смыло за борт ночной прицел. В довершение всего понизилась температура воздуха. Лодка начала обледеневать...

Но вот погода улучшилась. Вчерашние сутки провели у берега в поисках противника. Море стало спокойнее. Однако конвои не идут...

А ранним утром встретились не с тем, кого искали. Нас обнаружили противолодочные корабли... Первая секция бомб взорвалась над нами около шести часов утра, через полчаса после погружения от "полярной иллюминации" северного сияния. И вот уже двенадцать часов команда стоит по готовности номер один. Спички Молодцова почти все переложены в левый карман. Это значит, сброшено на нас около сотни бомб.

Отходим на север. Берег уже в тридцати милях. Противолодочные корабли не отстают. Трижды пытаюсь подвсплыть и контратаковать сторожевики. Но каждый раз неудачно. Видимость плохая, в перископ противника не обнаруживаю. После всплытий бомбежка усиливается. Очевидно, увеличение скорости хода лодки у поверхности создает большие шумы, что позволяет акустикам врага точнее определять наше

место.

В конце концов становится просто обидно: контратаки не получаются и уйти не удается...

Чем мы себя демаскируем? Почему сторожевики не теряют с нами контакт? Соляр и воздух высокого давления за борт не выходят. В этом я убедился, осматривая водную поверхность при всплытии под перископ. Гидролокаторов на сторожевиках, видимо, нет. Их работу мы хорошо помним по прошлым походам. Когда они включены, корпус лодки звенит, будто его посыпают песком или горохом.

Что же может шуметь? Управление вертикальным и горизонтальными рулями переведено на ручное. Помпы и другие механизмы не запускаются вовсе. Остаются два источника шума - винты с вращающими их электромоторами и вентиляторы системы регенерации воздуха.

Нужно во что бы то ни стало перехитрить противника, оторваться и уйти от него. Команда утомлена, пора дать ей хоть немного отдохнуть. Трудно простоять двенадцать часов под бомбежкой. А ведь в понятие "стоять по тревоге" входит напряженная боевая работа. Например, торпедисты сегодня трижды готовили к выстрелу все торпедные аппараты, когда мы пытались атаковать сторожевики. А это значит трижды открыть и закрыть тяжелые передние крышки. Рулевые вручную перекладывают рули. После взрыва глубинной бомбы в отсеках положено осмотреть трюмы и заглянуть в каждую выгородку. Все это - нелегкий труд, если учесть, что работать приходится в далеко не свежем воздухе.

Пытаемся обмануть, сбить с толку преследователей. Пока нас выслушивают, электромоторы в лодке работают самым малым ходом. Винты вращаются медленно, почти не издавая шума. Как только сторожевики дают большой ход, моментально резко увеличиваем свою скорость. Временами меняем курсы.

Но все-таки противолодочные корабли не теряют с нами контакта. Что же делать? Путь, очевидно, один - уменьшить шумность. Но как? Совсем остановить главные электромоторы нельзя. Остается...

Смотрю на инженер-механика Шаповалова, он - на меня. Понимаем друг друга без слов.

- Разрешите, товарищ командир?

- Да.

- В носу! В корме!

Дождавшись докладов из отсеков, механик решительно командует:

- Выключить машинки регенерации!

Каждому на лодке известно, что значит прекратить в подводном положении очистку воздуха. Человек непрерывно выдыхает углекислоту. И если окружающий воздух не очищать, то концентрация ее начнет расти. Увеличение углекислоты от нормального ее содержания в воздухе до полпроцента опасности для жизни человека не представляет. Именно на этом пределе обычно и удерживается содержание углекислоты в лодке путем регенерации. Но стоит прекратить очистку воздуха, и количество углекислоты в отсеках увеличивается довольно быстро, примерно на один процент в час, а это уже вредно отражается на организме человека. Сперва появляется одышка, слабое головокружение, шум в висках. По мере роста концентрации углекислоты одышка и головная боль усиливаются, появляется мышечная слабость. При четырех процентах одышка становится мучительной, руки - влажными и холодными, движения крайне затруднены, повышается кровяное давление.

Если концентрация углекислоты достигает шести процентов, человек теряет способность управлять своими действиями.

Все это известно каждому подводнику. Но мы надеемся быстро уйти от противника, а тогда можно будет не только запустить регенерацию, но и всплыть, провентилировать лодку.

Действительно, сторожевики начинают нас терять, Бомбы сбрасываются в стороне, шум винтов затихает.

- Начать регенерацию воздуха!

Через некоторое время подвсплываем для осмотра горизонта. Почти совсем темно. В перископ ничего не вижу. И вдруг доклад:

- Правый борт курсовой тридцать пять градусов - шум винтов миноносцев!

- Ныряй!

Посыпались бомбы. Началось все сначала. На этот раз преследуют два миноносца и два сторожевика. Видимо, шла смена только что отставшим трем сторожевикам. Натолкнулись на нас, вероятно, случайно. Может быть, даже обнаружили наш перископ. Во всяком случае, бомбят довольно точно и боеприпасов не жалеют.

До полуночи на нас сброшено 124 бомбы. Под бомбежкой по готовности номер один находимся уже восемнадцать часов. Пробую уклоняться по-всякому. Меняю курсы, глубину погружения, скорость хода. Пока что удалось избежать попадания бомб.

Временами вновь останавливаем регенерацию. Концентрация углекислоты возросла. И все-таки нужно решиться и прекратить очистку воздуха на более длительное время. Другого выхода нет. Иначе не вырваться

Приказал выключить регенерацию, перейти на работу электромоторами экономического хода с питанием от полубатареи. Ползем со скоростью черепахи. Зато бесшумно.

Противник нас, вероятно, потерял. Но он понимает, что за это время мы не могли уйти далеко из района. Поэтому бомбежка продолжается. Одна серия глубинок разорвалась очень близко. Но это случайность. Медленно, но верно прорываем кольцо. - Хватит ли только у нас сил и выдержки?

Все тяжелее становится дышать. Мучает одышка. Стучит в висках, свинцом наливается голова. Трудно и совсем не хочется двигаться. Замечаю, что у всех неестественно красные лица. Наступает апатия. Какое-то деревянное равнодушие даже к взрывам бомб. Так действует углекислота.

Решаю пройти по отсекам. Как много, оказывается, нужно сил, чтобы отдраить переборочные двери... За мною идет Ковалев. Он проходит не только как фельдшер, но и как парторг. Некоторым оказывает помощь, других подбадривает, беседует с коммунистами. Не ошиблась парторганизация, избрав Кузьмича своим секретарем. Именно сегодня проявляются лучшие черты его характера: задушевность, умение повлиять на людей личным примером.

Вот ему что-то шепчет Боженко. Подводники исполняют свой долг. Все - на постах. Но картина в общем тяжелая. Даже на лицах самых жизнерадостных ни одной улыбки. Углекислота... Некоторые пытаются дышать через патроны регенерации. Однако уже не хватает сил втянуть через них воздух. У многих на лбу выступил холодный пот, дрожат руки.

Первым свалился матрос Назаров. Ему стало плохо в трюме при осмотре подшипников на линии вала. Тоже произошло с Новиковым и Бохановым, когда они осматривали трюмы. Углекислый газ тяжелее воздуха, поэтому концентрация его у днища лодки наибольшая. Приказываю Назарову и всем осматривающим трюмы при работе включаться в маски легководолазных приборов. Такое же приказание получает Круглов, находящийся на своем посту в акустической рубке.

Чувствуется, что фашистские корабли нас потеряли, хотя находятся еще близко. Они беспорядочно рыщут по району. Бомбы сбрасывают неточно. Любой ценой нужно продержаться, не увеличивая шумности!

Начать регенерацию просто необходимо, но сейчас этого делать нельзя. Запуск вентиляторов выдаст нас противнику. Дать себя обнаружить - смерти подобно Запасов электроэнергии остается немного. Длительного преследования нам больше не выдержать. Но положение людей облегчить нужно.

Отдаю приказание высыпать на настил в отсеках известь из патронов регенерации. Это должно несколько снизить содержание углекислоты.

Взорвалась серия глубинных бомб. На этот раз опять близко. Из отсеков поступают какие-то ленивые, бесстрастные доклады о том, что все в порядке.

- Часть людей нуждается в немедленном отдыхе. У многих наступила апатия. Содержание углекислоты выше четырех процентов, - докладывает Ковалев как фельдшер и тут же, переходя с официального на доверительный тон, добавляет как парторг: - Коммунисты держатся, товарищ командир!

Вот к кому надо обратиться за поддержкой и помощью - к коммунистам!

Подхожу к переговорным трубам и громко вызываю:

- В носу! В корме!

Стучит кровь в висках. Собственный голос кажется чужим, далеким и звучит, будто в пустой цистерне. Отсеки отвечают безразличными, вялыми "Есть".

- Говорит командир корабля! Противник начинает нас терять. Нам нужно продержаться, не увеличивая шумности. Мне известно, что личный состав устал и выбивается из сил. И все-таки нужно держаться. Разрешаю беспартийным отдохнуть. Коммунистов прошу стоять за себя и товарищей. Повторяю: коммунистов прошу держаться.

Первым ответил седьмой отсек:

- Беспартийных нет. Вахту стоим! И голос мичмана Павлова показался мне бодрее, чем был минуту назад. За ним докладывает Боженко:

- Центральный! В шестом стоят по готовности номер один. Вахту несем все. Назаров подает заявление в партию. Беспартийные просят не сменять их!

- Центральный! Личный состав пятого отсека просит считать нас всех коммунистами! На вахте будем стоять сколько понадобится!

И так все отсеки. От места по расписанию не отошел ни один человек, не исключая и учеников, совершающих свой первый поход.

Вот что происходит в центральном посту на моих глазах. Игнатьев подошел к приводу носовых горизонтальных рулей, у которого нес вахту Николаевский,

- Сдавайте вахту. Я заступаю.

- Почему?

- Идите отдыхать. Вам разрешается,

- Я комсомолец.

- Комсомолец - смена партии. Вот и смените меня, когда немного отдохнете...

Николаевский, как мне показалось, обиженно посмотрел на Игнатьева и молча отошел от рулей. На штурманском столике взял лист чистой бумаги и что-то быстро начал писать. Потом подошел ко мне и протянул листок. На нем было написано: " В ПАРТОРГАНИЗАЦИЮ ПЛ "С-56" От комсомольца Николаевского. Заявление

Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП (б). Готовлюсь к вступлению давно. Буду примерным воином. Вахту хочу нести вместе с коммунистами.

28.02.44 г.

Николаевский"

Протягивая мне заявление, Николаевский сказал:

- Товарищ командир! Давно у вас хотел просить рекомендацию в партию. Доверие оправдаю.

С такой же просьбой обратился ко мне Мамонтов. Обоим рекомендации дал. Написал их тут же, у штурманского стола.

Николаевский подошел к Игнатьеву и, улыбаясь, сообщил, хотя тот отлично все видел и слышал сам:

- В партию заявление подал. А затем обратился официально:

- Товарищ старшина! Разрешите заступить на вахту у носовых горизонтальных рулей. Глубину держать... метров. Управляемся вручную.

Игнатьев крепко пожал руку подчиненному и только потом ответил:

- Заступайте!

...Перед парторгом - заявления от пяти человек. Все они просят об одном и том же: принять кандидатами в партию, разрешить нести вахту наравне с коммунистами. Написано ясно. Ясно Ковалеву и то, как надо отнестись к каждому из этих заявлений. И все же есть над чем задуматься...

Такова моральная сила нашей партии. В самую трудную минуту под ее знамена идут лучшие люди. Вот и у нас на лодке никогда так трудно не было. Почти сутки не прекращается бомбежка. Воздух насыщен углекислотой. Тело сковывает смертельная усталость. И эти пятеро идут в партию в самый тяжелый для себя и для корабля час, чтобы увеличить силы его экипажа. За высокое право называться коммунистом они не только откажутся от отдыха, но не пожалеют и жизни. Лишь бы отдать ее с пользой для Родины, для партии.

...Четыре часа утра. Дышать стало легче. Высыпанная из патронов на настил известь стала горячей от активной реакции, связанной с поглощением углекислоты. Бомбежка еще

продолжается, а на лодке идет открытое партийное собрание.

Оно проводится в условиях готовности номер один, когда все на своих постах в отсеках. Ковалев обходит носовые отсеки, его заместитель Корзинкин кормовые. Они зачитывают заявления подавших в партию и рекомендации. Голосуют в каждом отсеке отдельно. Кандидатами в члены ВКП (б) единогласно приняты: Николаевский, Мамонтов, Завгороднев, Бубнов и Назаров. Все они пришли в партию не случайно, не под влиянием минутного порыва. Давно собирались сделать этот шаг, но считали, что пока еще не имеют права носить такое высокое звание коммунист. Сегодня они связали свою жизнь с великой партией большевиков по велению сердца.

Ковалев просит разрешить Федотову и Николаевскому перейти в радиорубку к Пустовалову, чтобы выпустить юмористическую газету.

Разрешил. Посмеяться в трудную минуту - тоже разрядка для нервов. А кто лучше нашего Федотова способен рассмешить людей? И откуда только у него берется?!

К шести часам творчество редколлегии пошло гулять по отсекам. Судя по дружному смеху, листок имеет успех. К нам в центральный пост он попадает только после того, как проходит все кормовые отсеки. И здесь, как и в других отсеках, все весело смеются.

Газета называется "Морская Кузьмичовка" - это в честь нашего парторганизатора. "ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА ПЛ "С-56"

28 февраля 1944 года. Прочти и передай товарищу!

Выпущена вместо антибомбина".

Дальше в виде объявления рекламируются две футбольные команды: "Черные буйволы" - капитан Елин и "Метеор" - капитан Рыбаков.

В недалеком прошлом мы увлекались футболом и, выступив однажды довольно успешно, вообразили себя чуть ли не мастерами кожаного мяча. По приходе в Полярное вызвали на товарищескую встречу команду подводной лодки "Ленинец".

Накануне матча наши подводники вели разговоры с довольно нескромными прогнозами о результатах предстоящей встречи. Многие считали, что игра закончится со счетом 1:6 или 0: 4 и конечно в нашу пользу. Кто-то высказался за почетную ничью, но на него зашипели и обвинили в недостатке "патриотизма".

Счет матча превзошел все ожидания - 0 : 6! Но, к сожалению, не в нашу пользу... До сих пор эту игру некоторые вспоминают с горечью, а большинство с добродушным смехом.

Как отголосок этих событий, в листке в нарочито хвастливом тоне дается довольно остроумная характеристика игрокам

команд, якобы вызывающих друг друга для решения спора о первенстве. Кое-кто задет и из центрального поста. Например, под рисунком "Судья" подпись: "Кристалл честности, совесть экипажа Илья Дорофеев - профессор кафедры рулевого дела. В целях безопасности судит матч в танке "КВ". Его предшественник отверг защитную броню и был растоптан игроками". Это намек на Игнатьева. Ему действительно в товарищеском матче повредили ногу.

События увязываются с сегодняшним днем. В газете говорится:

"К сожалению, обе команды в настоящее время отвлечены подсчетом взрывов гитлеровских хлопушек. Увлекательное зрелище! Повальный смех Хохот до упаду! Геббельс наводняет эфир сообщениями о нашей гибели. На самом деле мы живы и будем жить! Триста вражеских бомб смогли выбомбить пять беспартийных в партию".

Дальше шло приглашение: "С окончанием бомбежки и с возвращением в базу приглашаем всех на стадион".

Зрителям даются советы, как уберечь себя от неистовых игроков. Главное иметь шанцевый инструмент для надежного окапывания. В примечании сообщается: "Игра будет сильнейшей. Двери госпиталей гостеприимно открыты - милости просим! Матч состоится при любой погоде. Вход бесплатный Пенсиями не обеспечиваем!". Подпись: "Судейская коллегия".

Может, потом, когда этот листок посмотрим в спокойной обстановке, он не покажется таким остроумным и смешным, а сейчас он доставил нам огромное удовольствие.

В 8 часов 20 минут сброшены последние две серии бомб - по шесть штук в серии. Фашисты убедились, что им нас не найти, и стали отходить на юг. К девяти часам шум винтов затих, а еще через полчаса мы всплыли. Открыв верхний рубочный люк, я выхожу на мостик и, вдохнув свежий морской воздух, на мгновение теряю сознание.

Вентилируем лодку... Какой гадостью мы дышали! Даже курить не хочется так хорош воздух,

Погружаемся, чтобы дать команде возможность отдохнуть. На вахте оставляю одну смену, остальным - спать.

Теперь можно подвести итоги. Преследовали нас семь кораблей - два эсминца и пять сторожевиков. Бомбежка длилась двадцать шесть с половиной часов. На лодку было сброшено более трехсот бомб. В готовности номер один команда находилась около двадцати восьми часов.

Корабль серьезных повреждений не имеет. А главное - дух команды непоколебим. За этот труднейший для нас день

парторганизация лодки выросла на пять человек. Итог не в пользу противника, тем более, что мы сильнее чем когда-либо стремимся найти и уничтожить его.

Орден на флаге

Пронзительный звонок настойчиво терзает слух. Хочется отмахнуться от надоедливого шума и еще хоть немного поспать. Но не меняющий тона звук раздражает, подобно будильнику или комариному звону. Приходится вставать.

Вскакиваю с койки и бегу в центральный пост. После темноты каюты яркий электрический свет бьет в глаза. На своем месте оказываюсь раньше, чем успеваю сообразить, что привел меня сюда сигнал боевой тревоги.

Доклад вахтенного офицера Скопина заставляет окончательно проснуться.

- Акустик слышит шум. Цель идет вправо, ее винты делают двести восемьдесят оборотов в минуту. Начал всплытие и маневрирование для атаки.

- Хорошо. Все ясно. Идите на свое место, готовьте торпедные аппараты к выстрелу.

Неужели снова противолодочные корабли? Слишком уж активно взялись они за нас. Всего пять часов прошло после взрыва последней бомбы. Теперь ждать не станем, пока соберется целая свадьба. Будем атаковать каждую появившуюся цель.

- Круглов! Разобрались ли по характеру шумов, что за цель?

- Работает дизель. Предполагаю - подводная лодка в надводном положении.

Это меняет картину. Лодки, если нет полной уверенности, что это вражеская, атаковать запрещено. Но ведь акустик мог и ошибиться. Лучше заранее приготовиться ко всяким неожиданностям. Поэтому объявляю торпедную атаку.

Над морем снежный заряд. Сквозь хлопья снега с трудом различаю расплывчатый серый силуэт. Как будто лодка...

Даю посмотреть в перископ командиру отделения рулевых.

- Что за корабль, по-вашему, Игнатьев?

- Лодка, товарищ командир, похожа на "Эску", но, скорее всего, немецкая.

- Почему вы так думаете?

- Рубка расположена ближе к носу, чем у "Щук" и "Ленинцев".

Мы сблизились с целью, и теперь отчетливо видно, что это лодка. Почти уверен - немецкая. Почти, но не совсем. Легко и ошибиться. Лодки одна на другую похожи...

- Полный ход!

Решаю максимально сблизиться и рассмотреть как следует.

Снег валит гуще. Сблизились на короткую дистанцию, и все-

таки у меня нет полной уверенности, что лодка не наша.

- Старпом, посмотрите в перископ, чья лодка?

- Немецкая... Впрочем, утверждать не могу... В том-то и дело... Чтобы атаковать, нужно быть абсолютно уверенным.

Смотрю на отсчет. До залпа остается несколько градусов.

- Носовые - товсь!

Может, в последний момент удастся окончательно разобраться. Лодка совсем рядом - два кабельтова. Четко виден белый бурун по носу и корме цели. Вот уж поистине промах был бы невозможен.

На миг как будто различаю флаг на мостике: фашистский!.. Трудно удержаться, чтобы не крикнуть:

"Пли!". Но, может быть, это только показалось? Ветер дует в борт лодке, полотнище на флагштоке отклонилось и снова стало невидимым. Снег помешал окончательно убедиться, что перед нами враг. В море в смежных районах действует много товарищей. Не совершить бы роковой ошибки... Стрелять так и не решился. Цель проходит угол упреждения.

Продолжаю движение, и через две минуты мы пересекаем курс лодки за ее кормой. Теперь флаг ясно виден:

Гитлеровский! Но стрелять уже поздно...

Легко понять наше настроение. За прошлый и этот поход упускаем четвертую возможность потопить фашистскую подводную лодку. И все-таки отлично понимаем, что поступили правильно. Как бы мы себя чувствовали, совершив другую ошибку потопив товарищей?

...Военное счастье нам еще ни разу не изменяло. Во всех походах мы в конце концов находили и топили противника. Так было и на этот раз. Правда, немного по-иному, чем обычно.

К вечеру того дня, когда нас крепко бомбили, а немецкой лодке удалось благополучно уйти, мы возвратились к берегу противника. С тех пор отсюда больше не уходим. В светлое время и в сумерки мы не одиноки. Рядом несет службу шустрый противолодочный катерок. Он рыщет по району, иногда сбрасывает одну - две бомбы. Остановится, послушает, побегает - и снова бомбу за борт. В общем, катеришко довольно безобидный, ведет себя по отношению к нам, можно сказать, лояльно. А гитлеровцы, надеясь на этот противолодочный дозор, других кораблей сюда пока не посылают. Плаваем в довольно спокойных условиях.

Акустики изучили шумы "соседа" в совершенстве, ни с кем его не путают, называют "нашей охраной". На ночь катер уходит, а мы всплываем для ночного поиска. Так продолжается несколько суток. Кое-кто на лодке начинает опасаться, как бы нас не

отозвали в базу раньше, чем появится вражеский конвой.

Но опасения оказались преждевременными, противника мы встретили.

На рассвете готовимся к погружению. На мостике остались сигнальщик Легченков, штурман и я. Второй сигнальщик уже спустился вниз. С уходом под воду медлим только потому, что идет снежный заряд. Перед погружением хочется увидеть берег и убедиться в точности своего места. Сумерки длятся долга, лодка несколько часов будет "слепой", и начать счисление нужно с обсервованной точки.

Выходим из снежного заряда. И вдруг оказывается, что мы в середине вражеского конвоя!

С правого борта контркурсом идут два транспорта, за ними несколько кораблей охранения. Слева вижу миноносец и два сторожевика. Слишком светло, чтобы атаковать над водой. Просто не верится, что противник нас не видит.

Производим срочное погружение. Иванов, прыгая в люк, не удержался, чтобы не дать совет о способе атаки:

- По акустике, товарищ командир! По акустике! Выбора у меня нет. Единственная возможность атаковать противника в сложившихся условиях - кормой.

Носом, к сожалению, не успеваем.

Круглов поймал цель и "вцепился" в нее. Лежим на боевом курсе. Ход малый. Пускать какие-либо механизмы запрещаю. Любой шум может помешать акустикам взять точный пеленг на транспорт, и тогда торпеды пройдут мимо...

- Товарищ командир! Разрешите пустить помпу из уравнительной за борт. Лодка тяжела и тонет!

Мне понятно беспокойство механика. Но разрешить не могу. До залпа остается минута, а шум помпы наверняка собьет прицеливание.

Атакуем. Ждать взрыва пришлось немногим больше полминуты. И вслед за этим - радостный доклад из акустической рубки:

- Шум винтов первого транспорта прекратился! Из аппаратов вышла только одна торпеда. Для второй глубина погружения оказалась слишком большой, и силы сжатого воздуха хватило только на то, чтобы стронуть ее с места, откинуть курковой зацеп и запустить машину. Вой винтов торпеды в трубе аппарата слышен по всей лодке.

Мичман Павлов пытается вытолкнуть воющую торпеду повторной подачей воздуха. Делает это совершенно напрасно. Выдавить из аппарата удалось только воду. Торпеда не вышла, а дифферентовка нарушилась Лодка "клюнула" носом. Дифферент

10, 15, 20 градусов! А затем его уже вообще трудно определить. Во всяком случае, не меньше, чем у лестницы на эскалаторе московского метрополитена. Пузырек дифферентометра пришел в самое верхнее положение, показать больше ничего не может - прибор явно не рассчитан на такое "пикирование".

Люди буквально висят на переборках, держась за что только можно. Стучат срывающиеся с креплений ящики, звенит инструмент, гремит бьющаяся посуда Все устремляется в нос. Глубина погружения стремительно и неудержимо растет. Проскочили уже рабочую, затем предельную, а стрелка глубомера все еще бежит вправо.

Сейчас затрещит. Колоссальным давлением воды прочный корпус лодки раздавит, как яичную скорлупу. В голове мелькнуло: "Вот так и погибают подводники". Но за жизнь нужно бороться до конца! Давно уже поданы команды:

- Дать пузырь в нос! Оба электромотора - полный назад!

И передать и исполнить эти команды сейчас нелегко. К машинному телеграфу не дотянуться. Механик пытается кричать в переговорную трубу, но ему никто не отвечает. Видимо, в шестом отсеке люди у переговорных не удержались.

Рыбаков повис на станции погружения. Он, как воздушный гимнаст, одной рукой держится, чтобы не упасть, во второй зажал воздушный ключ и открывает им нужные клапаны. С большим трудом это удается ему сделать. Упругие струи сжатого воздуха ворвались наконец в носовые цистерны, расширились, выталкивая воду. Лодка облегчилась и выровнялась. На несколько секунд наступило равновесие, а затем началось всплытие. Теперь зевать нельзя. Может выбросить.

- Снять пузырь с носовой группы!

Выпустить воздух из цистерн за борт нельзя. Выйдя с такой глубины на поверхность, он расширится настолько, что "бульба" получится величиной с дом. Лучшего ориентира для противолодочных кораблей не придумаешь: бросай бомбы - и почти наверняка попадешь. Нет, за борт нельзя...

- Давление снять в пятый отсек!

- Есть!

Вместе с воздухом в дизельный отсек попала вода. Дифферент перешел на корму и стремительно нарастает. Снова гремят ящики, совершая на этот раз обратное движение. Лодка, как воздушный шар, у которого обрубили удерживающие его у земли канаты, подпрыгнула вверх, к поверхности.

Оказаться наверху столь же опасно, как и проскочить предельную глубину погружения. И там и там - смерть. Над нами вражеские противолодочные корабли.

"Выскакивать" нельзя.

- Принимать воду! Заполнить цистерну быстрого погружения!

Дифферент отвести удалось, а с плавучестью не справились. Лодка, что норовистый конь, не слушающийся наездника, упрямо всплывает. Нас подхватывает волна и цепко, как в когтях, удерживает у поверхности. Рубка уже над водой.

- Сторожевик и миноносец идут на нас! - взволнованно докладывают из акустической рубки.

"Ну, теперь все, конец..." - думает каждый про себя. Всем кажется, что таранный удар придется именно в его отсек. Раздастся треск и скрежет рвущегося железа, кованый форштевень миноносца проломит борт.

Принимаем воду, куда только можно... Как автоматы, работают трюмные Оборин и Токарев.

- Миноносец и сторожевик быстро приближаются! Работают полным ходом!

Да, кажется, наступает последний парад.

- Как лодка, боцман?

Вопрос - для очистки совести. Сам вижу - на месте.

- Лодка не погружается, товарищ командир! Что ж, время терять не будем, через минуту будет поздно.

- Артрасчетам обеих пушек - в смежные с центральным постом отсеки! Приготовиться дуть среднюю по моей команде!

Поднимаюсь в боевую рубку. Достаю кормовой флаг. Противник ни на секунду не должен подумать, что всплываем для сдачи в плен. Мы всплываем для боя. Флаг своей Родины подыму на руках,

- Как лодка?

- Не погружаемся!

Становлюсь на ступеньки трапа, берусь за кремальеры верхнего рубочного люка.

- Артрасчет, за мной!

Слышу топот ног. На трапе Хлабыстин, Булгаков, Бочанов. Несколько выстрелов, наверное, сделать успеем...

Начинаю открывать люк. Шипит воздух...

- Продуть среднюю!

Вдруг неистовый крик из центрального поста.

- Товарищ командир, закрывайте люк! Лодка погружается!

- Артрасчету вниз! По своим отсекам! Спустившись в центральный пост, прежде всего смотрю на глубомер - уже двадцать пять метров! Лодка стремительно проваливается, но нам еще кажется, что она идет вниз страшно медленно. Особенно - после доклада Круглова.

- Миноносец у борта!

Слышим шум винтов над собой, и затем оглушающие разрывы глубинных бомб. В носу гаснет свет. Гремят падающие вещи, звенит разбитое стекло. Как позже выяснилось, сорвало два листа в надстройке. Но теперь уже не страшно, мы в своей стихии - под водой.

Переднюю крышку аппарата, из которого не полностью вышла торпеда, закрыть не удалось. Пришла или нет торпеда в боевое положение? Сдетонирует она или нет при близком разрыве бомб? По теории-нет. Вертушка с ударника свертывается при поступательном движении торпеды в воде. Но кто знает, как влияют на нее струи от винтов лодки, да и от собственных винтов, отработавших в аппарате? На теоретических занятиях мы бы единодушно доказывали, что торпеда безопасна... А сейчас далеко не все в этом убеждены. Заднюю крышку аппарата подпираем аварийными балками. Так будет надежнее. Иначе ее может вырвать силой гидравлического удара при взрыве.

Лодку удифферентовали, дали полный ход и нырнули в минное поле. По счастью, нас почти не бомбят.

Серьезная бомбежка началась через час, когда мы благополучно вышли из района.

Миноносец и сторожевик нас потеряли, ушли в сторону и только глушат бомбами рыбу. Сейчас можно не много привести себя в порядок. Кузьмича просят в шестой отсек сделать пострадавшим перевязки.

Одним из пострадавших оказался командир группы движения инженер-лейтенант Николай Ушаков. До того как Ушаков получил ушибы, он попал в довольно смешное положение, если, конечно, во время таких "мертвых петель" и других фигур "высшего пилотажа", какие Мы выполняли несколько минут назад, бывают положения, которые можно назвать смешными.

Сигнал срочного погружения застал Ушакова в пятом отсеке, где и положено быть командиру группы движения по тревоге при работе дизелей. Убедившись в надежной герметизации отсека и двигателей после погружения, он направился в шестой отсек, куда автоматически перемещался его КП, поскольку лодка шла в торпедную атаку под электромоторами.

- Товарищ лейтенант, проверьте "взрывомер",- не то, шутя, не то серьезно попросил мичман Елин.

"Взрывомер" - это "патентованное" изобретение электриков, сделанное, как говорится, из подручных материалов. Одному из матросов девушки подарили детскую игрушку - маленькую обезьянку с пружинами вместо рук и ног. На спине у обезьянки - резинка. И, если подергать за эту резинку, обезьянка проделывает уморительные движения. Игрушка как игрушка для детей

дошкольного возраста.

Еще в первом нашем боевом походе обезьянка случайно оказалась за ходовой станцией главных электромоторов. Тут-то и проявились ее необыкновенные свойства: когда при взрывах бомб корпус лодки испытывал толчки, обезьянка, закрепленная на резинке, начинала свой пляс. Чем ближе взрыв и сильнее толчок- тем больше "амплитуда" скачков обезьянки. Макаров и Федотов обратили на это внимание.

Дальнейшее было делом морской смекалки. Обезьянке отвели "штатное место" за левой станцией и нарисовали шкалу. Ноль стоял против положения обезьянки в спокойном состоянии. В обе стороны отмечены установленные опытным путем деления; "далеко", "близко", "очень близко" и наконец "ого-го", что соответствовало такой близости разрывов, когда обычно разлетаются плафоны и лампочки.

Электрики умудрялись без шума держать в курсе показаний "взрывомер" соседей - пятый отсек. Вот почему Ушакова не удивила просьба Елина.

Наша торпеда ударила в борт неприятельского транспорта и взорвалась. Каждую секунду можно было ждать, что противник начнет бомбежку. Вот тут-то Ушаков и отдраил переборочную дверь, чтобы жестом показать Елину: дескать, все в порядке, ждите бомб спокойно, "взрывомер" в исправности. В этот момент лодка "клюнула" носом и пошла в "пике". Командира группы выбросило в пятый отсек. Захлопнувшаяся переборочная дверь зажала полу надетой на нем шубы.

Инженер-лейтенант повис в воздухе, болтая руками и ногами.

Помочь своему командиру мотористы не могли, так как не могли добраться до него. И когда в момент самого большого дифферента Ушаков сорвался, он упал между дизелями, расшиб лоб и повредил руку.

В другое время этот эпизод долго служил бы темой для шуток острых на язык Иванова и Шаповалова. Но сейчас у каждого хватало своих переживаний. Ведь смерть пыталась заглянуть нам прямо в глаза.

Враг не ожидал, что лодка сможет так быстро погрузиться, буквально у него под носом. Бомбы, сброшенные на нас, были поставлены на минимальную глубину взрыва. Миноносец опоздал на какие-то секунды. Спасло пас то, что на корабле не наблюдалось ни малейшей паники. Все спокойно и сосредоточенно делали свое дело. Дерендяев во время дифферентов лег на настил, открыл лючок и все время следил, не проливается ли электролит из элементов аккумуляторной батареи. Боженко и Федотов умудрились четко менять хода при

катастрофическом аварийном дифференте. Выше всяких похвал работали механик, боцман, трюмные. Команда активно боролась за жизнь!

Из всего случившегося мы сделали вывод: нельзя нарушать инструкции даже в мелочах. Мичман Пав лов действовал, конечно, с самыми лучшими намерениями, когда без разрешения центрального поста продул торпедный аппарат, но это едва не кончилось катастрофой.

...В тот же день нас отозвали в базу. Прибыли мы туда ровно в годовщину нашего прихода на Север. Ровно год тому назад мы впервые ошвартовались к такому знакомому теперь причалу.

Нас очень тепло встретили не только потому, что мы вернулись с победой, но и потому, что наша лодка была удостоена высокой правительственной награды. Нам показывают газету, на первой странице которой напечатано адресованное экипажу приветствие Военного совета флота: нас поздравляют с награждением лодки орденом Красного Знамени и выражают уверенность, что она будет еще крепче бить врага.

Через несколько дней нам были вручены: Краснознаменный флаг, орден Красного Знамени и грамота. Вот её подлинный текст: "УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ "С-56"

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ"

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками наградить подводную лодку "С-56" орденом "Красное Знамя".

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН".

На лодке был торжественно поднят Краснознаменный Военно-морской флаг. А на митинге, посвященном этому событию, мы поклялись еще настойчивее учиться воинскому мастерству, неутомимо искать и уничтожать врага.

Неудачный поход

Впервые возвращаемся из боевого похода, не потопив ни одного корабля противника. И это после получения кораблем высокой правительственной награды, после стольких хороших слов, сказанных и написанных о нашем экипаже!..

Как обычно, перед концом похода чиним и драим механизмы. К приходу в базу команда гладит обмундирование первого срока. Но нет обычного, радостного возбуждения, шуток, смеха. Люди ходят угрюмые. Все наши весельчаки приуныли.

Некоторые тихо, но так, чтобы я слышал, говорят о том, что хорошо бы зайти в бухту в то время, когда все наши товарищи

будут спать. Сказать "ночью" нельзя, сейчас ее нет-стоит полярный день.

Никто нас не осудит - ни командование, ни товарищи. Матросы и офицеры могут смело смотреть в глаза друзьям. Меня тоже никто не упрекнет: я действовал точно по инструкции. И все же сделал я, очевидно, не все возможное. Если есть какая-то наша вина в том, что лодку постигла неудача, то ложится эта вина целиком на меня.

В этом походе мы впервые действовали в тесном взаимодействии с разведывательной авиацией. Теперь не нужно было вслепую ходить к берегу и самим искать противника. Искала врага авиация. Наше дело, используя данные авиации, выходить на пути обнаруженных конвоев и топить врага. В нелетную погоду разрешалось действовать по своему усмотрению.

Авиация дважды обнаруживала конвой. Один, шедший на восток, мы атаковать не успели, хотя и гнались за ним. А второй, следовавший на запад, сумел меня обмануть.

После первого донесения разведчика погода испортилась, дальше вести наблюдение авиация не могла. Долго ждали конвой у берега. Прошли все сроки, а мы продолжали находиться там до разрядки аккумуляторов. Враг же, очевидно, отстоялся в промежуточном порту. А нам, в конце концов, необходимо было уйти от побережья, чтобы произвести зарядку батареи. На это ушло много времени. Вернувшись к берегу, мы снова не встретили противника. Погода тем временем улучшилась. Вылетели самолеты, но конвоя уже нигде не было. Очевидно, пока мы ходили заряжаться, он успел проскочить. Слишком долго ожидая конвоя у побережья, мы сильно разрядили батарею. Не сумел я исправить эту ошибку и в дальнейшем. А исправить можно было. Во-первых, зарядить батарею не полностью. Во-вторых, пользуясь плохой видимостью при ухудшении погоды, идти к берегу через минное поле не под водой, а в надводном положении. В обоих случаях экономилось дорогое время.

Вероятно, тогда два фашистских транспорта, которые остались в этом конвое после атаки его подводной лодкой Николая Балина, не ушли бы в Германию. Это и терзает меня. Дело не в честолюбии и не в том, что возвращаемся без победы. На войне всякое может случиться. Дело в чувстве не полностью выполненного долга.

Мы не смогли атаковать конвой, прошедший на восток. Очень жаль, но я сделал все что мог. Гнались за этим конвоем даже тогда, когда все расчеты говорили о бесполезности погони, и можно было надеяться лишь на то, что противника случайно что-нибудь задержит. Задержки не произошло, погоня оказалась безуспешной, но тут мне не в чем себя упрекнуть. А во втором случае налицо просчет. И именно поэтому так неспокойно на

душе.

Вспоминаются события этого похода, дела и заботы проведенных в море дней. Много волнений доставила нам наша аккумуляторная батарея. Она уже отработала свой срок, и ее давно пора было заменить, но пока не было такой возможности. Выделение водорода, уменьшение емкости аккумуляторов и высокие температуры при зарядках держали механика и электриков в постоянном напряжении. Мичман Боженко, старшина 1-й статьи Власов, матросы Дерендяев, Назаров, Макаров и другие очень внимательно следили за батареей, ухаживали за ней. Но однажды она нас все-таки подвела.

Только закончилась зарядка батареи, как старшина Пустовалов доложил о получении радиограммы. Тогда впервые нашим радистам удалось принять донесение непосредственно от самолета-разведчика, который сообщил о движении вражеского конвоя. Расчеты говорят о том, что мы успеем подойти к берегу до прихода фашистских транспортов. Но для этого необходимо прервать вентилирование батареи и, не дожидаясь, пока снизится ее температура, погрузиться.

Идем к берегу. Иного решения и быть не может. Нельзя упустить возможность встретиться с противником и атаковать его. Однако через несколько часов поведение аккумуляторной батареи, верой и правдой служившей нам во всех предыдущих походах, заставляет насторожиться. Количество выделяемого ею водорода не уменьшается, а, наоборот, увеличивается.

- Старушка испускает дух, - острит электрик Леонид Федотов. Но сейчас его шутка ни у кого не вызывает улыбки.

За три часа пребывания лодки у берега процент водорода в отсеках увеличился до трех. Принимаем все доступные нам меры, чтобы снизить его концентрацию. Но безуспешно. Вот уже два... два с половиной... три процента. Каждому в лодке ясно: скоро подойдет к роковой цифре... Если так будет продолжаться, то скоро воздух, в котором мы находимся, превратится в "гремучий газ", способный взорваться от малейшей искры

Выход из положения один - необходимо всплыть в надводное положение и провентилировать отсеки. Но сделать это в двух - трех милях от берега, на виду у постов наблюдения и артиллерийских батарей противника, невозможно.

Принимаю решение отойти от берега. Медлю еще две - три минуты, не отдавая приказания вахтенному офицеру об изменении курса. Может быть, именно в эти минуты акустик доложит о появлении шумов противника или на горизонте в перископ будут обнаружены мачты вражеских судов. Но конвоя нет,

Приказываю перейти на ручное управление рулями, остановить электромеханизмы, не делать никаких переключений в электросети. Опасна каждая искра. А впереди еще долгий путь. Прежде чем мы сможем всплыть и провентилировать лодку, предстоит преодолеть минное поле и отойти от берега на двадцать - двадцать пять миль.

Приборы для определения процентного содержания водорода становятся бесполезными. Их стрелки уперлись в последнее деление шкалы.

Мичман Дорофеев, старшина 1-й статьи Игнатьев, рулевые Николаевский, Подковырин, часто сменяя друг друга, вручную управляют горизонтальными рулями. Лодка управляется плохо, она тяжела. Ни пустить помпу для откачивания лишнего балласта, ни увеличить ход нельзя. При пуске механизма малейшая искра вызовет взрыв. Николаевский и Подковырин сбрасывают с себя тельняшки и остаются голыми по пояс. Но это не помогает. От недостатка кислорода, от высокой температуры и от большой физической нагрузки их тела быстро покрываются капельками пота.

Работают они молча, понимая друг друга без слов и не ожидая команд. Вахтенный офицер Скопин подбадривает их:

- Эх! Постояли бы вы у горна на нашем мариупольском заводе... Вот там действительно жарко!

Даже в такую трудную минуту Скопин не может не вспомнить милый его сердцу Мариуполь, откуда он пошел в Военно-Морской Флот, и где остались его родные.

Вскоре рулевые окончательно выбиваются из сил. На помощь им приходят многочисленные добровольцы. Каждому хочется помочь товарищам, а заодно и избавить себя от мучительного, гнетущего бездействия.

У штурвалов горизонтальных рулей мотористы Бубнов и Либерман. Они не привыкли наблюдать за стрелками глубомеров, аксиометров, за пузырьками и шкалой дифферентометров и следят только за руками боцмана. Дорофеев молча "дирижирует" , показывая, в какую сторону и на сколько каждому из них повернуть свой штурвал. Затем мотористов сменяют комендоры.

Пройдено минное поле. В перископ еще отчетливо видел берег с его наблюдательными постами и батареями на высоких мысах и сопках. Через час нас закрывает спасительный снежный заряд. Всплываем в позиционное положение. Отдраен рубочный люк и вентиляционная шахта. Но долго еще не решаюсь пустить вентилятор: необходимо выждать, пока водород свободно выйдет из лодки и его концентрация снизится до безопасной.

Потом мы вновь спешим к берегу. Кто мог знать тогда, что

обнаруженный самолетом конвой зайдет в попутный порт?

Теперь приближаемся к родным берегам. Придем в базу все-таки днем. Это, пожалуй, на пользу. Кое-кто в команде стал зазнаваться и терять скромность: мы, мол, никогда без победы не приходим! А вот и придем "пустыми как турецкий барабан", и именно тогда, когда наши товарищи с других лодок салютами будут рапортовать о своих победах.

Ничего, нужно только еще упорнее учиться и трудиться. Так и доложу: задачу выполнил не полностью. А что трудно было, это поймут и так, стоит посмотреть в аккумуляторный и вахтенный журналы.

Когда мы гнались за конвоем, мы стали невольными свидетелями воздушного боя. Правда, его удалось только слышать, но не видеть. Много часов проработали дизеля, расстояние между нами и конвоем сокращалось, но все-таки для сближения с ним не хватило двух - трех часов.

Получили информацию: "Удар по конвою нанесет бомбардировочная авиация". Пришлось погрузиться и

уйти на глубину.

А через несколько минут над лодкой раздался колоссальной силы взрыв. Это не глубинная бомба. К их звукам мы привыкли и спутать ни с чем не можем. Спустя некоторое время до нас доносились десятки более глухих и далеких взрывов. Это понятно: конвой бомбит наша авиация. Через час всплыли.

Получили сообщение, что над районом боя сбит наш бомбардировщик. Стало ясно: это он упал в море, и его бомбы взорвались над нами. Вскоре увидели плавающие части, предметы со сбитого самолета. Много часов ходили в надежде найти шлюпку с летчиками, но ее нигде не было. Экипаж погиб в холодных водах Баренцева моря, защищая Родину.

В связи с нашим безрезультатным походом в кают-компании возник спор: существует ли военное счастье и удача, или все зависит от умения, храбрости и силы? Я спустился вниз, когда спор был уже в разгаре.

Разговор шел о том, что один участвует в войне от первого до последнего дня, себя не щадит и остается жив, а другого топят в первом бою. Один в каждый поход встречает и топит противника, а другой не менее добросовестно ищет и все же не находит врага. Что это - счастье или умение?

Офицеры приводят примеры, ссылаясь на сочинения военных авторитетов, приводят изречения Суворова. Насчет умения и мастерства разногласий нет, но насчет счастья и удачи мнения разделились.

Думаю, что элемент счастья, удачи, случая в военном деле,

как и во всяком другом, а может быть, в еще большей степени, имеет место. Но, главное не это. Мы не фаталисты и не должны смотреть на судьбу так: "чему быть, того не миновать". Все в наших руках, а, следовательно, все или почти все можно изменить в свою пользу, всего можно добиться.

На войне нужно умение, нужны смелость и храбрость, твердое знание цели и большая уверенность в правоте своего дела, в боевых товарищах. Правильно учиться самому и учить экипаж тому, что нужно для победы, - это и значит облегчить себе любую задачу в бою. Готовить себя серьезно к бою еще до него это и есть забота о победе, а одновременно и о сохранении жизней экипажа и корабля. Подготовку я имею в виду всестороннюю - идеологическую, специальную, физическую и даже привычку к морю. Сейчас, например, имея такую, как у нас на лодке, опытную и закаленную в плавании команду, легче ходить в боевые походы. У нашего экипажа один противник - враг, а шторм, непогода, качка - дело привычное.

Можно полагать, что, скажем, наскочить или не наскочить на мину-дело слепого" случая, удачи, но и это не совсем так. Ведь мы изучили тактико-технические данные вражеских мин, глубины их постановки, течения, которые могут их отнести, и все это помогает нам избежать опасных встреч. На долю слепого случая мы оставляем не так уж много.

Теперь, когда шире стала применяться на нашем театре авиация, мало места остается случайностям и в поиске противника. А что касается нынешнего похода, то о нем тоже нельзя сказать, что нам "не повезло".

Вывод должен быть один - учиться, учиться и учиться всему, что пригодится на войне. То, что называют военным счастьем, удачей, приходит в результате упорного труда, а не слепого случая, счастье нужно заработать. Просто подобрать его нельзя. На военных дорогах оно не валяется.

В базе нас встретили тепло и сердечно, как всегда, При встрече был, между прочим, один комический момент. Оказывается, штабу было известно о потоплении транспорта одной из подводных лодок, а какой именно, точно еще не знали. И вот, когда мы вошли в гавань, то увидели, как в спешном порядке движется к пирсу оркестр. Но время шло, а наша пушка молчала, и оркестр уныло топтался на месте, не зная, куда девать свои трубы. Дирижер явно был в растерянности: играть или не играть? Но он привык начинать марш после салюта...

Упреков мы не получили ни от командования, ни от товарищей. Только дома меня донимал восьмилетний сынишка.

- Почему ты не стрелял сегодня из пушки? - допытывался он.

Долго пришлось матери объяснять ему, что фашисты боятся нашей лодки, что они попрятались от нее.

Учеба пошла впрок

Порядок, при котором командир после каждого боевого похода "отчитывается" перед товарищами о своих действиях в море, установлен на бригаде с началом войны и строго выдерживается. Разборы походов с участием всех командиров подводных лодок стали предметной учебой, которая много дает и слушателям и докладчику. Тут раскрываются "секреты" побед и неудач, обогащается коллективный опыт, проверяется правильность сделанного кем-либо вывода. Равнодушных в аудитории , не бывает. Докладчику задают много вопросов, с ним спорят, каждый желающий высказывает свое мнение и предложения. Суждения прямые и откровенные, без дипломатии. Да и как может быть иначе? Ведь здесь собрался свой брат-командир, вчера возвратившийся или завтра уходящий в море, в боевой поход. Бывает, докладчику приходится туго. Вгонят его в пот и краску, если он начал не договаривать, а еще хуже - выдумывать и приукрашивать. Такие случаи, хотя и редко, но бывали. И считается, что легче отчитаться о походе перед командованием, чем на таком разборе, перед командирским форумом.

Слушали и наши доклады - участников последнего выхода группы лодок. Обсуждение было активным.

Первый выход для совместных с авиацией действий не принес существенных успехов. Только лодка Балина потопила большой немецкий транспорт. Его доклад и был выслушан с наибольшим интересом.

Я откровенно доложил о своих просчетах и о некоторых замеченных недостатках связи с самолетами. Обсуждение затянулось. Было ясно - новый метод хорош, но многие детали еще не продуманы, а "кое-что не отработано вовсе. Пришли к выводу, что нужно продолжать серьезно переучиваться.

Мало потопили кораблей противника не потому, что метод плох, а потому, что им еще как следует не овладели. В этом секрет и моего неуспеха. Готовясь к новому походу, будем еще серьезнее, настойчивее и вдумчивее учиться.

На лодке идет аврал: выгружается старая, негодная аккумуляторная батарея, готовятся аккумуляторные ямы, началась погрузка новой батареи. У Боженко, как говорится, хлопот полон рот. Менять батареи на подводной лодке не шутка. Даже вес каждого элемента солидный - больше полутонны. А сколько возни...

Нужно лично убедиться, как в яме установлен каждый бак,

правильно ли ведется расклинка. Батарея должна представлять единый монолит. Нельзя допускать зазора между баками. Это может привести к смещению их во время качки, нарушению крепления всей батареи.

Не может главстаршина не посмотреть и за качеством заливки верхних крышек баков специальным варом. Если сделать это небрежно, то при кренах и дифферентах через неплотности в крышках будет просачиваться кислота. А это сразу резко понизит изоляцию батареи. Кстати по пути следует проверить, приняты ли участвующими в погрузке людьми все меры предосторожности при работе с кислотой.

Электрики тщательно, плотно и надежно крепят межэлементные соединения и шины. Малейшая слабина нарушит контакт, и при больших силах разрядного тока такие крепления будут сильно нагреваться, угрожая безопасности плавания. Власов, Дерендяев, Макаров, вооружившись громадными заизолированными ключами "крути, Гаврила", изо всех сил поджимают гайки.

Морское правило - лучше семь раз перепроверить в базе, чем один раз иметь неприятность в море, - твердо усвоено старшиной и его группой.

Мотористы ремонтируют дизеля, да и остальной личный состав по горло занят приготовлением материальной части к новым плаваниям. И все-таки по вечерам мы упорно учимся и тренируемся.

Ежедневно на несколько часов собираю офицеров. С" ними нужно настойчиво заниматься. К нам пришло много молодежи, а "старички" пошли на выдвижение. Старший помощник Гладков стал командиром новой подводной лодки. Его сменил старший лейтенант Хрусталев.

Штурман Иванов назначен дивизионным специалистом, а его место занял старший лейтенант Морозов. Вместо Дворова давно плавает Ушаков. Из училища прибыл молодой минер лейтенант Рогов.

Мы очень тщательно проанализировали с офицерами свой поход и походы подводных лодок Балина, Тураева и других. Всем ясно, что теперь к нам предъявляются более высокие требования.

Повысились требования, например, к радистам. От них зависят быстрота и безошибочность приема данных о противнике от самолета-разведчика. Одновременно от вахтенных офицеров и рулевых горизонтальщиков требуется большая точность в управлении лодкой и в удержании ее на заданной глубине. Всплывать придется на короткий, но точно обусловленный по времени срок для прослушивания радистами эфира. По-новому

стоит задача и перед мотористами. Теперь на них возлагается не только обеспечение зарядки аккумуляторных батарей, но при необходимости и длительная погоня за обнаруженным авиацией противником.

От сигнальщиков и вахтенные офицеров требуется умение быстро опознавать самолеты. Радиолокации на нашем корабле нет. А нам предстоит действовать в одном районе со своими самолетами. Раньше достаточно было короткого доклада: "Самолет!" - и лодка немедленно погружалась. Мы предпочитали десять раз уйти под воду от своего самолета, чем один раз не погрузиться от самолета противника. Теперь не всегда можно позволить себе эту роскошь. Ведь часто будут встречаться свои самолеты, с которыми необходимо будет вступать в связь. За противником придется гнаться, а частые погружения могут затянуть, а иногда и сорвать погоню.

Старшина радистов Николай Пустовалов, его подчиненные Завгороднев и Бирев часами тренируются в приеме на волне самолетов. А летчики разведывательного авиаполка стали у нас частыми гостями. К нам приезжают не только стрелки-радисты и штурманы, но и командиры экипажей.

Крепнет и боевая дружба между летчиками и подводниками. Рулевые-сигнальщики под руководством мичмана Дорофеева и старшины 1-й статьи Игнатьева настойчиво тренируются в опознавании самолетов с большой дистанции и под разными ракурсами. Не менее упорно тренируются трюмные и мотористы Мичманы Елин и Рыбаков ставят своих подчиненных в самые трудные условия и заставляют находить правильные решения. Одним словом, все мы стараемся не забывать золотое правило: тяжело в учении - легко в бою.

Приезды к нам летчиков имеют еще одну положительную сторону. Они привезли фотографии многих обнаруженных ими вражеских конвоев. Снимки относятся к разным срокам, конвои - самые различные. Но есть в построении их нечто от усвоенного гитлеровцами шаблона. Корабли идут уступом, и так, что если подводная лодка атакует под определенным углом, то несколькими торпедами в залпе можно потопить не один корабль. Нам в прошлых походах дважды удавалось за одну атаку топить по два корабля. Но получалось это более или менее случайно. Ведь поле зрения в перископ небольшое, и редко удается видеть весь конвой. Другое дело - иметь в руках снимок с воздуха. Тут все ясно. И это помогает занимать правильную позицию при атаке, что в свою очередь позволяет топить по два корабля одним залпом.

В непрерывной учебе идет подготовка к походу. Получив

боевой приказ, мы выходим в море с еще большей уверенностью в своих знаниях и силах. Одновременно с нами в числе других подводных лодок вышла и лодка бывшего нашего старпома капитан-лейтенанта Владимира Галактионовича Гладкова. От всего сердца желаю ему удачи,

...Снова море. Полярный день. Солнце не заходит за горизонт. Однако его все равно не видно. Над морем низкие свинцовые облака, часто туман. Это мешает самолетам вести разведку. А жаль. Хочется расквитаться за неудачи прошлого похода.

Пока нам предоставлена свобода действий. Дважды ходим через минные поля к берегу, но и у берега все тихо. Чувствуется добротная работа наших летчиков торпедоносцев, бомбардировщиков, штурмовиков. Они навели здесь порядок. Даже мотоботов не видно и не слышно. Раньше их здесь плавало множество. И чувствовали они себя в безопасности, зная, что мы не будем тратить на них торпеды. Другое дело сейчас, когда у нас прибавилось авиации, и мотоботы стали целью для штурмовиков. Всплыли для зарядки. И вдруг старшина 2-й статья Корзинкин выскакивает на мостик с донесением, принятым Пустоваловым: большой конвой в составе нескольких десятков вымпелов идет на восток. Отстояться такому конвою негде. Нужно обогнать его, выйти к берегу и атаковать.

Короткие расчеты, приказания - и задача становится известной всему экипажу. Теперь дело за мотористами и электриками. Гнаться придется многие десятки миль. Кроме того, за время погони нужно зарядить аккумуляторы. Нагрузка на дизеля будет максимальной. Но ведь именно к этому и готовил Елин своих мотористов в базе. Поэтому он так уверенно заявил механику:

- Мотористы не подведут!

Такие же доклады поступают и от других групп. "Сигнальщики перископ и самолет врага заметят вовремя!" "Электрики с зарядкой справятся к сроку!"

За кормой вырос высокий бурун. Дизеля работают на максимальных оборотах. Мы гонимся за врагом, зная, что догоним, чего бы это нам ни стоило!

Дважды сигнальщики докладывали о самолетах и безошибочно опознавали; "Наши!", и мы не погружались - это экономило время. Четыре раза уклонились от плавающих мин и один раз от перископа. Наконец зарядка окончена. Мы уже впереди конвоя. Видимость плохая, самолеты больше не летают. Но нам уже все необходимое известно: состав, скорость и направление движения противника. Пора к берегу. Пользуясь туманом, подходим к нему поближе и ныряем под минное поле.

В минном поле пережили, мягко выражаясь, несколько неприятных минут. В акустической рубке вахту несет Георгий Кондращенко. Правда, если громко сказать:

"Саша!" или "Пархоменко!", акустик немедленно ответит: "Есть!". Так его часто зовут в команде, и он к этому давно привык.

В день, когда он прибыл на корабль из учебного отряда, его фамилию перепутал дежурный по команде Бирев. Молодой матрос промолчал и не поправил его. Только через несколько дней мы узнали, что Пархоменко - не Пархоменко, а Кондращенко.

- Почему же вы молчали, когда вашу фамилию исказили?

- А эта тоже не плохая, мне нравится...

Так и осталась за ним понравившаяся ему фамилия. Постепенно перешло к нему и имя героя гражданской войны.

Все внимание акустика сосредоточено на эхо-поиске. Проходим опасный в минном отношении район. Слышен однообразный писк посылок. В наушниках послышался еле заметный щелчок. Прямо по носу лодки. Эхо от малого препятствия. Вначале оно угадывалось только на слух. Но вот в записи на ленте рекордера появились точки:

- Мины!

Начинаем маневрировать. По-видимому, мы оказались на минной банке. В течение двадцати минут обошли восемь мин. Неприятно встречать на пути такие коварные сюрпризы. Кондращенко помог сегодня обнаружить мины и благополучно с ними разойтись...

Вот мы и у берега. К атаке все готово. Полосами идет туман. В перископ видимость ограниченная, успех будет зависеть от умения акустиков.

Круглов и Кондращенко непрерывно ведут наблюдение. Что-то слышно... Странно, это шум не от работы винтов, а какой-то трещотки. Либо акустический трал, либо "фоксер" - устройство для отвода акустических торпед. Очень трудно взять пеленг. Так или иначе, без причины звуков не может быть; видимо, идет конвой. И акустики спешат доложить об этом в центральный пост.

Сигнал торпедной атаки подается не звонками, а голосом, чтобы лишними шумами не обнаружить себя раньше времени.

Противная трещотка продолжает мешать Круглову, заглушает все звуки. Лишь изредка удается запеленговать шум то одного, то нескольких кораблей.

В перископ долго ничего не видно. Прорвала первую линию охранения, состоящую из сторожевых катеров. Их шум слышат Круглов и Кондращенко, а я вижу в перископ два катера. Исходную позицию для залпа заняли под выгодным курсовым

углом, чтобы, как и рассчитывали по фотоснимкам летчиков в базе, атаковать одновременно две цели.

После прорыва второй линии охранения из тумана стали показываться основные суда конвоя. На крест нитей перископа подходят транспорт и миноносец. Раздумывать и рассматривать некогда.

- Пли!

И четыре стальные сигары устремились навстречу врагу.

Хочется атаковать вторично - кормой. Следуют быстрые, очень громкие команды, чтобы перекричать свист воздуха и шум принимаемой воды Лодка ложится на новый курс.

Слышны взрывы наших торпед - два близко и один глухой, далекий. Так и должно быть. Корабль охранения был к нам ближе. Поднимаю перископ и вижу тонущий миноносец. Транспорта не видно. Утонул он или закрыт туманом - судить трудно. Прямо на нас идет сторожевой корабль, он уже близко. Приходится принимать воду в цистерну быстрого погружения и входить на глубину. Это, к сожалению, срывает повторную атаку

Дробь трещоток (а их тут не одна) мешает не только нам, но и противнику. Начавшаяся через пять минут после выпуска торпед бомбежка очень неточна. Бомбы рвутся далеко, и вообще преследование, вопреки ожиданию, слабое.

Всего сброшено около сорока глубинных бомб. Лодка уходит под минным полем на север. Поздравляю команду с успехом. Нелегко досталась нам эта победа. Многие не спали двое суток. Тем радостнее сознание исполненного воинского долга. А спать, кажется, и сейчас никто не собирается. Выпускаются боевой листок и наша сатирическая газета.

Через час снова началась бомбежка, но теперь уже совсем далеко. В команде шутят: "Фашисты для начальства бомбят". Но вопрос боцмана кладет конец зубоскальству.

- Почему вы думаете, что это нас преследуют? А может, это Гладкова бомбят?

Несколько часов спустя слова Дорофеева подтвердились. Мы перехватили донесение Гладкова: "Атаковал крупный транспорт, слышал взрыв своих торпед". По времени атаки выходило, что бомбили именно его лодку.

Фашистский конвой североморцы разбили, что называется, в щепки. После подводников противника атаковали катерники, утопив полтора десятка кораблей. Остальных прикончили летчики. К месту назначения не дошел ни один транспорт. Учеба пошла на пользу, видимо, не только нам.

Никогда до этого гитлеровские конвои не терпели здесь такого полного разгрома разнородными силами флота, как в этот

памятный день 15 июля 1944 года.

Погода установилась нелетная, и до конца срока пребывания в море мы действовали самостоятельно. Не раз ходили к берегу, но противника не обнаружили. Не встретили его и другие лодки. Видимо, гитлеровцы, обескураженные потерей целого конвоя, решали, как дальше осуществлять перевозки. А пока они приняли меры против нашего пребывания здесь. В районе зарядки мы трижды замечали перископ неизвестной подводной лодки, а сегодня уклонились от выпущенных ею торпед.

С сознанием исполненного долга, довольные собой, возвратились в базу. Здесь нас ждала теплая встреча, на этот раз с оркестром и двумя традиционными поросятами.

Офицеры, старшины и матросы лодки вновь удостоены правительственных наград. Многие получили недавно учрежденные медали в честь выдающихся флотоводцев Ушакова и Нахимова.

Увеличиваем счет еще на два

Отправляясь в очередной боевой поход, мы не могли знать, что он будет проходить накануне большого наступления Советской Армии на Севере. Только потом нам стало ясно, что в данных условиях делалась еще более важной поставленная нам обычная задача: совместно с авиацией искать и топить корабли противника у северных берегов Норвегии.

Поздняя осень. Солнце лишь на короткое время показывается над горизонтом. Скоро оно совсем скроется, и наступит долгая полярная ночь. Уже сейчас можно, не отходя от неприятельского берега, заряжать ночью аккумуляторные батареи. Это позволяет дольше находиться на путях движения конвоев, повышает вероятность встречи с ними при самостоятельном поиске. Но сама атака затрудняется.

Очень долго тянутся вечерние и утренние сумерки - томительное время для подводников. Всплывать нельзя, а в перископ уже почти ничего не видно.

Именно в такое время ходовую вахту принял старший лейтенант Евгений Хрусталев. Подвсплыв для очередного осмотра горизонта, он различил сперва лишь нечеткие очертания берега. Только мыс Нордкин ясно выделяется на фоне неба. Но тут из рубки гидроакустика поступил доклад о слабых, неясных шумах. Еще раз внимательно осмотревшись, Хрусталев заметил едва уловимые, расплывчатые и неясные силуэты каких-то кораблей.

Старший лейтенант немедленно подал нужные команды на руль и в шестой отсек-электрикам и начал маневрирование для атаки.

Поднявшись в боевую рубку, я остался доволен действиями своего помощника. Решительным маневром он сэкономил мне не меньше минуты, а минута в таких случаях часто решает исход дела.

Почти во всех прошлых атаках мы стреляли с коротких дистанций - наверняка. По-иному сложилась обстановка сейчас. Цель едва различима Расстояние до нее, по-видимому, велико. Сближаемся полным ходом. Вот цель подходит к углу упреждения. Только перед самым залпом удалось разглядеть, что это транспорт. Он как раз вышел в светлую часть горизонта. Акустик докладывает о шумах еще нескольких кораблей, но их в перископ не видно.

Нос тяжело груженного парохода подошел на крест нитей. Командую:

- Пли!

Торпеды устремились к борту цели. Волнуюсь, дойдут ли. Дистанцию так и не удалось точно определить. Проходит минута, вторая. Транспорт продолжает идти. Рядом со мной у перископа застыли в ожидании дивизионный штурман Иванов и Хрусталев. Молчание. Только Круглов из своей рубки докладывает об изменении пеленга на шумы винтов.

Не отрываясь, слежу за упрямым транспортом. Думаю одно: "Ну, тони же, тони, уже время". Чувствую, что и все в центральном посту волнуются и внимательно вслушиваются. Тишина такая, что можно бы услышать полет мухи.

Неестественно громким кажется доклад акустика:

- Слышу взрыв!

Для меня этот доклад уже лишний. Вижу, как в районе второго трюма транспорта поднимается столб желто-черного дыма. Даю посмотреть в перископ Иванову, Хрусталеву и старшине 1-й статьи Игнатьеву. Они наблюдают взрыв второй торпеды.

К сожалению, повторить атаку кормовыми аппаратами не удалось - началась бомбежка. Уходим на глубину. Нас преследуют два миноносца и сторожевик. Сбросили несколько десятков бомб. Одна серия накрыла нас очень точно. Полопались электролампочки, а главное - вышла из строя гидроакустика. Мы стали "глухими".

Оторваться от преследования удалось только через три часа.

Знаем, что невдалеке находятся другие наши лодки. Пользуясь темнотой, выходят на ночной поиск и наши торпедные катера. Всплыв, немедленно сообщили по радио о встрече с противником, и были очень рады, когда на следующий день узнали, что по нашему донесению торпедные катера под

командованием капитана 2-го ранга Владимира Алексеева вышли в этот район, нашли и потопили два фашистских корабля. По этому поводу старшина Боженко заметил:

- Гуртом и батька добре бить.

Так старой украинской поговоркой Боженко метко определил характер взаимодействия.

Рассвет снова застал нас у вражеского побережья. Поврежденную при бомбежке акустику ввести в строй не удалось. Приходится все чаще всплывать под перископ.

Во время одного из таких всплытий вахтенный офицер, заметив в фиорде два корабля и начав атаку, вызвал меня в рубку. Это были тральщики, которые, судя по маневрированию, занимаются поиском подводной лодки.

Пока один, застопорив машину и развернувшись носом в море, выслушивает горизонт, второй проходит вдоль берега 25-30 кабельтовых. Затем они меняются ролями, обеспечивая, таким образом, друг друга. Тральщики медленно приближаются к выходу из фиорда.

Понятно, почему они так осторожны. У входа в этот самый фиорд вчера мы потопили транспорт. Они ищут нас. Ну что ж, померяемся силами. Преимущество на нашей стороне. Мы уже обнаружили их, а они нас еще нет.

Атаковать противолодочные корабли опасно, но и оставлять их безнаказанными в районе, где предстоит действовать нашим лодкам, нельзя. Будем атаковать. Почему-то вспомнилась любимая поговорка нашего комбрига: "В атаку выходить не к теще на блины ходить".

Пока сближались с противником, созрел план атаки: потопить оба тральщика. На каждый - по две торпеды. Стрелять дважды. Вторую торпеду в залпе выпускать для перекрытия ошибки в определении скорости, так как у тральщиков она все время меняется.

После атаки - разворот и быстрый отход чтобы упредить выход других противолодочных кораблей из находящегося поблизости порта.

Штурманы - дивизионный Иванов и корабельный Морозов - обдумывают план отхода. Опытный в этих делах Иванов прокладывает курс по известному ему извилистому подводному "оврагу" - довольно узкому фарватеру с глубинами на 10-15 метров большими, чем средняя глубина вокруг. Если идти вплотную к грунту по впадине или, как говорят подводники, "ползти на брюхе", то это очень хорошо маскирует лодку.

Сближение продолжается более получаса. Тральщики ходят очень короткими галсами у самого берега, часто меняя курсы, по

существу оставаясь на месте. Установить точную закономерность их движения не удалось. А выжидать боюсь: вдруг они прекратят поиск и уйдут - ведь порт рядом.

Первой мишенью избираю ближайший тральщик. Он стоит с застопоренной машиной. Делаю на циркуляции двухторпедный залп. Одной торпедой целюсь в носовую часть тральщика. Вторую выпускаю впереди его по курсу - на случай, если он даст ход.

Сами остаемся под перископом для наблюдения за результатами атаки и готовим второй залп. Атакованный тральщик дает ход и циркулирует. Попадут ли торпеды? Через полторы минуты все слышат Ява глухих взрыва. Вижу поднявшиеся над целью столбы воды и дыма. Но что такое, почему тральщик не тонет? Вот он уже проходит оседающие столбы взрывов. Все стало ясно. Промах. Торпеды попали... в берег.

Второй корабль тоже дал ход. Оба отчаянно дымят. Пока не поздно, хочу повторить атаку по первому тральщику, для чего приказываю готовить кормовые торпедные аппараты.

После залпа из носовых аппаратов сразу начинаю циркуляцию для атаки кормой. Лодка остается под перископом. Иванов готовит фотоаппарат для съемки. Циркуляция идет медленно, места для маневрирования мало.

Снова взрыв. На этот раз торпеда нашла цель, взорвалась под мостиком тральщика. Иванов успевает щелкнуть фотоаппаратом. Тральщик быстро затонул. Второй тральщик" круто развернулся и идет прямо на нас. Атаковать бесполезно. Уходим на глубину. С помощью эхолота быстро находим "штурманский овраг", но уклоняемся по существу вслепую: гидроакустика не работает, и судить о маневрировании противника не по чему.

Первые бомбы взорвались далеко. Но вот тральщик точно над нами. Работа его винтов слышна во всех отсеках. Однако бомбы он сбросил неточно. Тут, можно сказать, нам повезло...

Теперь ясно слышим, что над нами уже не один корабль. Видимо, подошла поддержка. На всех преследующих кораблях работают гидролокаторы. Слушать их посылки очень неприятно. Впечатление такое, будто по корпусу лодки бьет град. На одном из преследователей локатор другого типа. Его посылка напоминает удар хлыста или бича. Звук этот сопровождается еще подвыванием. Бомбы посыпались кучнее и ближе. Слышен не только шум винтов, но и шипение сброшенных бомб, Неприятное ощущение!

От близких взрывов в отсеках гаснет свет, затем следует сильный удар корпусом о грунт. Лодка задрожала, будто в лихорадке,

С большим трудом удается оторваться от грунта. Восстанавливаем освещение. Обнаружилась еще одна неприятность: из строя вышел эхолот. Теперь мы не только "оглохли", но и "ослепли". Однако опыт Иванова, его точные расчеты помогают укрыться в "овраге" и сбить с толку противника. И только через шесть часов мы окончательно оторвались от преследователей.

Отделались мы нелегко. Кроме выведенного из строя эхолота, сорван лист легкого корпуса над первым отсеком, второй лист вырвало в корме. Поврежден барабан волнореза, в результате чего не закрываются передние крышки кормовых торпедных аппаратов.

В старшинской кают-компании Павлов с Рыбаковым обсуждают события дня.

- Крепко сторожевики в нас вцепились и всыпали прилично, - говорит Павлов.

- Когда за дело, не обидно, - замечает Рыбаков.

- Так-то оно так... Одно время насели - все бомбы рядом кладут. В шестом отсеке "взрывомер", говорят, вышел из строя, резинка оборвалась.

- Лишь бы сталь на корпусе выдержала, а мы выдержим. Кстати, сталь нам добротную металлурги дали. За то, что после сегодняшней бомбежки живы остались, не раз нужно рабочему классу поклониться.

- В этом у меня с тобой разногласий нет... На поверхности давно наступила ночь. Всплываем. Кораблей противника не видно. Далеко за кормой слышны взрывы запоздалых глубинок. Теперь это не страшно. Донесли о своих действиях в штаб. Нам приказано возвратиться в базу.

На переходе нас еще раз спасали бдительность и зоркие глаза старшины Игнатьева. Когда до входа в Кольский залив оставалось несколько часов, я спустился в каюту, чтобы закончить отчет о походе. Вдруг - резкое повышение оборотов дизелей и крен от положенного на борт руля.

Не дожидаясь доклада, выскакиваю на мостик.

Лодка делает поворот. Машинный телеграф показывает "Самый полный вперед". Оказывается, полминуты назад вахтенный сигнальщик Игнатьев увидел справа по борту перископ и одновременно пузырь и след выпущенных торпед. По его докладу старпом Хрусталев увеличил ход и резко отвернул. Торпеды прошли стороной.

Старшему лейтенанту Хрусталеву и старшине Игнатьеву объявил благодарность.

Прогляди Игнатьев или растеряйся Хрусталев, и мы уже не

вернулись бы в базу. Действительно, на подводной лодке успех или неудача, жизнь или смерть экипажа зависят от каждого человека.

Когда Игнатьев сменяется с вахты, многие подходят поздравить его. Подходит и его дружок Сережа Мамонтов.

- Спасибо, Саша! Если бы не заметил вовремя, пришлось бы нам навечно прописаться в дельфинограде.

- Это что, иносказательное - кормить рыбу? - спросил Федотов,

- Угадал. Оно самое.

- Игнатьева я тоже от всей души поздравляю. Но рыбу кормить мы не будем. На этот счет я спокоен, примету имею.

- С каких это пор ты в приметы начал верить?

- Не беспокойся, не мистика. В глупые не верю, а это особая - в нее верю. Говорю это тебе серьезно, без смеху.

- Расскажи, может, и мы поверим.

- Слушай и запоминай. Только сначала ответь на несколько вопросов. Итак, с какого похода нас фашисты топить начали?

- С первого. Бомбили и торпеды выпускали.

- В каком походе они нас не трогали?

- Не было такого похода.

- Правильно. Не было. Каждый раз стараются нас потопить, но не могут. Мы не хотим тонуть. И не потонем. И это не чудо или колдовство. Фашисты не дают нам забыть, что мы на войне. Вот и учимся все время, и вахту стоим как следует. Пока это будем делать, никто нас потопить не сможет. Прекратим, зазнаемся - ручаться не могу. Вот и вся примета.

- Ну, в такую "примету" и мы верим.

- Вот именно.

Командиры боевых частей, как обычно, доложили мне фамилии наиболее отличившихся за поход. Каждый втайне мечтает попасть в этот список. Ведь этим отличившимся предоставляется право при входе в гавань произвести салютные орудийные выстрелы по числу потопленных нами вражеских кораблей. Каждый поход люди обычно меняются, а так как тренировок в стрельбе нет, то иногда получаются курьезы. Например, после третьего похода, когда нам нужно было сделать четыре выстрела, неопытный артрасчет три выстрела произвел нормально, а с четвертым произошла задержка. В это время лодка подошла к пирсу. И когда командующий флотом приблизился к сходне, вдруг прогремел последний, четвертый выстрел.

- Это вы что, командующего пугаете? - обратился адмирал к артрасчету.

- Никак нет, докладываем о победе, - не растерялся командир

орудия старшина 2-й статьи Хлабыстин.

Сегодня честь рапортовать из пушки о нашей победе выпала старшинам Игнатьеву, Магдалинину, Бубнову, Мамонтову, Власову и матросам Лемперту и Бочанову.

На пирс прибыли командующий и начальник штаба флота, командир бригады и, конечно, очень многие друзья. Я доложил командующему о походе и атаках, показал все это на кальках и картах. За первую атаку адмирал похвалил. Вторую не одобрил.

- Зря в фиорд пошли, - сказал он, - нельзя рисковать людьми и кораблем из-за не особенно важных целей.

И я не мог не согласиться с командующим.

...Через несколько дней в Заполярье началось наступление наших войск, закончившееся вскоре изгнанием фашистских захватчиков из Печенги и Киркенеса.

Под гвардейским флагом

Фашистские захватчики изгнаны из Печенги и Киркенеса. Столица дважды салютовала войскам Карельского фронта и морякам Северного флота. Среди отличившихся в боях соединений упоминается и наша бригада. При освобождении Печенги подводники за короткое время потопили около двух десятков вражеских транспортов. Был день, когда возвратившиеся из боевых походов лодки произвели шесть победных выстрелов. А ведь топили врага не только подводники. Много фашистских кораблей уничтожили летчики; не остались в долгу и катерники. Десятки транспортов и судов вместе с ценными военными грузами отправлены на дно различными силами флота и никогда больше не будут служить захватчикам.

Краснознаменная бригада подводных лодок награждена орденом Ушакова. Многие подводники удостоены правительственных наград. Командиру бригады И. А. Колышкину присвоено звание контр-адмирала. Все это нас радует, наполняет наши сердца гордостью за товарищей и благодарностью партии за ее заботу о военных моряках.

Приказом Наркома Военно-Морского Флота наш корабль преобразован в гвардейский, команда награждена орденами, а мне присвоено звание Героя Советского Союза. Поверил в это, признаться, не сразу. Даже когда меня поздравили все товарищи в базе, и я стал получать телеграммы от друзей с Тихого океана, мне все еще не верилось, что я удостоен такой высокой награды.

...У пирсов торжественная тишина. На верхних палубах лодок выстроились экипажи. Для вручения нашей лодке Гвардейского флага прибыл командующий флотом. Адмирал обходит строй, поздравляет, жмет руки и перед званием каждого из нас прибавляет слово "гвардии".

Поднявшись на мостик вместе с Колышкиным и командиром нашего дивизиона Иваном Фомичом Кучеренко, командующий зачитывает приказ Наркома и приказывает поднять флаг.

На флагштоке Краснознаменный Военно-морской флаг заменяется другим, таким же, но с добавлением изображения гвардейской ленты. Звучит Государственный гимн Советского Союза. Мне от имени команды сейчас предстоит дать клятву бить врага по-гвардейски. В оставшиеся минуты в памяти проходит весь наш боевой путь.

Всего около двух лет прошло со дня первого нашего похода в логово врага, а сколько пережито! Восемь походов, четырнадцать потопленных и поврежденных кораблей противника. Сотни сброшенных на нашу лодку и разорвавшихся вблизи глубинных бомб. А сколько погружений от атакующих самолетов, отворотов от мин, уклонений от выпущенных по лодке торпед... Нет, не случайно под бескозырками и фуражками некоторых стоящих в строю еще молодых людей пробивается седина.

Отныне мы - гвардейцы. Большое, почетное и ко многому обязывающее звание!

Воинское умение пришло не сразу. Сократить путь познания помогли нам боевые друзья, и, прежде всего гвардейцы Федора Видяева, Александра Каутского и других экипажей. У них мы многому учились. Именно учились, а не просто подражали. Да и разумно ли было копировать, если, например, у Видяева не было двух похожих друг на друга атак. Учителями нашими были люди на редкость скромные в базе и отважные и неукротимые в море. Именно таким и должен быть настоящий гвардеец. В этом им можно и нужно подражать.

Мы продолжаем учиться у товарищей, но теперь многие учатся и у нас. С нами встречаются молодые экипажи и так же жадно, как мы в свое время, стараются перенять наш опыт. В этом, несомненно, одно из важных условий успеха на войне - самому непрерывно учиться у товарищей и в то же время щедро делиться собственным опытом со всеми, кому он может пригодиться. Мы брали себе в качестве примера гвардейцев, сами стали гвардейцами, и теперь нас иногда ставят в пример другим.

Спросите любого на корабле, кто не помнит слов погибшего Героя Советского Союза Магомета Гаджиева: "Я одного только боюсь, уходя в море, возвращения домой без победы! Остальное не страшно!" Выраженный в этих словах неукротимый дух Гаджиева продолжает жить в наших сердцах.

Вспоминается, как год назад, выслушав указ о награждении нашей подводной лодки орденом Красного Знамени и прочитав посвященные нам листовку и полосу в газете под заголовком:

"Экипаж отважных и умелых", мы сказали себе: "Кому много дано, с того больше и спрашивается. Нас считают передовым экипажем. Так будем же передовыми и примерными везде и во веем - в бою, в учебе, в дисциплине. Оправдаем высокую награду и доверие, умножим счет наших побед".

Так мы думали и так писали в обращении к товарищам. Черно-оранжевая гвардейская лента под орденом Красного Знамена на кормовом флаге доказывает, что мы сдержали слово, данное Родине. Гвардейский флаг обязывает не успокаиваться, не зазнаваться, не почивать на лаврах. Вперед, только вперед, всегда и во всем!

Командующий отбыл, пожелав нам успехов. Настала очередь друзей поздравить нас. Ждать долго не пришлось. Через пять минут на палубе собралось столько народу, что трудно было отыскать хозяев среди гостей. Просто, сердечно и горячо товарищи жмут нам руки. Одни серьезно, другие в шутливой форме искренне поздравляют нас, желают успехов.

От всех кораблей получаем короткие приветственные адреса. Это традиция. Никто ее не нарушает. К любому празднику, торжественному дню друзья не забывают обратиться друг к другу с теплыми словами привета. Посылаются адреса по желанию и с согласия всей команды. Поэтому так дорого внимание товарищей, они искренне разделяют нашу радость. От этого чувствуем себя вдвойне именинниками.

Вечером в кубрике вручаю гвардейские ленты и знаки личному составу. Один за другим получают нагрудные знаки офицеры. В большинстве своем - это молодежь, сменившая "старичков", выдвинутых по службе или ушедших на учебу. А сколько трудов вложил каждый из них в наши успехи!

Получили знаки и снова встали в строй всеми уважаемые мичманы и главстаршины-Дорофеев, Павлов, Елин, Рыбаков, Боженко, Пустовалов. Каждый из них тоже много сделал для общей славы корабля.

Проходят старшины и матросы. Им, кроме знаков, вручаю ленты на бескозырки.

Вот рулевые-сигнальщики и среди них самый зоркий наблюдатель - Василий Легченков. Это ему мы не раз были обязаны своевременным обнаружением вражеских самолетов и выпущенных по лодке торпед. Через руки торпедистов Лемперта и Новикова прошли более трех десятков выпущенных по врагу торпед. И хотя не все они попали в цель, но ни одна не свернула с заданного ей курса. Это заслуга торпедистов. Впрочем, несправедливо было бы забыть и труд дивизионной торпедной партии, равно как и торпедистов береговой базы бригады.

Стоят молодые гвардейцы - трюмные, электрики, мотористы. Разные лица и характеры. Трудно сравнить, например, веселого балагура Федотова с серьезным и вдумчивым Дерендяевым, шумного Лемперта с тихим Лебедевым, энергичного и деятельного Корзинкина с застенчивым и скромным Завгородневым.

И все-таки у всех них есть то общее, что делает похожими самых непохожих людей: это беспредельная любовь к Родине и к кораблю, на котором мы за нее сражаемся, гордость за свой коллектив, высокое чувство воинской чести. Есть и еще черта, очень характерная для нашей команды, которой я, как командир, особенно горжусь. Это - спайка всего экипажа и хорошая, честная, мужественная дружба. Люди сроднились с кораблем и друг с другом.

О каждом из этих моряков, ставших сегодня гвардейцами, можно сказать многое. Но расскажу сейчас только об одном из них. История его, быть может, очень редкая, даже исключительная. И, возможно, кто-нибудь усмотрит в ней прежде всего упущение в работе призывной комиссии. Но мне кажется, что эта история говорит прежде всего о высоком патриотизме советских людей.

...Молодой краснофлотец Коробкин прибыл на наш корабль в начале 1944 года. Приобретенная в учебном отряде специальность моториста точно определила его место на лодке - пятый отсек. У мичмана Елина и старшины 2-й статьи Бубнова одним подчиненным стало больше. Новичок оказался дисциплинированным, очень старательным и скромным матросом. Устройство подводной лодки и свои обязанности по специальности он освоил быстро. Вскоре приказом по кораблю матрос Коробкин был допущен к самостоятельному несению вахты.

От похода к походу росло мастерство молодого воина. За отличное обслуживание дизелей во время длительной погони за конвоем противника комсомолец Коробкин был награжден орденом.

Об этом я написал родителям моториста, которые жили и работали в Баку. Быстро пришел ответ. Отец благодарил меня за хорошие слова о сыне, писал, что гордится им, но в то же время выражал недоумение, как он может служить на военном корабле, да еще на подводной лодке. "Ведь у него не действует одна рука. Он обманул призывную комиссию. Но как он обманывает вас? Мне это совершенно не понятно".

Вот тебе и раз! Как же так? Я вызвал командира электромеханической боевой части Шаповалова и дал ему

прочитать письмо.

- Первый раз слышу и мало этому верю, - заявил Шаповалов.

- Хорошо. Разберитесь. Доложите завтра.

На следующий день мы с механиком поняли, что нам еще далеко не все известно о своих подчиненных. Да, у Коробкина действительно почти не действовала одна рука. Дважды он сумел "провести" врачей на медицинской комиссии и в результате попал на действующий флот, на подводную лодку, хотя подлежал освобождению от военной службы.

В машинной школе было очень трудно научиться делать одной рукой то, что положено делать двумя. Но, боясь, что его отчислят, лишь только узнают о его недуге, он в течение нескольких месяцев упорно тренировал свою больную руку. Произошло почти невозможное:

рука, хотя и плохо, все же стала слушаться.

Наконец он попал на корабль. Ему все здесь понравилось. Дружный коллектив, прекрасная техника, а впереди - боевые походы, встречи с врагом.

Но от наблюдательного командира отделения мотористов старшины Бубнова трудно было что-нибудь скрыть.

И когда Коробкин получил прямое приказание показаться врачу, он решил чистосердечно признаться во всем своему командиру отделения.

Беседа велась с глазу на глаз, без свидетелей. Взволнованный матрос рассказал о своей заветной мечте стать военным Моряком. Но на пути к этому стояла непреодолимая преграда-больная с детства рука. Когда же началась война, Коробкин решил во что бы то ни, стало быть, в боевом строю защитников Родины. Он явился на призывной пункт и, скрыв свой недуг, был зачислен во флот.

- Товарищ командир, я вас как старшего брата, как о самом большом в жизни прошу: не докладывайте пока о моей руке, - говорил Коробкин старшине. - Я буду служить так, что меня никто не попрекнет!

Было о чем задуматься Бубнову. Рассказ матроса глубоко взволновал его. Но имеет ли он право не доложить о его болезни?

На следующий день - это было уже накануне похода - командир отделения начал придирчиво проверять, как молодой моторист справляется со своими обязанностями. Каждое новое упражнение убеждало старшину, что Коробкин успешно управляет дизелями. Докладывая обо всем Елину, Бубнов уверенно добавил:

- Коробкин справится, товарищ мичман, ручаюсь.

После того как Елин сам в этом убедился, он решил, что после похода доложит об всем механику.

А поход показал, что Коробкин справляется без всяких скидок на болезнь. Нелегко давалось ему это, но настойчивость и старание помогли стать полноценным специалистом.

Своей службой старший матрос Коробкин заслужил всеобщее уважение. Он хочет и будет продолжать службу.

С большим удовлетворением и волнением вручаю ему гвардейскую ленточку и значок, желаю успеха в службе и поздравляю со званием гвардейца. Отвечает коротким, как все:

- Служу Советскому Союзу! Мичман Дорофеев попросил разрешения и от имени команды вручил мне краснофлотскую гвардейскую ленту с надписью: "Подводные силы С. Ф.". Этот дорогой подарок я сохраню на всю жизнь.

Сегодня введена в строй гидроакустика. Эхолот отремонтирован раньше. Через несколько дней лодка будет готова к очередному боевому выходу.

Желание у всех одно - быстрее в море.

Второй орден на Боевом знамени бригады

В августе 1943 года бригаде подводных лодок был вручен орден Красного Знамени. Принимая из рук командующего высокую награду, И. А. Колышкин заявил тогда:

- От имени личного состава бригады заверяю партию и правительство, что подводники-североморцы готовы к выполнению любого задания командования.

После этого прошло почти полтора года. Это были месяцы тяжелых боев и упорного труда. На далеких морских дорогах и у самых вражеских берегов, в открытом море и в узких фиордах искали, находили и топили противника североморские подводные лодки. Двести сорок четыре потопленных вражеских корабля - таким стал грозный боевой счет Краснознаменной бригады, Приятно сознавать, что в эту внушительную цифру десятка вписана нами.

И снова страна высоко оценила ратные дела подводников. Президиум Верховного Совета наградил бригаду вторым орденом морской славы, носящим имя великого русского флотоводца, постоянным девизом которого было: "Я всегда больше желаю быть в море, чем в гавани".

На широкой заснеженной площадке между казармами и постройками береговой базы выстроились строгие шеренги одетых по-зимнему матросов, старшин и офицеров. По обе стороны площадки стоят красочные транспаранты - слева изображение ордена Красного Знамени, справа - ордена Ушакова. Над зданиями и площадкой полощутся флаги расцвечивания.

Мороз. Сильный ветер. Стоим в строю лицом к памятнику погибшим подводникам, открытому летом 1944 года. Это

памятник тем, кто вместе с нами, живыми, завоевал боевую славу соединения, но не дождался светлого часа, близкой, уже полной победы. Разговоров в строю нет. Стоит торжественная тишина. Не знаю, о чем в эту минуту думают товарищи, а я думаю о тех, в чью честь воздвигнут памятник. Они отдали все во имя победы: знания, силы, труд, а когда потребовалось - не пожалели и жизни. Наверное, никто и никогда не узнает, как погибли герои, но, конечно, жизнь они отдали достойно, как надо. На памятнике нет имен погибших, но мы и так знаем их.

Проносят знамя бригады. Его несут и охраняют гвардейцы, в том числе и от нас - гвардии старшина 2-й статьи Бубнов. Ветер расправляет полотнище, виден поблескивающий возле древка орден Красного Знамени.

Прибыли командующий и член Военного совета флота. Командующий обходит строй, здоровается. Мы отвечаем. Адмирал поднимается на цоколь памятника и громко зачитывает Указ Президиума Верховного Совета СССР.

"За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество наградить Краснознаменную бригаду подводных лодок Северного флота орденом Ушакова I степени".

Знамя слегка наклоняют, и командующий прикрепляет рядом с первым орденом платиновую пятиконечную звезду второго ордена.

К знамени подходит Герой Советского Союза контр-адмирал И. А. Колышкин. От имени всего личного состава бригады он благодарит партию и правительство за высокую награду и клянется, что подводники с честью выполнят любой приказ Родины.

Слово предоставляется мне. Волнуюсь. Говорю о большой чести, которой мы удостоены и которую нужно оправдать. Напоминаю о тех, кто отдал жизнь за честь знамени и Военно-Морского Флота. Заверяю, что наш корабль в любую минуту готов выйти в море и выполнять любой приказ командования.

Затем выступают другие товарищи.

Над площадью гремит долго не смолкающее "ура!". Вдоль рядов медленно проносят орденоносное знамя. Адмирал Головко подходит к знамени и, обращаясь к строю, говорит о заслугах бригады. Поздравляет нас от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР и Военного совета флота с высокой наградой.

- Но орден, - говорит командующий, - не только награда, не только оценка. Орден ко многому обязывает. Сейчас, когда наш народ напрягает все усилия, чтобы добить врага, вы, подводники, должны быть готовы к выполнению новых, ещё более сложных

боевых заданий командования.

Адмирал закончил свое обращение пожеланием успехов и здравицей в честь Родины, партии и могучего советского народа.

Дружно и горячо отвечаем громким "ура".

Начинается парад. Под звуки оркестра мимо трибуны церемониальным маршем идут колонны. В первой колонне - офицеры, а в первых шеренгах - командиры подводных лодок. Пройдя мимо трибун, сворачиваем в сторону, чтобы посмотреть, как идут другие колонны.

Идут наши мичманы, сверхсрочники - гордость бригады. Идут старейшие на Севере гвардейцы - экипаж подводной лодки "М-171". Скоро исполнится три года, как они плавают и сражаются под гвардейским флагом. А вот молодые гвардейцы наш экипаж. Может быть, я пристрастен, но мне показалось, что проходят они лучше всех.

Идут старшины и матросы - рулевые и мотористы, электрики и трюмные, торпедисты и акустики - те, кто в тяжелых боях и в упорном труде добывал победу.

Пройдя трибуну, колонна, замыкающая парад, запевает "Варяга". Волнующе звучат напев и слова старинной русской матросской песни:

Все вымпелы вьются, и цепи гремят
Наверх якоря поднимают.
Готовьтесь к бою!
Орудия в ряд
На солнце зловеще сверкают...

Это наша любимая песня. Она зовет к бою, к подвигам во имя Родины.

В кубрик возвратились под впечатлением только что закончившегося торжества. Секретарь партийной организации Корзинкин предложил обсудить и принять текст обращения к товарищам по оружию. Все согласились с этим - была потребность выразить наши чувства. Письмо призывало боевых друзей не успокаиваться, пока враг еще не добит. Мы обязались содержать вверенную нам технику и оружие в отличном состоянии, быть в полной боевой готовности. На следующий день газета опубликовала обращение под заголовком: "Слово гвардейцев друзьям по оружию".

Мы были в боевой готовности, но выходить в море, искать и топить врага, к чему мы готовились сами и призывали товарищей, нам больше не довелось. Фашисты были изгнаны из Норвегии. Во всяком случае, из той ее части, куда простиралась зона Северного флота. Наши Вооруженные Силы сломали хребет врагу на полях сражений и неудержимо двигались к его логову - Берлину. Не до

полярных плаваний стало гитлеровцам.

Правда, в последний период войны фашистские подводные лодки пытались повысить свою активность, и у наших надводных кораблей и противолодочной авиации, искавших и топивших их, в этом отношении было еще много дел.

Подводники как-то вдруг стали "безработными". С боевых походов и атак приходится перестраиваться на учебу. Простой будничный труд не всем нравится. Но мы ведь сами писали в своем обращении: "Какую бы задачу нам ни поставило командование - выполним ее на отлично!". И вот задача получена: боевая подготовка. Не этого мы ждали, принимая на себя обязательства. Все равно-гвардейское слово крепкое, и мы свое слово держим: к каждому выходу серьезно готовимся, а по возвращении в базу разбираем учебные походы так же, как раньше боевые.

Следя за событиями по газетам и радио, мы понимали - враг агонизирует и долго сопротивляться не сможет. И все-таки день победы наступил неожиданно.

Празднуем Победу

Утро 9 мая 1945 года выдалось светлое, по-настоящему праздничное. Кажется, вместе с людьми торжествует наша родная, далекая заполярная бухта. На серебристой ее глади покачиваются грозные корабли. Между мачтами тянутся гирлянды флагов расцвечивания. Радостные возгласы и звуки оркестров доносятся до суровых, еще покрытых снегом скал.

Торжественный митинг состоится у причала. Сюда со всех концов городка движутся воины. Лица радостные, сияющие. Подошла колонна подводников. Дважды орденоносное знамя несут и охраняют гвардейцы - старшины нашего корабля Игнатьев, Власов, Бубнов.

Рядом с нами строятся наши боевые товарищи - экипажи миноносцев. Они часто провожали и встречали нас, когда мы возвращались из боевых походов. Прибыли скромные морские пехотинцы, разведчики - они делали свое дело тихо, незаметно, но наверняка. Только темные ночи да глухие, непроторенные тропинки в сопках на вражеской территории были свидетелями их беззаветной храбрости. Здесь артиллеристы, саперы, зенитчики, связисты, работники штабов, врачи - все, кто ратным трудом своим ковал победу.

Вдоль ровных шеренг, замерших по команде "Смирно", проходят командующий и член Военного совета флота. Адмирал здоровается. Матросы дружно отвечают на приветствие командующего.

С мостика ошвартованного у причала эсминца,

превращенного в импровизированную трибуну, член Военного совета Северного флота вице-адмирал Николаев открывает митинг личного состава. Оркестр исполняет Гимн Советского Союза. Командующий флотом подходит к микрофону и говорит:

- Матросы и офицеры! Боевые товарищи! Рабочие и работницы! Вооруженные силы фашистской Германии вчера, восьмого мая, капитулировали. Враг разбит! Четыре напряженных года войны остались позади. Наша Родина завоевала победу, а Советская Армия и Военно-Морской Флот - неувядаемую славу. Поздравляю вас с победой! Поздравляю с окончанием войны против фашистской Германии! Почтим память погибших боевых товарищей, не доживших до этого часа.

В воцарившейся тишине раздаются звуки траурного марша в память о павших в бою друзьях.

- Северный флот,- продолжал адмирал, - за время войны с честью выполнил задачи, возложенные на него. Я, как ваш командующий, горжусь вами, горжусь вашим мужеством, преданностью Родине и боевым мастерством. Мы можем смело смотреть в глаза нашему народу, нашей матери-Родине, ибо честно выполнили свой воинский долг.

Свое выступление командующий заканчивает здравицей в честь победы, в честь советского народа Вооруженных Сил и Коммунистической партии. Последние слова тонут в могучем краснофлотском "ура".

Затем слово предоставляется главе британской военно-морской миссии на Советском Севере контр-адмиралу Эджертон.

- Я считаю большой честью для себя выступить здесь перед воинами союзной страны в торжественный день победы над нацистской Германией, - говорит Эджертон.

Далее английский адмирал пытается оправдать затяжку с открытием второго фронта.

- Германия была главным агрессором, - заканчивает адмирал. - Сейчас она приведена в покорность и находится у наших ног. Я искренне верю, что дружба между нашими нациями, которая привела нас к этой великой победе, будет вечной!

Хорошие слова, хотелось бы, чтобы они были подкреплены такими же делами.

После англичанина слово предоставляется мне.

Говорю о блестящем пути, пройденном армией и флотом в дни войны. О силе и могуществе нашего государства, обеспечившего торжество правого дела. О том, что мы и впредь будем стоять на страже интересов Родины.

Меня сменяет на трибуне разведчик - главный старшина Бабиков. Сдерживая волнение, он говорит:

- Этот день - день окончания войны, день победы - мы ждали четыре года. Ждали все: кто воевал на фронте, кто, перенося трудности и лишения, работал в тылу. Наши матери и сестры, отцы и братья, жены и невесты. Мы так мечтали об этом дне, дрались и трудились ради него. И вот он настал! Радость победы! Великое счастье дожить до нее, ощутить и увидеть ее своими глазами!

Представитель экипажей эскадренных миноносцев, комендор матрос Козий сказал коротко:

- Мы горды, что и нам довелось участвовать в общем деле победы. Североморцы грудью встали на защиту Советского Заполярья, отбили все атаки врага и изгнали его с Крайнего Севера. Мы обещаем бережно хранить героические традиции нашего флота, множить их и передавать новым поколениям.

Контр-адмирал Петр Павлович Михайлов в своей речи призывал моряков, которые доказали свое умение бить врага во время войны, продолжать укреплять нашу мощь на море и в дни мира.

Выступали представители и других соединений.

С митинга уходим строем. Идем весело, с песнями. Со всех кораблей, батарей и постов взлетают разноцветные ракеты. Кругом полощутся флаги, звучит музыка.

На береговой базе - в кубриках, столовой, клубе и на площадке продолжается праздничное веселье.

Как всегда, отличился Пустовалов - обладатель приятного голоса, непременный участник лодочной и бригадной самодеятельности. Не отстал от него и Федотов - "стихийный организатор" хора из всех желающих.

После обеда многие пожелали уволиться в город. Собрались в кубрике. Как-то само собой, вначале в шутку, а затем всерьез, возник разговор о дальнейшей жизни.

Многие старшины и матросы привыкли к кораблю и полюбили флот настолько, что не представляют себе жизни вне его. Это Круглов, Корзинкин, Пустовалов, Лемперт, Макаров и многие другие. Одни собираются остаться на сверхсрочную службу, другие - поступать в военно-морское училище.

Но есть и иные личные планы. Оказывается, Боженко мечтает об учебе в электротехническом институте, , а потом о работе на Днепрогэсе. То, что Днепровская гидроэлектростанция разрушена, его не смущает.

- Восстановим и пустим, - говорит он. Елин и Павлов думают идти на завод. Работы будет

много, рассуждают они, наше умение там пригодится.

А смену мы подготовили себе надежную!

- Корабль свой никогда не забудем. С товарищами тоже нелегко расставаться будет, - говорит Елин. Видимо, не один раз поговорили между собой мичманы, прежде чем принять твердое решение о своей демобилизации.

Вот значит как: коллектив один, а мечты, стремления у людей разные; что же - это вполне естественно. Пора привыкать к мысли, что придется нам расставаться. Тем более, что это уже частично началось.

Офицеры Скопин, Чуприков, а за ними Иванов поехали на учебу - готовятся стать командирами подводных лодок. Шаповалов направлен в адъюнктуру морского инженерного училища. Ковалев, "наш Кузьмич", служит теперь на берегу. Переведены на другие лодки кок Василий Павлович Митрофанов, строевой Жданов. Стал старшиной группы на другом корабле Либерман. Командир группы движения Ушаков принял боевую часть на однотипной лодке.

Хочется на всю жизнь остаться друзьями, кем бы и где бы каждый из нас ни был. Об этом и говорим в кубрике. Обещаем не терять друг друга из виду, а если у кого случится какое несчастье, помогать, как в бою.

И мы крепко жмем друг другу руки.

- У меня есть предложение, - говорит старшина Игнатьев. - Если будет опять война, то снова собраться вместе, попросить, чтобы назначили всех на одну подводную лодку, и воевать так же, как воевали!

Эта мысль всем понравилась.

- Есть просьба, - обратился ко мне Николаевский.

- Пожалуйста.

- Товарищ командир, напишите когда-нибудь о нашем экипаже.

- Трудное это дело, товарищ Николаевский. Я ведь не литератор и сделаю это не лучше, чем каждый из вас.

- Нет, все-таки мы для вас виднее были, и вы более объективно сможете описать наши походы, а может, и переживания.

К Николаевскому присоединяются другие. Обещаю с их помощью написать историю корабля и оставить ее на лодке для изучения тем, кто придет нам на смену.

Домой иду с двойственным чувством. Радуюсь победе над германским фашизмом и в то же время немного грустно, когда вспомнишь о скором расставании с боевыми товарищами.

...О том, что 15 мая в Кольском заливе состоится военно-морской парад, мы знали вчера, а об участия в нем нашего корабля вопрос решился только сегодня. Большая честь быть

участником такого парада. Ведь это парад победы и победителей.

Рано утром в день парада стали на якорь в отведенной нам по дислокации точке у Мурманска. Бригада представлена несколькими лодками.

На сколько хватает глаз, по заливу стоят корабли. Сколько их!.. Самое удивительное, что незнакомых нет. С каждым кораблем где-то обязательно встречались, чем-то помогали друг другу.

Большим и могучим стал наш Северный флот.

Ровно в четырнадцать часов показался белоснежный катер командующего. На нем член Военного совета флота, секретарь Мурманского обкома ВКП (б) и председатель облисполкома. К флагманскому катеру подходит морской охотник с командующим парадом контр-адмиралом Фокиным. Отдается рапорт, и одновременно раздается первый залп салюта. Со всех кораблей взлетают разноцветные ракеты.

Двадцать один залп следует один за другим. С последним адмирал Головко на своем катере в сопровождении катера командующего парадом обходит выстроившиеся корабли.

Катер у нашего борта. На поздравление с окончанием войны отвечаем дружным "ура". Долго еще не смолкает на рейде непрерывное, постепенно замирающее "ура".

Обход кораблей, вероятно, окончен. В бинокль видно, как поднимаются на палубу флагманского корабля командующий и сопровождающие его лица.

Парад открывают катерники. Любят они показать свою стремительность. Ревут моторы, и буквально стрелой проносятся корабли Печенгской Краснознаменной ордена Ушакова I степени бригады торпедных катеров. В этом соединении выросли такие признанные мастера торпедного удара, как дважды Герой Советского Союза Шабалин, Герой Советского Союза Алексеев, Коршунович, Лозовский, Паламарчук и многие другие.

За катерниками проходит Краснознаменный дивизион тральщиков капитана 3-го ранга Иващенко. Эти корабли - большие труженики, пахари моря. Многие тысячи миль прошел каждый из кораблей, конвоируя транспорта, расчищая фарватеры или выслеживая врага. На боевом счету тральщика капитан-лейтенанта Панасюк две, а у капитан-лейтенанта Бабанова даже три потопленные немецкие подводные лодки. Такому счету позавидует любой специальный противолодочный корабль.

Тральщиков сменяют морские охотники ордена Ушакова бригады. Много славных походов совершили и много побед одержали они. Отличились и в последних боях за освобождение Советского Заполярья, за что соединению присвоено название

Киркенесского.

Проходят эскадренные миноносцы - те, которые двенадцать лет назад своим приходом в Заполярье вместе с подводными лодками положили начало Северному флоту, и те, которые пополнили флот во время войны. Ничего не скажешь, красивые и быстрые корабли. Велика их заслуга в защите наших коммуникаций, в поддержке фланга армии. Не случайно на кормовых флагах некоторые несут орден Красного Знамени, а "Гремящий" - гвардейскую ленту.

Настала и наша очередь пройти парадным строем у флагманского корабля. Якоря давно подняты. Внизу у механизмов оставлена одна смена, остальные выстроены на верхней палубе в две шеренги. Строй кораблей вытянулся в ниточку, в одной кильватерной струе. Дистанция минимальная. Ход полный. Нет, не зря у штурвалов стоят наши прославленные профессора рулевого дела - боцманы. Ни один корабль не выкатился даже на полградуса.

На палубе флагмана сотни моряков стоят в строю. Видимо, устали, но у них такое же приподнятое настроение, как и у нас. Это заметно по веселым лицам, по безукоризненному равнению.

Командующий, адмиралы, офицеры, даже гражданские товарищи держат руку под козырек. Проходим у самого борта. В флагах и ленточках играет ветер. В электромегафон с флагмана нас приветствуют:

- Слава североморцам - воинам морских глубин!

Отвечаем трехкратным "ура".

Лодки сменили курс, обогнули мыс. Строй на палубе распущен. Вопреки строгим подводным канонам, разрешаю всей команде перекурить, не спускаясь вниз. Закон о строгом ограничении числа людей на верхней палубе нарушен самими условиями парада. Да и самолет врага теперь не появится над нами.

Над палубой вьется махорочный дымок. Идет оживленный обмен впечатлениями. Во-первых, поразило количество кораблей.

- Ни за что не поверил бы, если бы сам не видел,- заявил Денисов.

Во-вторых, очень жаль, что по условиям погоды не состоялся воздушный парад. Наши североморские соколы едва ли не больше всех нас имеют на это право. Летчики не раз выручали из беды нашу лодку, а последний год крепко помогали в поиске врага.

Прощай, любимый город

Мили, пройденные на морском параде, оказались последними, наплаванными мною на Краснознаменной гвардейской лодке. В числе многих получаю назначение на

другой флот. Туда же идет большинство нашей команды. Ухожу с повышением по службе, но это сейчас мало радует: тяжело расставаться с кораблем.

И всю силу привязанности к кораблю осознаешь только тогда, когда сходишь с его палубы в последний раз. Больше ты здесь не командир... А сколько энергии отнял он у тебя, сколько радости доставил! Разве есть этому мера?

Жалобно поскрипывает под ногами трап. Шагаешь с таким чувством, будто незаслуженно обидел лучшего друга. Сделал это не по своей вине, объяснить не можешь, а друг молча и укоризненно смотрит тебе вслед. Это третья лодка, которой я командовал... Уходя, на каждой из них оставил частичку своего сердца. На этой, кажется, оставил его целиком.

...К причалу подошел тральщик для доставки в Мурманск отъезжающих. На пирсах у лодок оживление. То и дело в открытых рубочных люках появляются и исчезают матросы и старшины. Одни из них в парусиновых рабочих костюмах, в комбинезонах. Другие в черном обмундировании. На фланелевых рубахах гордо поблескивают боевые ордена и медали. Лица сосредоточены, деловиты.

Отъезжающие ветераны давно официально закончили сдачу боевых постов молодежи и сегодня могут отдыхать. Получив увольнительную, подводники направились было "на берег". Дорогу в город избрали по набережной, мимо лодок, и тут душа у многих не выдержала. Нельзя пройти мимо, если вот она стоит, покачиваясь, красавица - своя, единственная, неповторимая...

- Я, ребята, на минутку. Посмотрю, не забыл ли чего из вещичек на лодке.

- И мне тоже заглянуть надо!

Бросьте притворяться. Не вещички, пять лет жизни вы там забыли и дизеля в придачу. Небось пойдешь, Лебедев, молодому растолковывать, как топливные насосы регулировать?

- Да что, в самом деле, братцы-матросы, пошли, куда сердце тянет!

Так и получилось, что за ворота в город вышли совсем немногие. Большинство - на кораблях.

В отсеках сегодня чаще всего повторяется слово "смотри". Говорят его уволенные в город, по пути зашедшие на лодку, обращаясь к тем, кому достался их боевой номер, а вместе с ним и заведование. Раскрываются последние "секреты", подаются настойчивые советы. Большой опыт, труд и пот кроется за простыми, незатейливыми словами.

- Смотри, масло в стекле держи ровно на три четверти от риски, ниже не упускай, иначе подплавишь сухари в подшипнике.

- Смотри, после перекладки на полный угол носовых горизонтальных обязательно проверяй положение гайки-втулки. Иногда сворачивается и заклинивает перо руля.

Некоторые, закончив рассказывать о механизмах, информируют молодого о характере их начальника.

- Имей в виду, старшина на ветошь жадный, дает немного, и то по третьей просьбе. Больше нормы не проси - не даст.

Когда все было высказано, уволенные пошли на берег.

Любо посмотреть, как, сходя с борта, старослужащий берет под козырек и до хруста шеи равняется, приветствуя кормовой флаг. С этим знаменем в сердце он шел в бой и побеждал...

Вместе с группой отъезжающих командиров подводных лодок я направляюсь в салон командира бригады. Там, за прощальным столом, собрались старые боевые товарищи.

Друзья, чувствуя наше невеселое в связи с отъездом настроение, пытаются развеять его воспоминаниями о разных забавных эпизодах из пережитых вместе лет.

Михаил Петрович Августинович рассказал, как фашистские самолеты действовали по его плану при приеме зачетной задачи от экипажа "Ленинца" под командованием капитана 3-го ранга Евгения Алексеева.

- Команда лодки, - говорит капитан 1-го ранга, - тогда еще не воевала и только что прибыла в дивизион с Тихоокеанского флота. Мне хотелось познакомиться с ее выучкой. Вышли в район боевой подготовки. На переходе убеждаюсь, что в надводном положении личный состав хорошо справляется со своими обязанностями. Погрузились... И под водой работают уверенно, чувствуется сколоченность. Проверил умение срочно уходить под воду каждой боевой сменой и всплытие с артиллерийской тревогой. Во всех случаях офицеры и команда действуют правильно. Решаю проверить натренированность в тушении "пожаров" и заделке "пробоин". А для этого случая, еще за несколько дней до выхода в море, мы с дивизионным механиком разработали типовую аварийную задачу. Суть задачи сводилась к ликвидации на лодке последствий внезапной ее штурмовки звеном вражеских истребителей.

Тактический фон объявили экипажу: светлое время суток, лодка находится недалеко от берегов противника. Идет зарядка батарей. Вахту несет одна боевая смена. Командир на мостике.

Все это было понято и исполнено. Личный состав ждет вводной, чтобы показать свое умение бороться за живучесть корабля. Собираюсь дать ее командиру через несколько минут, а сейчас уточняем отдельные детали с дивизионным механиком, закрывшись с ним в каюте.

На лодку, незаметно подкравшись к ней из-за облака, должны обрушить свой пушечно-пулеметный огонь три истребителя. В результате в шестом отсеке небольшая пробоина, а в боевой рубке от попавших туда через люк зажигательных пуль возник пожар.

Дав указание с объявлением аварийной тревоги поджечь имитационную дымовую шашку в рубке, дивизионный механик направляется в "аварийный" шестой отсек, а я на мостик.

Вводную давать не пришлось. Командир сам ее объявил. Едва я дошел до центрального поста, как услышал команду:

- Самолеты противника в воздухе! Срочное погружение!

Учение шло как по расписанию. Лодка погружалась. Сверху спрыгивали вахтенные сигнальщики. Из боевой рубки повалил дым. Запахло горелой тканью. Алексеев, захлопнув люк, крикнул:

- Внизу! Аварийная тревога! Пожар в боевой рубке!

Вскоре с кормы пришел доклад о "пробоине" в отсеке. Личный состав действовал умело. Пожар был потушен, а "пробоина" заделана. Одно для меня оставалось загадкой - откуда командир узнал условия задачи?

Начал грешить на писаря - наверное, не устоял и кому-то из офицеров лодки показал план. Проверка делалась мною внезапно, по программе, неизвестной команде. Мне не понравилось, что командир знает вводную.

Когда Алексеев спустился с, боевой рубки, спрашиваю у него:

- Командир, от кого вы вводную получили о самолетах?

- Какую вводную, товарищ командир дивизиона? Нас обстреляли два "фокке-вульфа". Меня легко ранили. В рубке комплект флагов сожгли.

Действительно, вижу, у него на лице кровь, а новая канадка в нескольких местах разорвана. После отбоя тревоги всплыли, поднялись на мостик.

- Рассказывайте, командир, где стояли, что видели?

- Стоял у тумбы перископа, по правому борту. Самолеты шли с выключенными моторами и появились из-за облака. Обстрел начали внезапно. Приказал: "Всем вниз!" и "срочное погружение!". Спускаясь в люк, в боевой рубке увидел дым и языки пламени - объявил аварийную тревогу. Остальное вам известно.

Да, совпадение с моей вводной полное - вплоть до пожара в рубке. Сверх программы изуродовали перископную тумбу. Когда командир стал на место, где он находился во время обстрела, у меня мороз по коже пробежал. Двадцать восемь осколков угодили в тумбу. Один ранил в голову да три порвали канадку. Дешево отделался. Могло быть хуже. Задачу повторять не стал. Принял ее с оценкой "отлично".

Рассказ Михаила Петровича напомнил капитану 3-го ранга

Макаренко о встречах с фашистскими самолетами других наших лодок, и с одним эпизодом он знакомит нас.

- То, о чем я расскажу, - начал он, - произошло на корабле Шуйского летом 1942 года. Многие товарищи слышали это в свое время от него самого и пусть меня извинят за повторение.

Стоял полярный день. Лодка отошла от вражеского побережья, чтобы зарядить аккумуляторные батареи. Самолеты противника непрерывно этому мешали. То и дело приходилось уходить под воду, уклоняясь от бомбежки. Особенно досаждали "Арадо". У немцев они выполняли задачи противолодочной авиации и почти непрерывно патрулировали над морем. Аэроплан противнейший. По скорости законченный небесный тихоход. Правда, он обгонял наш "ПО-2", но сильно отставал от "МБР-2". На большие высоты не забирался. Имел на вооружении глубинные бомбы и подводникам доставлял большие неприятности.

Летал он на малых высотах, и сигнальщики обычно обнаруживали его тогда, когда он оказывался очень близко от корабля. Тем более, в этот день небо было в облаках и за каждым из них приходилось следить, чтобы не просмотреть маскирующихся пикировщиков.

"Щуку" сегодня трижды отбомбили назойливые "Арадо", и командир имел все основания считать их своим главным врагом. Увидев, что сигнальщики по-прежнему, задирая голову, просматривают каждую тучку, даже рассердился:

- Ниже у горизонта смотреть нужно! "Арадо" летают низко. Вверх все время смотреть будете, прозеваете, погрузиться не успеем!

Внушение подействовало. Дважды немецкие тихоходы были обнаружены на довольно большом расстоянии, и лодка, уходя от них, благополучно погружалась. Но долго под водой задерживаться не могли - нужно было пополнить запасы электроэнергии.

Вахтенный офицер и оба сигнальщика внимательно вглядываются в горизонт. Кто в бинокль, а кто на манер русских богатырей из-под руки, изогнутой козырьком. Памятуя о низком полете "Арадо", в зенит смотрят редко.

- Разрешите выйти наверх, отбросы вылить!

- Выходите!

В этом "выходите" чувствовалось: "Отстаньте, не видите, люди важным делом заняты. До отбросов ли нам сейчас?"

В шахте люка показалось сначала ведро с неопределенной жидкостью, а затем добродушная, улыбающаяся физиономия рабочего по камбузу. Наверное, ему впервые за поход удалось

вдохнуть чистый морской воздух и увидеть дневной свет. Продолжая довольно щуриться, он поставил ведро на настил и быстро поднялся на мостик. Привычка не задерживаться в люке взяла верх над желанием полюбоваться небом. Наклонившись, чтобы взять ведро, он вдруг на поверхности жидкости увидел отраженный в ведре небосвод и два "Ю-88". Самолеты круто пикировали на лодку из-за облаков. Взглянув вверх, матрос убедился, что "зеркало" его не обмануло.

- Товарищ вахтенный офицер, над нами пикировщики!

Чтобы убедиться в справедливости доклада, много времени не потребовалось.

- Все вниз! Срочное погружение!

Едва захлопнулась за спустившимися людьми крышка люка, как по мостику забарабанили пули. К счастью, все обошлось благополучно. Утопили только ведро, из которого не успели вылить соляр и помои. Но виновнику этой потери рабочему по камбузу - Шуйский объявил благодарность.

Давая разрешение заступить на вахту новому офицеру, командир сказал:

- Выставьте добавочного наблюдателя на мостике, следить в зените за всеми тучками!

Разговорился и обычно молчаливый командир подводной лодки Василий Тураев. Он рассказал об одной своей совершенно исключительной атаке.

- Дело происходило в полярную ночь,- начал он. - Занимались мы ночным поиском у побережья противника. Что это за удовольствие, каждому из нас известно. Но в эти сутки все шло спокойно. Северное сияние нас не беспокоило, корабли противолодочной обороны не встречались. Я находился внизу, когда с мостика поступил доклад:

- Конвой противника в видимости. Командиру - просьба наверх!

Вскоре в ночной темноте начинаю различать караван немецких судов. Состоял он из кораблей охранения и трех транспортов. Разворачиваюсь на носовые аппараты, избирая целью средний по расположению в конвое пароход. Расчет у меня был самый элементарный: если скорость цели окажется меньше принятой мною, торпеда попадет в головной транспорт, больше принятой-в концевой, а если совпадает - в средний.

Дистанция до цели небольшая. Охранение прорвал удачно. Лодка циркулирует, а ночной прицел, как нарочно, "заело". Торпедные аппараты давно приготовлены к выстрелу, и уже дана команда "Товсь".

Прицел удалось исправить и правильно установить только к

концу циркуляции. Стрелять окончательно решаю по среднему.

Подаю команду торпедистам: "Аппараты!". А сам приник к прицелу, жду прихода цели на нить визира. Как и каждый из нас в такие минуты, волнуюсь. Мне даже показалось, что толчки от выхода торпед почувствовал. "Нет, - думаю, так не пойдет. Нужно взять себя в руки". Продолжаю следить за прицелом. Давно прошел головной транспорт, вот-вот на подходе средний. Набираю в легкие воздуха, готовлюсь крикнуть:

"Пли!". Вдруг вспыхивает пламя первого, затем второго взрыва. Головной транспорт разламывается и начинает быстро тонуть. Что такое? В чем дело? Недоумеваю. Может, конвой сошел с фарватера и наскочил на мину? Доклад из центрального поста разрешил все мои сомнения:

- На мостике! Из первого доложили - торпеды вышли!

Видимо, у торпедистов нервы были напряжены больше, чем у меня. Команду "Аппараты!" они приняли за "Пли!".

Атака была обречена на провал, и все-таки торпеды нашли свою цель. Вот когда я порадовался, что избрал мишенью средний транспорт. При другом варианте, вероятно, не потопить бы нам в этом походе фашистский пароход. Вот и утверждай сейчас, что случайностей не бывает...

- Почему же не бывает? Говорят, при бомбежке [208 Ленинграда в зоосаде прямое попадание авиабомбой в слона было. Вероятность этого события математически гораздо меньшая, чем вероятность попадания в соседний транспорт конвоя во время ночной торпедной атаки.

- Для меня лично наибольшая вероятность была получить за эту атаку взыскание. Но я его не получил. А вот минеру пришлось сделать серьезное внушение, несмотря на поговорку "Победителей не судят".

Должен сказать к его чести, что больше подобных казусов с ним за войну не было. Хорошим офицером оказался. Думаю попросить командование послать его на учебу. Отличным командиром лодки со временем станет.

- Отличным? - переспросил кто-то.

- Отличным!

- Почему вы так уверены в этом?

- Есть у него для этого все данные.

- А какие данные должен иметь офицер, чтобы стать хорошим командиром? Или давайте так поставим вопрос: какими качествами должен обладать командир подводной лодки?

С этого начался длинный разговор в салоне комбрига. У каждого нашлось, что сказать на эту тему.

В самом деле, почему иногда "отстающая" подводная лодка

после смены командира начинала чаще встречать конвои противника и возвращаться из каждого похода с победой? Почему после нескольких неудачных, "пустых" походов команда одной лодки старается под всякими предлогами списаться на более "удачливый" корабль, а с другой после таких же неудач не просятся? Почему офицеры считают для себя за особую честь попасть под командование к одному командиру и не испытывают радости при назначении к другому?

Таких "почему" набралось сегодня много. Чтобы ответить на них, нужно ясно представить, каким должен быть хороший командир лодки. Их немало сейчас сидит за этим столом. И все же далеко не легко ответить на вопрос: что же должно отличать хорошего командира?

Говорилось, что командир должен быть мастером своего дела, храбрым и беспредельно преданным Родине воином. Правильно. Но разве это в равной степени не относится к офицеру вообще, старшине, матросу?

Приводили такой пример. Фисанович был, несомненно, моряком высокого класса. Отличное знание своего корабля и района боевых действий в сочетании с личной храбростью позволили ему пробраться в узкий, хорошо защищенный фиорд. Успешно атаковав там врага, он, несмотря на яростное преследование противолодочных кораблей, сумел благополучно возвратиться.

Личные знания и опыт Фисановича играли, конечно, не последнюю роль. Но чтобы решиться на прорыв в Петсамо, необходима была еще твердая уверенность командира в своем экипаже. Командир должен верить, что на любом боевом посту любое его приказание будет выполнено даже тогда, когда разорвавшаяся рядом бомба или мина прервет связь между отсеками. Он должен быть уверен, что каждый матрос, старшина, офицер в самых трудных условиях поступит так же, как поступил бы он сам.

Ненависть к врагу, готовность к самопожертвованию во имя любимой Родины, настойчивость, высокое понимание чувства долга, заставляющее под разрывами глубинных бомб прорываться к наиболее ценным кораблям противника, а не разряжать торпедные аппараты в ближайший сторожевик, выносливость, умение мгновенно ориентироваться в обстановке - все эти качества должны быть обязательно присущи командиру подводной лодки.

Но и этого еще недостаточно. Командир и команда должны жить одним стремлением. Знаниям и опыту командира должны соответствовать умение и мастерство экипажа. И командир

справится со своей задачей лишь при условии, если он сумеет этого добиться.

Один на лодке не воин. Как бы ни был талантлив сам командир, он без экипажа воевать не сможет. Талант командира, его искусство в том и состоят, чтобы правильно обучить, воспитать и сплотить экипаж. Это основное и, по-моему, самое главное качество командира. Он руководитель и воспитатель боевой семьи - команды корабля.

Но неправильно было бы представлять обучение и воспитание экипажа как односторонний процесс. Командир не только дает коллективу, но и многое берет от него, и это помогает ему расти, совершенствоваться. Тот, кто думает: "Я учу, а мне у подчиненных учиться нечему", стоит на ложном пути. Путь этот ведет к зазнайству и в конечном итоге - к провалу. Хорошего командира должно отличать умение не только учить, но и самому учиться у подчиненных. Разве мало правильных мыслей и предложений, высказанных матросами, старшинами и офицерами, успешно применено в бою командирами кораблей? И разве заслуга последних от этого уменьшилась?

Умение внимательно и бережно отнестись к каждому предложению и мнению подчиненных - драгоценное качество советского командира. Именно из таких командиров лодок выросли в войну присутствующие здесь командиры дивизионов Августинович Кучеренко...

Сплотить экипаж лодки в дружный, боеспособный, не боящийся никаких испытаний коллектив - кропотливый и нелегкий труд. Одним кажется, что сплоченности коллектива, его высокой подготовленности можно добиться, в частности, путем списания с корабля нерадивых и нерасторопных, неумелых и недостаточно дисциплинированных членов экипажа. Другие же терпеливо и настойчиво учат и воспитывают каждого. Я придерживаюсь последней точки зрения.

Нелегко с иными бывает, ох как нелегко! Это верно. Но какое моральное удовлетворение получает командир, когда человек, считавшийся неисправимым, становится полноценным членом экипажа!

Особой заботы требуют от командира обучение и воспитание молодых офицеров. Это самая сложная и очень кропотливая работа. Я, как и многие другие, сторонник принципа: побольше самостоятельности офицеру. Уверен, что когда к офицеру приставлена нянька, он невольно превращается в младенца.

Но доверие надо сочетать с внимательным контролем. Формы этого контроля различны. Вообще контроль за работой офицеров должен осуществляться так, чтобы они этого не ощущали,

особенно если это касается управления кораблем. Доверие порождает чувство ответственности, развивает инициативу. Ошибки надо подмечать, но вмешательство не должно быть грубым, чтобы не заронить в офицере неуверенность в своих способностях и силах.

Возвращаясь к мысли: один на лодке не воин, необходимо подчеркнуть, что это относится не только к боевым условиям, но и к вопросам воспитания и обучения. Командир не один занимается этими вопросами. Ему помогают офицеры и старшины, ему оказывают неоценимую поддержку партийная и комсомольская организации. Умение правильно расставить своих помощников, опереться на них, направить силы партийной и комсомольской организаций - важнейшее качество командира.

Вспоминаю, как партийная и комсомольская организации нашей лодки боролись за безупречную службу каждого человека. В первом боевом походе один матрос заснул на рулевой вахте. В темную штормовую ночь вахтенный офицер только по странному изменению направления волны и ветра заметил, что лодка описывает циркуляцию. Рулевой был очень строго наказан. Его проступок обсуждали комсомольцы. Товарищи не только вынесли ему взыскание, но в помогли осознать свою ошибку, осознать так, чтобы не повторить ее никогда. Сейчас этот рулевой назначен боцманом на одну из лодок. Грудь его украшают несколько боевых орденов и медалей - награда за отличную службу, за боевые дела

Командир всегда на виду. На него смотрят, у него учатся, ему подражают. Командир подводного корабля - особенно на виду, хотя бы уже потому, что так устроена лодка. Этого никогда нельзя забывать, ибо в бою, во время атаки, под бомбежкой или на минном поле каждое слово, каждый жест командира приобретают особое значение для окружающих. Тень на лице, изменившийся голос могут породить беспокойство и неуверенность в команде.

Командир никогда не имеет права забывать о нуждах своего экипажа, особенно в боевом походе. Он всегда должен знать не только как учатся, несут вахту, но и как накормлены, как отдыхают люди.

Подводники испытывают большое напряжение не минутами и часами, а неделями и месяцами. Командир лодки, как рачительный хозяин, должен уметь заботливо распределить силы экипажа. К нему больше, чем к кому-нибудь, относится старое солдатское выражение: отец-командир. Не случайно многих командиров матросы и старшины провожают потеплевшим взглядом и шепчут ласково: "Батя".

И как тепло откликаются на заботу командира его

подчиненные! Разве не охраняют они его короткий сон в трудном ночном поиске? Разве не оказывается заботливо высушенной - порой неизвестно кем - смена обмундирования, когда командир мокрым спускается с мостика? А послушайте, как вспоминают о своих боевых делах дружные, сплоченные экипажи: "Охранение конвоя было такое, что только наш командир решился прорвать его", "Дистанция была такая большая, что только наш командир смог попасть торпедой"... И все это говорится с таким убеждением, что оспаривать невозможно.

Много еще говорилось о качествах командира-подводника, но мне хочется закончить таким обобщением: командир должен иметь горячее сердце и холодную голову.

...На пирсе личный состав построен двумя колоннами - лицом друг к другу: отъезжающие и остающиеся. Подхожу к гвардейцам нашего корабля, остающимся на Севере.

- Желаю вам... - бодро начал было я и осекся. Нет, слов не нужно. Подхожу к каждому, крепко обнимаемся, целуемся. Вижу, как заблестели непрошеной слезой глаза у Власова, Круглова, Корзинкина. Да и сам я что-то плохо вижу... Это не сентиментальность. Тяжело расставаться с боевыми товарищами, которые стали друзьями на всю жизнь.

Тральщик отошел от пирса. Машем фуражками и бескозырками, прощаемся с оставшимися на берегу.

Многие делают вид, что от ветра слезятся глаза, некоторые откровенно роняют скупые мужские слезы. Нелегко покидать родное гнездо...

- Разрешите сыграть на прощание песню? - обращается ко мне баянист старшина Колуканов.

И полились над Кольским заливом нежные, немного грустные звуки. Чей-то звонкий голос запел морскую песню. Припев подхватили все.

Прощай, любимый город,

Уходим завтра в море...

Белокрылые чайки вступили в почетный эскорт по бортам и за кормой тральщика. На горизонте показался остров Сальный, а за ним город рыбаков Мурманск.

Мы идем на другое море, оно уже властно влечет к себе. Но и Север стал дорогим и любимым краем для каждого из нас. Прощаться с ним тяжело, и перед глазами все стоят оставшиеся здесь товарищи.

Куда бы ни забросила меня судьба, я всегда буду гордиться своими боевыми друзьями с "С-56", на всю жизнь сохраню о них светлую и благодарную память.

Такова краткая история наших походов. Я не сумел описать

по достоинству каждого из команды. Но, пожалуй, этого и не нужно. Мы всегда были дружным, боевым коллективом. Поэтому и писать о нас можно только обо всех вместе.

Примечания

{1}Мерная линия - специально оборудованный участок моря вблизи береговой черты для измерения скорости хода корабля.